

Институт всеобщей истории РАН
Центр гербоведческих и
генеалогических исследований

Signum

Москва
2010

Ответственный редактор
А.П. Черных

Редколлегия:

А.А. Молчанов

В.А. Антонов

А.А. Ткаченко

(отв. секретарь)

Рецензенты:

д.и.н.

М.Ю. Парамонова

к.и.н.

Е.В. Пчелов

© Центр гербоведческих и
генеалогических
исследований, 2010
© Институт всеобщей
истории РАН, 2010

Очередной выпуск Signum'a предлагает читателю исследования и публикации, посвящённые геральдическим и сигиллографическим сюжетам. Мы посчитали важным сделать доступным отечественному читателю выполненный специально для Signum'a перевод статьи известного медиевиста Б. Бедос-Резак, в которой автор пытается вскрыть механизмы формирования визуальной культуры Средневековья. Она делает это преимущественно на материале анализа сигиллографических источников и её подход переносит рассмотрение проблемы в контекст богословских дискуссий XI–XII вв., которые велись вокруг понимания изображений как знаков непосредственно не присутствующих, но репрезентируемых ими объектов. Несомненно, он заслуживает внимания отечественных читателей как вероятный путь ответа на вопрос о механизмах появления и исключительного распространения в Средние века печатей, гербов и других визуальных признаков.

Проблемы сигиллографии занимают в настоящем сборнике значительное место: мы публикуем перевод двух посланий Иннокентия III, свидетельствующих о практике подделок печатей на рубеже XII–XIII вв.; основанную на архивных материалах статью о печатях жалованных грамот русских царей на православном Востоке в XVI–XVIII вв., статью о современной практике и метаморфозах печати.

Обращение к анализу ранних немецких брактеатов в одной из статей сборника позволяет сопоставить типы изображений на них с геральдическими фигурами, возни-

кающими в ту же эпоху. Такое рассмотрение нумизматической эмблематики, с одной стороны, и геральдики, с другой, может дать в будущем немало интересных результатов и наглядно показывает единство тех исторических дисциплин, которые работают с изобразительными источниками.

Известно, что гербы из разряда так называемой вообразяемой геральдики не являются простым плодом воображения позднесредневековых художников. Эти гербы далеко неоднородны по своему составу, и одна из статей пытается ответить на вопрос о причинах появления некоторых из них.

В целом материалы сборника, как нам представляется, демонстрируют вариативность богатства визуальных признаков Средневековья и Нового времени.

С прискорбием мы сообщаем об уходе из жизни нашего коллеги, мудрого эрудита и прекрасного человека, Аркадия Анатольевича Молчанова. В 2010 году не стало также специалиста по геральдике, члена Международной академии геральдики (АИГ) польского учёного Стефана Кучинского. В память о нём мы публикуем перевод его обзорной статьи, в обобщенном виде представляющей собой результаты его многолетних исследований и размышлений о феномене геральдики, о процессах образования и функционирования гербов, о месте геральдики в социальной, политической и культурной жизни Европы.

В заключение мы поздравляем наших коллег Владислава Алексеевича Антонова с успешной защитой докторской диссертации на тему «Гербы в духовно-исторической жизни датчан XII–XVII веков» и Елену Александровну Яровую с выходом её книги «Геральдика генуэзского Крыма» и желаем им дальнейших успехов.

Редколлегия

С.К. Кучинский

Человек в мире гербов

Гербы создала необходимость идентификации людей и их групп. Они были опознавательными знаками и использовались в качестве таковых в Западной Европе изначально, с середины XII в., присутствуя на поле битвы. Наибольшую поверхность в амуниции защищенного шлемом и доспехом рыцаря представлял собой щит, являясь исключительно удачным местом для нанесения личного знака воина; будучи применен в сражении, этот знак становился военно-идентификационным. Водруженный на древко флажок с гербом знаменосца был его визуальным признаком, а также знаком его отряда, обозначал место командующего и постоя, направления атаки и движения, сборный пункт для рассеянных в бою рыцарей. Использование визуальных и звуковых военных знаков (*signa militaria*) предписывалось средневековой теорией военного искусства.

В прежних взглядах на возникновение гербов преувеличивалось значение крестовых походов как причинного фактора формирования гербовых знаков. Однако печати, преимущественно конного типа, князей и феодалных сеньоров регионов Англии, Эльзаса, Фландрии, Брабанта, Шампани, Арагона, Швабии, а также Австрии, Штирии и Баварии выявляют спорадическое существование уже в пер. пол. XII в. и, чаще, в середине и второй половине того же века, эмблематических знаков, размещенных на флажке или щите, которые держит кон-

Перевод выполнен по изданию: *Kuczyński S.K. Człowiek wobec świata herbów // Człowiek w społeczeństwie średniowiecznym / Red. R. Michałowski i in. Warszawa, 1997. S. 331–339.*

ный рыцарь. Это были первые рыцарские гербы, подчиненные уже формирующимся геральдическим правилам, вскоре закрепленные в своих форме и наследовании. Участие же западного рыцарства в крестовых походах ускорило – что заметно – распространение гербов. Большое влияние на это имели обычаи окружения и специфическая мода, показывавшая, что рыцарское одеяние с добавлением на него герба становилось более привлекательным.

Использование гербов в Западной Европе, вначале ограниченное господствующей группой, феодальными магнатами, командующими и элитой рыцарства, быстро распространилось на рыцарство рядовое. Герб почти сразу переместился на печати, и не только как сопутствующий фигурным репрезентациям их владельцев элемент, но и как самостоятельный сигиллярный мотив, проник вскоре во многие сферы социальной жизни. Он исполнял везде функции отличительного знака, признака идентичности, идентификатора и отличителя физического, а со временем и юридического лица, а также показателя его статуса и места в иерархической структуре феодального общества. Наследуемость гербов гарантировала их функционирование во времени «большой протяженности».

В течение XIII в. круг имеющих право использования гербов постоянно расширялся. Тогда ими пользовались епископы и иные церковные сановники, королевские и княжеские официалы, а также города, корпорации, аббатства и духовно-рыцарские ордены, а со временем городской патрициат, цехи и университеты. Во Фрисландии и Швейцарии крестьяне, которым в иных местах не разрешалось гербовых знаков, также имели свои особые родовые гербы. Со временем гербы захватывали все новые сферы социальной жизни.

Более того, в кругу ученых, интеллектуалов и писателей, а также герольдов и авторов гербовников, возникла потребность наделения гербами библейских фигур, правителей древности и раннего Средневековья – т. е. догеральдической эпохи, а также и литературных героев (гербы Ноя и его сыновей, Трех Королей, Карла Великого, короля Артура, рыцарей Круглого Стола и

иных). Это дало начало воображаемой геральдике, пышно расцветшей в геральдических трактатах и гербовниках, а также в миниатюрах рукописей и книжной живописи.

Гербы относятся к созданному людьми миру знаков и репрезентаций. Состоящие из щита и помещенной на нем эмблемы, временами используемой автономно, без гербового щита, снабженные цветами, наделенные в полном виде и нашлаемником, подчиненные геральдическим правилам, обеспечивавшим их наглядность, они были иконическими знаками. Носители этих знаков были разными: пожалуй, не было материала, не использованного в этой роли, как и техники, которая не была бы применена для воплощения этих знаков. Гербы как репрезентации, иконические знаки, наделенные значением визуальные предметы, были, по меткому терминологическому выражению Кшиштофа Помяна, своего рода семафорами. Именно гербом показывались не всегда заметные, но содержащиеся в них признаки и свойства лица – его статус и социальная принадлежность, иногда также этническая и профессиональная, а также, вероятно, нередко индивидуальные, личные качества, выражавшиеся т. н. говорящими гербами (*armes parlantes*), прямо или намеком связанными с собственным именем владельца герба, опирающимися на омонимические связи слова и образа.

Форму гербов обуславливали функции единичного герба как опознавательного знака. Отсюда стремление к синтезу формы и рисунка гербовых эмблем или подчинение их искусственной геральдической стилизации, ограничение палитры используемых цветов и металлов, а также соединение их на основе контраста. Это было адаптировано к основам зрительного восприятия, служа необходимости быстрой и однозначной идентификации герба и, таким образом, его носителя, особенно на поле сражения и в шуме битвы. Сжатой форме гербов отвечал выработанный герольдами лаконичный и точный язык описания, или блазонирования гербов, на котором основывалась вся геральдическая терминология.

Трактуют гербы в категориях семиотики, приходится признать их за одну из форм социальной коммуникации. В этом смысле гербы занимают значительное

место во многих областях культуры, по-прежнему не всегда надлежащим образом определяемое. В разных контекстах они были субститутом физического или юридического лица, а также более внушительного коллектива. Используемые индивидуально или большими либо меньшими группами, они имели разный политический, правовой и социальный смысл. Они определяли сферу власти монарха – действительной и той, на которую претендовали, когда в венце гербов земель на королевских печатях временами выражали территориальные запросы и притязания (гербы притязания). Их использованием подчас формулировались целые декларации и программы – они выражали, таким образом, общность интересов, родовую солидарность (гербы сородичей в Польше) и коллективные узы (как группы гербов рыцарей больших орденов в их капеллах и церквях). Иногда они были правовыми памятниками (свитки в Испании и Португалии, итальянские столбцы и знаки юрисдикции), регуляторами общественного порядка (императорский орел в имперских городах), а также знаками отношений собственности и пространства (гербы на пограничных знаках). Кроме этой широкой сферы значений, принадлежащих политико-правовой культуре, гербы имели свою материальную форму. Как произведения скульптуры, искусства или художественного ремесла, они принадлежали художественной культуре своего времени и испытывали ее влияние, вопреки жестким, хотя и не всегда ригористично соблюдаемым геральдическим правилам.

Справедливо обращается внимание на всеохватность гербов в Средние века. Поле реальной или представляемой (турнир) битвы, личный перстень и печать как знак удостоверения, основанные объекты, предметы повседневного обихода, оружие и инструменты, элементы украшений, жилой дом и усыпальница, т. е. дом при жизни и после смерти, или же – в особенности – властная резиденция, интерьер собора и общественного здания, придворный церемониал и театр власти, в особых случаях также литургия и ее облачения, как и переходящая из рук в руки монета – наиболее массовый посредник, городское пространство, коммунальные сооружения и дороги – были заполнены гербовыми знака-

ми. Правда, не везде в равной степени – богаче в странах высокоразвитой геральдики – Англии, Франции, Испании, Италии и Германии, скромнее в Чехии, редко в скандинавских странах, в Венгрии и Польше. Более в городах, особенно крупных, и резиденциях светского правителя или епископских, менее – вне их. Однако гербы везде представляли собой один из наиболее существенных компонентов окружавшего средневекового человека семиотического пейзажа. Силу их художественного воздействия увеличивал цвет, необходимый компонент гербового знака, использованный там, где это было возможно, за исключением печатей и монет. С цветом связано много символических значений, выходящих далеко за пределы геральдики.

Тем не менее, нельзя упускать из поля зрения, что гербы изначально и еще долго впоследствии были элитарным явлением, правда, выросшим из военных нужд, но в кругу социальной элиты и для использования ею. Поэтому они выражались часто собственным символическим языком, пользуясь репрезентациями, хотя и видимыми всеми, но понятными лишь своим. Английские *marks of cadency*, прибавляемые к родовым гербам для обозначения порядка наследования, были ясны для тех адресатов послания, содержащегося в снабженных ими гербах, которые относились к той же самой социальной группе, что и носители этих гербов. Подобным образом гербы, черпавшие мотивы из библейских тем или зверинца средневековой символики, несли смыслы, обращавшиеся к адресату с соответствующей интеллектуальной подготовкой.

Здесь возникает вопрос об источниках инспирации и культурном материале, при использовании которого сформировались смыслы гербов. Они отличались большим разнообразием мотивов, почерпнутых из разных источников. Простейшие гербы возникли из разделений щита будто бы ударом меча одной прямой линией или несколькими на меньшие цветные плоскости, которые становились эмблемами. Это геральдические фигуры, простые и почетные, частые в Западной Европе и редкие в Польше: дву- и многократно рассеченные, пересеченные, скошенные и четверчастные щиты и воз-

никшие из этих делений гербовые фигуры – столб, пояс, скошение, крест, клин, стропило и другие. Их отвлеченный характер не вызывал прямых ассоциаций с носителем герба. Поэтому геральдика чаще обращалась к мотивам, почерпнутым из окружающей человека действительности, со всем богатством ее флоры и фауны, к материальным предметам и творениям человека. Как налет рыцарской культуры, геральдика сделала эмблемами многие объекты военного ремесла (меч, топор, стрелы, шлем, подкова, особенно частые в польской геральдике). Она также приняла в качестве гербовых эмблем орудия труда и предметы, связанные с производственной активностью человека (сошник лемеха, грабли, мельничный камень, колесо, трубы, якорь, ладья – также частые мотивы польских гербов). В них могли содержаться денотации, связанные с главным занятием первого носителя герба. Из наблюдения природы происходят многочисленные растительные и зооморфные эмблематические темы, геральдические флора и фауна, темы, внушенные хозяйственной деятельностью, собирательством и охотой. Из того же самого источника наблюдения в геральдику перешли небесные тела – солнце, месяц, звезды – частые мотивы гербов многих стран Европы. Из литературных источников ученой традиции, из «Физиолога» и бестиариев, прямо или опосредованно черпались мотивы фантастических животных (гриф, дракон, козерог, сирена, кентавр и иные), вместе с приписанным им символическим значением. Таким же путем, хотя и не исключительно им, в гербы попадали классические геральдические животные – орел, лев и леопард, излюбленные мотивы династических гербов. Сильное влияние на геральдику, особенно церковную, но также и рыцарскую, оказала христианская символика и библейские темы (в польской рыцарской геральдике, однако, только Самсон). Творческая изобретательность создателей гербов отлично преобразовывала и искусно геральдизировала эти мотивы.

Помещенной на щит гербовой эмблеме почти с самого начала сопутствовал гербовый нашлемник, венчавший рыцарский шлем. Это украшение шлема находит также обоснование в военных обычаях. Посред-

ством него фигура рыцаря становилась большей с виду и вызывала уважение, а сам он увеличивал свое мужество, помещая на шлем дышащего огнем хищного зверя (апотропайон – оберег), или хотя бы рога, плюмажное украшение, или повтор эмблемы гербового щита (тавтологический нашлемник). Большое влияние на развитие нашлемника имел придворный церемониал, особенно рыцарские турниры, на которых герольды осматривали снабженные нашлемниками рыцарские шлемы. На поле битвы нашлемники имели, пожалуй, меньшее значение, так как эти, иногда затейливые, малоустойчивые и тяжелые конструкции, затрудняли движения воина. Проведенные в последнее время исследования гербовых нашлемников доказывают, что, прежде чем, вместе с эмблемой, они стали наследуемыми, их не ограничивала никакая конвенция, поэтому они раскрывают великое богатство воображения и изобретательности человека, влечение к необыкновенному, а временами и комизм репрезентаций (копыто коня, ослиные уши, слоновий хобот, карикатурная голова язычника на шлеме).

Богатство геральдических мотивов, происходящих из стольких источников, способствовало возникновению фабульных сюжетов, выросших вокруг гербов. Это были разного рода сказки, легенды и гербовые сказания (*contes d'héraldique*, *Wappensagen*, *Wappen-dichtungen*) как комментарии к символике эмблем, жившие в устной традиции, известные и в Польше, хотя и поздно записанные здесь. Многие из них, как и наши, черпали материал из истории, особенно из литературы, рыцарского эпоса, расхожих сказочных *topoi* и фольклора, свидетельствуя о преемственности европейской культуры и выявляя архетипические образцы, лежащие в ее основах.

Упомянутая разнородность иконографических мотивов, эмблемы и нашлемника, порождает необходимость их классификации. Такие попытки предпринимались уже в средневековых геральдических трактатах и гербовниках. Усовершенствованные авторами и исследователями Нового времени, они находят применение в многочисленных очерках и монографиях по геральдике, следовательно, здесь нет необходимости развлекать эту проблему. Зато стоит обратить внимание на частоту

встречаемости и географию обращения гербовых мотивов в разных частях Европы. Лучше всего видны зоны обращения орла и льва, двух главных династических эмблем. Там, где чаще обращался орел (страны Империи, северная Италия, Австрия, первоначально Чехия, а также Силезия и Польша), реже было использование льва и, наоборот, там, где лев укоренился шире (Фландрия, Брабант, Эно, Люксембург), орел имел меньшее влияние. Не без исключений, так как зона аквилярной символики распространялась и на территории доминирования геральдического льва.

География геральдических мотивов и, шире – существование разных гербовых систем приводит нас к польской геральдике. Приходится признать ее за специфичную, позднейшую разновидность западной геральдики, со многими своеобразными чертами, вытекающими из локальных системных и социальных условий. В Польше рыцарский герб представлял чуждое заимствование, совершенное в течение XIII в., после формирования рыцарского права, охватывавшего весь комплекс сословных привилегий, следующих из обладания землей. Держание земли в Польше проистекало, однако, не из ленного права, как в Западной Европе, но из принадлежности к роду. Поэтому усвоение гербов в Польше совершалось не лично и семейно, но родами, что впоследствии привело к образованию геральдических родовых объединений, опиравшихся не на кровные связи, а на общность герба. Возникновение такой общности определялось несколькими факторами – такими, как большесемейное окружение, этнические и соседские узы, сходство интересов или служебный союз мелкого рыцарства с магнатами. Это оказало основное влияние на выбор и использование гербов.

Ибо рыцарский герб в Польше был, прежде всего, знаком принадлежности к родовой общности, и лишь потом личным знаком персоны. Он лишь в некоторой степени был простым восприятием западных образцов. Ибо ему предшествовали используемые ранее штриховые знаки собственности, известные по печатям, в которых Франтишек Пекосинский упорно усматривал рунические знаки. Эти знаки, подвергнутые геральдизации,

приобрели форму гербовых эмблем и, будучи помещены на щиты, стали гербами. Эта группа гербов отличалась простотой эмблем, указывающих на их генетическую связь с прежними знаками собственности, которые, геральдизировавшись, стали, например, обыкновенным наконечником стрелы, ленкавицей (с простым или двойным крестом, или раздвоенной) или вренбами¹. Другие гербы, как и на Западе, черпали мотивы из разных источников, чаще всего из наблюдения природы, военного ремесла и производственных занятий. Определенное значение имело также непосредственное влияние западной геральдики, особенно переносимое рыцарством, прибывавшим на польские земли через Силезию из Лужиц, Мейсена и Чехии.

В течение XIV в., после периода исканий, отсутствия однородности и еще заметной изменчивости эмблем, наступила стабилизация гербов в пределах геральдических родов. Установление их формы не означало полной унификации, о чем свидетельствуют изменения гербов в рисунке и цвете в пределах одного рода, зависевшие от географического расселения его членов.

Принятие герба и его названия, вместе с его звуковым знаком – кличем, не известного в такой форме западной геральдике, позволило ввести определения родовой принадлежности в письменных источниках (первым в историографии был Янек из Чарнкова). Функции *nomen genealogicae* выполнял родовой клич, один, либо несколько, а также собственное наименование герба, идентичное названию предмета гербовой эмблемы (Грабли, Гриф, Лебедь, Ладья, Стремя, Топор и другие) или не состоящее в какой-либо связи с гербовым изображением. Это позволяло определить принадлежность лица к геральдическому роду, а также является полезным для воссоздания его семейного окружения.

Как и в Западной Европе, в Польше в течение XIV в. расширялся круг физических и юридических лиц,

¹ Наконечник стрелы (польск. *rogacią*), ленкавица (польск. *łękawica*) – два сомкнутых опрокинутых стропила наподобие буквы W, вренбы (польск. *wrebu*, франц. *haméide*) – три бруска или три усеченных пояса – особые, присущие преимущественно польским гербам, геральдические фигуры. – Прим. переводчика.

носивших гербовые знаки. Это были аналогичные западным странам социальные группы, официалы и институты, корпорации, церковные и светские общности. Сходным было и использование ими гербов, но в более узкой сфере, соответствующей местным обычаям, нуждам и возможностям. Ибо в Польше привилась лишь часть геральдических установлений, образовавшихся в геральдически развитых странах. Под опекой права находились, прежде всего, сословные привилегии рыцарства и шляхты, а не сам герб как знак сословной принадлежности. Поэтому меньше внимание обращалось на принципы геральдической правильности, жесткого применения гербовых правил. Неизвестно даже, относились ли гербовые вопросы к компетенции известных с XV в. по официальным наименованиям герольдов польского короля и великого князя литовского (Polanland, Litherland).

Соответствие же гербов личным нуждам было аналогичным иным странам Европы. Таким образом, гербы помещались на рыцарские щиты и флажки, как и на хоругви родовых и земельных отрядов. Наиболее широкое использование гербы нашли в печатях, где уже во втор. пол. XIII в. были представлены в щите, т. е. как полноправные гербы, а не эмблемы печатей, и стали самостоятельными мотивами, дав начало гербового типа. Помещаясь на замковых камнях сводов, надгробиях, основанных объектах, памятных досках и купелях, они были знаками лиц, но, одновременно, демонстрацией родового герба. Чтобы отвечать этой функции, их обозначения должны были быть уже хорошо закреплены в общественном сознании, а герб доступен восприятию как *signum*, однозначно определяющий человека и его место в социальной структуре.

Библиография

- Adamczewski M.* The Representations of Arms and Armour in Polish Knight Heraldry //Fasciculi Archaeologiae Historicae. 1994. Fasc. VII. S. 67–75.
- L'aigle et le lion dans le blason médiéval et moderne. Actes du IXe colloque international d'héraldique. Cracovie, 4–8

- septembre 1995 /Éd. par S.K. Kuczyński. Varsovie, 1997.
- Bascapé G., Del Piazzo M.* Insegne e simboli. Araldica pubblica e privata, medievale e moderna. Roma, 1983.
- Bieniak J.* Heraldyka polska przed Długoszem. Uwagi problemowe // *Sztuka i ideologia XV wieku* /Pod. red. R. Skubiszewskiego. Warszawa, 1978. S. 163–210.
- Bieniak J.* Knight Clans in Medieval Poland // *Polish Medieval Nobility in the Middle Ages, Anthologies* / Ed. A. Gąsiorowski. Wrocław, 1984.
- Brooke-Little J.P.* Boutell's Heraldry. London, 1973.
- Cadet de Gassicourt, Baron du Roure de Paulin.* L'hermetisme dans l'art héraldique. Paris, 1972.
- Cetwiński M., Derwich M.* Herby, legendy, dawne mity. Wrocław, 1987.
- Le cimier. Mythologie, rituel, paranté des origines au XVIe siècle. Actes du 6e colloque international d'héraldique. La Petite-Pierre, 9–13 octobre 1989. Bruxelles, 1990.
- Dennys R.* The Heraldic Imagination. London, 1973.
- Fox-Davies A.C.* A Complete Guide to Heraldry. London, 1969.
- Galbreath D.L., Jéquier L.* Manuel du blazon. Lausanne, 1977.
- Gritzner E.* Heraldik // Ilgen T., Gritzner E., Friedensburg F. Sphragistik, Heraldik, Deutsche Münzgeschichte. Leipzig; Berlin, 1912.
- Gumowski M.* Handbuch der polnischen Heraldik. Graz, 1969.
- Heymowski A.* Brisure on affinité fortuite? Similarités entre certains "blason de souche" polonaise // 12. Internationaler Kongress für genealogische und heraldische Wissenschaften, München, 1974. Kongressbericht. Band H[eraldik]. Stuttgart, 1978. S. 103–117.
- Heymowski A.* Les cimiers médiévaux polonaise // *Recueil du IXe Congrès international des sciences généalogiques et héraldique.* Berne, 1968; Neûchatel, 1971. S. 131–141.
- Heymowski A.* Poland's Heraldic Clans: Their Origins and Transmutations // *Genealogia et Heraldica.* 19. Internationaler Kongress für genealogische und

- heraldische Wissenschaften. Keszthely, 2–6.10.1990. Kongressberichte. Keszthely, 1992. S. 103–111.
- Jurek T.* Obce rycerstwo na Śląsku do połowy XIV wieku. Poznań, 1996. Kazańczuk M. Staropolskie legendy herbowe. Wrocław, 1990.
- Kiersnowski R.* Tworzywo historyczne polskich legend herbowych //Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowa seria. 1993. T. II(XIII). S. 11–23.
- Kuczyński S.K.* Niektóre zagadnienia symboliki heraldycznej na tle funkcjonowania herbu jako znaku //Problemy nauk pomocniczych historii. II. Materiały na II konferencję poświęconą naukom pomocniczym historii, Katowice–Wisła, 26–29. V. 1973. Katowice, 1973. S. 29–43.
- Kuczyński S.K.* Turnieje rycerskie w średniowiecznej Polsce // Biedni i bogaci. Studia z dziejów społeczeństwa i kultury ofiarowane Bronisławowi Geremkowi w sześćdziesiątą rocznicę urodzin. Warszawa, 1992. S. 293–306.
- Małeki A.* Studya heraldyczne. T. I–II. Lwów, 1890.
- Mikucki S.* Barwa w heraldyce średniowiecznej. Cz. I. Herby rycerstwa zachodniego i polskiego //Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. 1928–1929. T. IX. S. 191–230.
- Neubecker O. Le grand livre de l'héraldique. L'histoire, l'art et la science du blazon /Adaptation française de R. Harmignies, b.m.w. 1993.
- Pastoureau M.* Figures de l'héraldique. Paris, 1996.
- Pastoureau M.* Figures et couleurs. Etude sur la symbolique et la sensibilité médiévales. Paris, 1986.
- Pastoureau M.* L'hermine et le sinople. Etudes d'héraldique médiévale. Paris, 1982.
- Pastoureau M.* Traité d'héraldique. Paris, 1979.
- Piechowski J.* Ukryte światła herbów. Warszawa, 1991.
- Piekosiński F.* Heraldyka polska wieków średnich. Kraków, 1899.
- Pomian K.* Jak uprawiać historię kultury //Przegląd Historyczny. 1993. T. LXXXVI. Z. 1. S. 1–13.
- Scheibelreiter G.* Tiernamen und Wappenwesen. Wien, 1992.

- Semkowicz W.* Godła napieczętna a herby szlachty polskiej wieków średnich //Sprawozdanie z czynności i posiadzień ALT. 1914. T. XIX. Nr 2. S. 10–12.
- Sources de l'héraldique en Europe occidentale. Actes du 4e colloque international d'héraldique. Bruxelles, 6–10. V. 1985 / Éd. par R. Harmignies. Bruxelles, 1983.
- Szymański J.* Herbarz średniowiecznego rycerstwa polskiego. Warszawa, 1993.
- Szymański J.* Systematyka polskiej heraldyki rycerskiej a budowa języka blazonowania //Biuletyn Lubelskiego Towarzystwa Naukowego. Humanistyka. 1980. Vol. 22. N 1. S. 33–38.
- Viel R.* Les origines symboliques du blazon. Paris, 1972.
- Wappenfibel. Handbuch der Heraldik. Neustadt an der Aisch, 1970.
- Woodcock T., Robinson J. M.* The Oxford Guide to Heraldry. Oxford, 1990.
- Wroniszewski J.* Proclamatia alias godlo. Uwagi nad genezą i funkcją zawołań rycerskich w średniowiecznej Polsce // Społeczeństwo Polski średniowiecznej. Zbiór studiów / Pod. red. S.K. Kuczyńskiego. Warszawa, 1990. T. IV. S. 147–170.

Перевод с польского Д.В. Байдужа

От переводчика

Стефан Кшиштоф Кучинский (13.01.1938–03.01.2010), польский историк, профессор, специалист в области геральдики, истории культуры, истории Средних веков, сфрагистики. Работал в Институте истории им. Тадеуша Мантейфеля Польской академии наук, одно время занимал пост председателя его ученого совета. В 1970–1995 гг. читал лекции в Институте истории Силезского университета в Катовицах, читал лекции в Мазовецкой Высшей гуманитарно-педагогической школе в Ловиче, где руководил многими магистерскими диссертациями. С. Кучинский также был председателем Совета архивов Верховного управления государственных архивов, президентом и соучредителем Польского геральди-

ческого общества (Polskiego Towarzystwa Heraldycznego), до 2008 г. исполнял функции председателя Геральдической комиссии министра внутренних дел и администрации (MSWiA); был членом Комитета исторических наук Польской академии наук, Варшавского научного общества, Польского национального комитета Памяти Мира (Memory of the World National Committee). В 1977–1982 гг. был одним из редакторов «Нумизматических новостей».

Основные публикации: Herb Warszawy (1977); Godło, barwy i hymn Rzeczypospolitej: zarys dziejów (wraz ze Stanisławem Russockim i Juliuszem Willaume (1978); Pieczęcie książąt mazowieckich (1978); Pieczęcie i herb Płocka oraz herb województwa płockiego (1979); Pieczęcie i herb Sierpca (1981); Pieczęcie i herby miasta Łęczycy oraz ziemi łęczyckiej (1984); Syrena warszawska (1991); Polskie herby ziemskie: geneza, treści, funkcje (1993); Orzeł Biały w Warszawie (1993).

Д.Б.

Б.М. Бедос-Резак

Средневековая идентичность: знак и понятие

В течение двух столетий после 1000 г. образованные люди Западной Европы редко прибегали к косвенной коммуникации посредством письменного слова, не будучи озабочены отсутствием личного присутствия. Когда епископ Арнульф из Лизьё (ум. 1181 г.) не мог посетить собор в Лондоне, он послал письмо «таким образом, чтобы страница могла занять место его персоны, и письмо могло верно воспроизвести его голос»¹. Немного ранее Бернар Клервоский (ум. 1153 г.) стремился заверить своих корреспондентов в подлинности и репрезентативности двух писем, к которым он не мог приложить свою печать. В одном письме он написал: «у меня нет подходящей печати, но читатель узнает стиль, потому что письмо продиктовал я сам»². Другое письмо гласило: «пусть дискурсивная структура выступает как печать, которой я не имею под рукой»³. Бернар ожидает,

Перевод выполнен по изданию: *Bedos-Rezak B.M. Medieval Identity: A Sign and a Concept // The American Historical Review. 2000. Vol. 105. N 5. P. 1489–1533.*

¹ Цит. по: *Van Engen J. Letters, Schools, and Written Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries // Dialektik und Rhetoric im früheren und hohen Mittelalter / Hrsg. J. Fried. München, 1997. S. 114.* Лондонский собор был созван после раскола 1160 г. для вынесения суждения по притязаниям соперничавших пап.

² Ep. 330; письма Бернара цитируются по: *Dumas A. La diplomatie et la forme des actes // Le Moyen âge. Bruxelles, 1932. Vol. 42. P. 21. n. 1.*

³ *Ibid.* Ep. 339. В моём, по общему признанию, вольном переводе *matres locutionis* как «дискурсивной структуры» я отдала предпочтение

что читатели заметят его личное, пусть и духовное, присутствие в ткани текста, через его слог и стиль. Его секретарь и биограф, Жоффруа Клервоский (или Осерский, ум. после 1188 г.) подчеркнул этот сплав человека и текста, давая название 8-й главе биографии: «О произведениях св. Бернара и образе его души, выраженном в них»⁴.

Письма Бернара и Арнульфа обнаруживают два близко связанных положения о наличии отношений симбиоза между человеческим присутствием и репрезентацией. В одном репрезентация соответствует реальному присутствию, во втором письменный текст есть воплощение своего автора и чётко формулирует понятие подлинности, обращающейся вокруг власти и идентичности. Кроме того, Бернар указывает, что его речь была эквивалентна его печати, обе были способны обозначить его личность. Письменные тексты, несомненно, были главными средствами действенности образованной элиты как лиц и публичных фигур⁵, но таким же средством была и аура их физического присутствия. Бернар и Арнульф жили в то время, когда для них было все еще возможно одинаково использовать оба посредника – тело и текст, в делах власти, несмотря на то, что в течение XI в. уже началось необратимое движение, которое должно было сдвинуть преимущество от личного к текстовому присутствию. Бернар, будучи образованным, мог сочинять и писать на латыни; его авторская идентичность могла быть, таким образом, облачена в его стиль речи точно так же, как и в печать. Но что стало бы с такой формой личной идентичности, если бы она должна была быть представлена через тексты, которые были созданы другими людьми от имени неграмотных и неизбежно нуждались в надёжном оттиске авторского стиля и при-

значению *locutio* как стиля или манеры речи, и *materies* как составляющей субстанции.

⁴ Об отношении Бернара к письму и его способности действовать посредством личной харизмы см.: *Jaeger C.S. The Envy of Angels: Cathedral Schools and Social Ideals in Medieval Europe, 950–1200. Philadelphia, 1994. P. 272–277.*

⁵ *Van Engen J. Op. cit. P. 107–109, 113–114.* Автор рассматривает в качестве ключевой особенности писем стремление представить себя другому, писать, как будто две *personae* беседовали лицом к лицу.

сутствия? Феномен, который я хочу рассмотреть в этом очерке, касается нового обращения аристократии северной Франции в течение XI и XII вв. к помощи письменного и скрепленного печатью слова. В это время французская знать еще не была грамотной; они не знали латыни за пределами скромных требований литургии, и пока еще не участвовали ни в способах текстовой и визуальной репрезентаций, ни в контролировании сфер скриптуальной и иконографической практик. Я полагаю, что процесс аккультурации французского нобилитета к таким способам репрезентации, как скрепленная печатью хартия, начался в центрах письменной культуры, в которых трудились клирики, связанные с предшколастикой, которые были активно вовлечены в споры о семиотике, в то время как они бились над вопросами богословия таинств.

В XI–XII вв. представители светской элиты стали объектами репрезентации в явном смысле, т. е., в ситуациях, требующих власти и обязательств, они эволюционировали от непосредственно присутствующих к репрезентируемым действующим лицам. Людей, отсутствующих в данных месте и времени, заменили печати, которые работали как заместители, действуя вместо них. Интересно, что личная идентичность стала обозначаться тогда, когда люди начали проецировать свою власть и ответственность вне их собственного действительного, эмпирического присутствия. Отсутствие как будто бы и требовалось для того, чтобы проблема идентичности стала осмысливаться⁶. Поскольку печати, по моему мнению, свидетельство более общего и беспрецедентного изменения отношения к опосредованию, репрезентации, и оформлению личной идентичности на средневековом Западе, возникают вопросы о происхождении понятия, форме, способах обозначения и функционировании этого нового посредника – грамоты с печатью.

Мой собственный метод в исследовании этого вопроса заключается в том, чтобы следовать не принци-

⁶ Комплексный анализ обстоятельств, допускающих осмысление идентичности как политического посредника см.: *Legendre P. Le désir politique de Dieu: Etudes sur le montage de l'Etat et du droit.* Paris, 1988. P. 88 и далее.

пам, но аналитической программе семиотической антропологии Пирса, которая критически представлена ниже⁷. Сосредотачиваясь на печатях и производших их институтах, я исследую воздействие современной им средневековой теории на функционирование этого знака, предполагая, что семиотические коды печатей зависели от теологии и онтологии, способствовавших их распространению и интерпретации. В этом анализе я не стремлюсь установить абсолютное соответствие между семиотической теорией и сигиллярной практикой. Скорее, я исследую, как печать появилась на свет благодаря определенному набору идей о знаках и о семиозисе, и как кодировалась ими, и показываю, как использование печати и ее метафоры поспособствовали современной рефлексии о них и развитию семиотического мышления⁸. Я задаюсь вопросом о том, какая идея семиозиса должна была быть движущей, и каково было место идей в рамках семиозиса, который позволил идеям об эффективности знака создать и оформить знаки материальные. Наконец, желая объяснить социальное воздействие печатей как посредников, которые представили и исполнили культурные задачи, я исследую функционирование печатей как инновационного семиотического тропа, который в теории и социальной практике преобразовывал категории человека, присутствия, идентичности и власти.

Берусь утверждать, что в проецировании персонального различия печати действовали через систему идентификации, обозначения, и опознавания, в которой репрезентируемая идентичность основывалась на онтологическом принципе сходства. Средневековая печать

⁷ Философский анализ языка и познания Чарльза Сандерса Пирса (1839–1914) составляет теоретическую основу семиотической антропологии, интерпретационной методологии, разработанной в Чикагском университете в сер. 70-х гг. XX в. Полное обсуждение семиотики Пирса и ее применимости для анализа культурных процессов см. ниже.

⁸ В своей недавней статье Джеймс Уимсатт утверждает, что изображение Чосером его паломников одновременно как типов людей и индивидов подразумевает, что его искусство соответствовало схоластическому реализму (*Wimsatt J. John Duns Scotus, Charles Sanders Peirce, and Chaucer's Portrayal of the Canterbury Pilgrims // Speculum. Cambridge (Mass.), 1996. Vol. 71. P. 633–645*). Мой собственный метод заключается в поисках не соответствия, а взаимодействия семиотических систем и процессов.

была серийным объектом: иконография печати использовала ограниченный ряд отличительных типов, упрощившихся непосредственно на основе ограниченного диапазона стереотипизированных «персон», гравированный печатный штемпель (матрица) сам многократно проецировал идентичность владельца, производя одинаковые оттиски. Эта технология копирования, думается, послужила моделью для формирования средневековой идентичности. Владельцы печатей, таким образом, осознавали себя через отношение к объекту, рабочими принципами которого, как знака, были категоризация, репликация и верификация. Поскольку элита, пользовавшаяся печатями, стала зависимой от репрезентации знаками, понятия социальной и личной идентичности также стали формулироваться через отношение к таким знакам. Это не значит, что такая репрезентация и такие понятия полностью соответствовали какому бы то ни было из существовавших тогда определений себя как индивида, или что познание индивидуальности и субъективности первоначально генерировалось культурными кодами, или их конструктами⁹. Здесь я не обращаюсь ко

⁹ Понятие «индивид» используется в этой статье в нейтральном значении «единичного сущего, являющегося объектом познания в различных формах»: *McCall C. Concepts of Person: An Analysis of Concepts of Person, Self and Human Being. Aldershot, 1990. P. 12.* Моя аргументация относительно представлений об индивидуальности возобновляет, в минорной тональности, тему, красноречиво изложенную Колинсом Моррисом в его классическом “The Discovery of the Individual, 1050–1200” (London, 1972) и искусно продолженную Джоном Бентоном: *Benton J. Consciousness of Self and Perceptions of Individuality // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century / Ed. R.L. Benson, G. Constable. Cambridge (Mass.), 1982. P. 263–295.* Оспаривание некоторых утверждений Морриса см.: *Bynum C.W. Did the Twelfth Century Discover the Individual // Idem. Jesus as Mother: Studies in the Spirituality of the High Middle Ages. Berkeley, Calif., 1982. P. 82–109;* там же дается полный обзор вопроса и его библиография; см. также: *Reiss T.J. The Discourse of Modernism. Ithaca (N.Y.), 1982. P. 86–89.* О новом понимании ренессансного индивидуализма см.: *Martin J. Inventing Sincerity, Refashioning Prudence: The Discovery of the Individual in Renaissance Europe // American Historical Review. Chicago, 1997. Vol. 102. P. 1309–1342.* Антропологические и психологические подходы к формированию социальной и личной идентичности, занимательные, хотя и не относящиеся непосредственно к средневековому обществу, см.: *Handbook of Personality: Theory and Research / Ed. L. A. Pervin. New York, 1990. P. 143–145.*

всему опыту личности и субъективности после 1000 г., но исследую новый опыт в отношении знака и обозначения человека и личной идентичности в рамках культуры и общества северной Франции.

В современных Западных обществах, несмотря на то, что термин «идентичность» обычно относится к характеристикам, используемым для опознавания, определения и различения людей так, чтобы они могли быть индивидуально узнаваемы, также допустимо, что эти особенности, как и собственно понятия идентичности и индивидуальности, могут изменяться в зависимости от времени, места и культуры. В средневековом словаре понятие идентичности не обращалось к отдельной персоне. Скорее, идентичность в XI–XII вв. концентрировалась на логике сходства и действовала, принимая модель подобия, относя людей в качестве представителей одного вида или к человеку как психосоматическому целому, социальной действующей силе, тождественной себе относительно числа, сущности, или качеств. Поскольку отдельный знак – печать, который сопутствовал и действительно артикулировал в этой логике утверждение личной идентичности, концепции знака и человеческой субъектности представляются близко связанными. Действительно, оба они действовали на основе недавно выработанной предпосылки диалогической связи между семиотикой, теологией, онтологией и антропологией.

Внимание к посредничеству, обозначению и презентации овладело людьми XI столетия. Вся Западная Европа была тогда взбудоражена спором об инвеституре, драматическим конфликтом между церковью и государством, в ходе которого римский папа боролся с германским императором за установление полного контроля духовенства над назначением церковных служителей. Менее акцентированными в традиционной историографии, но центральными в этом конфликте были вопросы, окружающие эффективность определенных знаков, особенно материальных предметов. Сторона папы полагала, что такие символы духовных полномочий, как кольцо и посох, не обладали какой-либо присущей им способностью оказывать воздействие, но считала, что полноценное владение и применение их действительно

и непререкаемо устанавливают право духовных лиц на должность и связанную с ней власть. Основная теория знака держалась, таким образом, на том, что эти материальные символы были обычными предметами, значение которых возникло из ценности, приписанной им общественным договором, их признанным использованием в особой церемонии. В тот момент под сомнением была сама природа действия знаков, вера в то, что их действительность могла основываться на соглашении или договоренности, и не должна зависеть от ценности, присущей используемому знаковому объекту. После столетия горячих прений по этой семиотической проблеме Фома Аквинский (ум. 1274 г.) должен был предложить аннулировать это положение, утверждая, что знаки действительны на основе неотъемлемого или приобретенного достоинства¹⁰.

Однако в северной Франции XI в. семиотическая полемика лежала вне рассмотрения действительности знаков церковной инвеституры. Действующие в области языка, письменности, и таких основополагающих признаков божественного откровения, как таинства, Воплощение и Троица способы выражения интенсивно исследовались¹¹. Образованная элита, о которой идет речь в

¹⁰ Ясное изложение этой полемики см.: *Courtenay W.J.* Sacrament, Symbol, and Causality in Bernard of Clairvaux // *Bernard of Clairvaux: Studies Presented to Dom Jean Leclercq.* Kalamazoo (Mich.), 1973. P. 111–122; *Idem.* The King and the Leadon Coin: The Economic Background of 'Sine qua non' Causality // *Traditio.* N. Y., 1972. Vol. 28. P. 185–209; репринт обоих: *Covenant and Causality in Medieval Thought: Studies in Philosophy, Theology, and Economic Practice.* London, 1984.

¹¹ Переход от трансцендентности к имманентности, характеризующий понимание функционирования знака в период между спором об инвеституре и Фомой Аквинским, кажется, также оживил более широкую семиотическую рефлексию, которая в XI–XII вв. сосредоточилась преимущественно на лингвистике, богословии таинств, авторстве и аутентичности в Священном Писании и документах. Библиография каждой из этих областей обильна и здесь процитирована лишь выборочно; ссылки на труды об образе и репрезентации в предсхоластической мысли см. ниже, сноска 42. О средневековых знаках в общем см.: *Chenu M.-D.* The Symbolist Mentality // *Idem.* Nature, Man, and Society in the Twelfth Century: Essays on New Theological Perspectives in the Latin West. Chicago, 1968. P. 99–161; *Eco U.* Semiotics and the Philosophy of Language. Bloomington (Ind.), 1984; *Maièrù A.* "Signum" dans la culture médiévale // *Miscellanea Mediaevalia.* Berlin, 1981. Bd. 13. S. 51–72; *Vance E.* Mervelous Signals: Poetics and Sign Theory in the Middle Ages. Lincoln (Neb.), 1986.

О теориях вербальной сигнификации от Августина до Данте см.: *Colish M.L.* The Mirror of Language: A Study in the Medieval Theory of Knowledge. Lincoln, 1983. О средневековой семиотике см.: On the Medieval Theory of Signs / Ed. U. Eco, C. Marmo. Amsterdam, 1989. О пересмотре после 1000 г. интеллектуальных установок, сложившихся еще в период поздней Античности, см.: *Mews C.J.* Philosophy and Theology 1100–1150: The Search for Harmony // Le XIIe siècle: Mutations et renouveau en France dans la première moitié du XIIe siècle / Ed. F. Gasparri. Paris, 1994. P. 159–203.

О возрастающей значимости письменного языка, подъёме эмпиризма и трансформации символического посредничества см.: *Stock B.* The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries. Princeton, N.J., 1983. Альтернативная точка зрения: *McKitterick R.* The Carolingians and the Written Word. Cambridge, 1987 (см. ниже, сноска 54). Ближе к подходу Стока исследование практики письма с точки зрения текстuality: *Irvine M.* The Making of Textual Culture: "Grammatica" and Literary Theory, 350–1100. Cambridge, 1994. Сток и Ирвайн показывают, до какой степени в данном обществе действие практики письма тесно связано с теориями авторства, знания и значения. Беглый обзор различных теорий интерпретации практики письма, включая Джека Гуди, даётся в: *Street B.V.* Literacy in Theory and Practice. Cambridge, 1984. P. 19–125.

Работ, где систематически изучается диалектика авторитета Священного Писания и аутентичности документов, нет, хотя мной рассматривались некоторые аспекты: *Bedos-Rezak B.* Les juifs et l'écrit dans la mentalité eschatologique du Moyen Age chrétien occidental (France 1000–1200) // Annales: Histoire, Sciences Sociales. 1994. № 5. P. 1049–1063. Майкл Кланчи, основываясь, главным образом, на английских документах, даёт пронизательный анализ роста практики письма, который помог заново осмыслить изучение континентальной утилитарной грамотности – *Clanchy M.T.* From Memory to Written Record, England 1066–1307. Oxford, 1993. P. 253–317. Обобщенное рассмотрение авторства и аутентичности, особенно в отношении правовых и документарных практик, см.: *Bedos-Rezak B.* Diplomatic Sources and Medieval Documentary Practices: An Essay in Interpretive Methodology // The Past and Future of Medieval Studies / Ed. J. Van Engen. Notre Dame (Ind.), 1994. P. 327–328; *Chenu M.-D.* Auctor, Actor, Autor // Bulletin du Cange. Paris, 1927. № 3. P. 81–86; *Idem.* Authentica et magistralia // Divus Thomas. Rivista dello Studio Filosofico Domenicano. Bologna, 1925. № 28. P. 257–285; *Cheyette F.* The Invention of the State // Essays in Medieval Civilization: The Walter Prescott Webb Memorial Lectures / Ed. B.K. Lackner, K.R. Phillip. Austin, Tex., 1979; *Dumas A.* La diplomatie et la forme des actes // Le moyen âge. 1932. Vol. 42. P. 5–31; *Idem.* Etude sur le classement des formes des actes // Le moyen âge. 1933. Vol. 43. P. 81–264; Le moyen âge. 1934. Vol. 44. P. 17–41; *Guenée B.* Authentique et approuvé: Recherches sur les principes de la critique historique au Moyen Age // La lexicographie du latin médiéval et ses rapports avec les recherches actuelles sur la civilisation du Moyen Age: Colloques internationaux du C.N.R.S., 589. Paris, 1981. P. 215–229, репринт: Politique et histoire au moyen âge.

этом исследовании, были предсхоластическими представителями христианской церкви, одинаково активными и в духовных школах, где они преподавали и направляли доктринальные споры¹², и в канцеляриях, где они

Paris, 1981. P. 265–278; *Lévy J.Ph.* Coup d'œil d'ensemble sur l'histoire de la preuve littéraire //: Index. Quaderni camerti di studi romanistici, International Survey of Roman Law. Hommages à Gérard Boulvert. Naples, 1987. № 15. P. 473–501; *La Preuve*, Recueil de la Société Jean Bodin. Brussels, 1965. Vol. 17.

Рассмотрению споров, окружавших богословие таинств после 1000 г., я обязана: *Courtenay W.J.* Covenant and Causality, essays 2 and 7; *Lubac H., de.* Corpus mysticum: L'eucharistie et l'église au Moyen Age, étude historique. Paris, 1949; *Macy G.* The Theologies of the Eucharist in the Early Scholastic Age. Oxford, 1984; *Rosier I.* Signe et Sacrement // *Revue des sciences philosophiques et théologiques*. T. 74. 1990. P. 392–436; *Stock B.* Op. cit. P. 241–325; *Eynde D., van den.* Les définitions des sacrements pendant la première période de la théologie scholastique (1050–1240). Roma, 1950.

¹² Предсхоластики были теологами, чьи интеллектуальные усилия по решению проблем в патристической мысли всё еще традиционно вдохновлялись верой и включались в сферу общей философии физической и духовной власти человека. Они, однако, трактовали универсальный круг тем детально, абстрактно и систематически, что способствовало новому схоластическому пониманию веры, пониманию, утратившему свою предшествующую более широкую психологическую установку. Исследования деятельности различных типов церковных школ см.: *Lesne E.* Histoire de la propriété ecclésiastique en France. Lille, 1940. Vol. 5. Les écoles de la fin du VIIIe siècle à la fin du XIIe siècle; *Riché P.* Les écoles et l'enseignement dans l'occident chrétien de la fin du Ve siècle au milieu du XIe siècle. Paris, 1979; *Verger J.* Une étape dans le renouveau scolaire du XIIe siècle // *Le XIIe siècle: Mutations et renouveau en France dans la première moitié du XIIe siècle*. P. 123–145; *Leclercq J.* The Love of Learning and the Desire of God: A Study of Monastic Culture. New York, 1962; *Carolus-Barré L.* Les écoles capitulaires et les collèges de Soissons au Moyen Age et au XVIe siècle // *Actes du 95e Congrès des sociétés savants*. Reims, 1970. Vol. 1: Enseignement et vie intellectuelle (IXe–XVIe siècles). Paris, 1975. P. 123–126; *Colish M.* Another Look at the School of Laon // *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du moyen âge*. A. 53. 1986. P. 7–22; *Flint V.* The 'School of Laon': A Reconsideration // *Recherches de théologie ancienne et médiévale (RTAM)*. T. 43. Louvain, 1976. P. 89–110, репринт: *Idem.* Ideas in the Medieval West: Texts and Their Contexts. London, 1988. No. 1. P. 89–110; *Häring N.M.* Life and Works of Clarembald of Arras, a Twelfth-Century Master of the School of Chartres. Toronto, 1965; *Jae-gger C.S.* Envy of Angels...; *Idem.* Cathedral Schools and Humanist Learning, 950–1150 // *Deutsches Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*. Bd. 61. 1987. S. 569–616; *Lottin O.* Psychologie et morale aux XIIe–XIIIe siècles. Louvain-Gembloux, 1942–1960. Vol. 5: Problèmes d'histoire littéraire, l'école d'Anselme de Laon et de Guillaume de Champeaux. Gembloux, 1959; *Maître L.A.* Les écoles

контролировали изготовление письменных документов¹³. Школа и канцелярия разделяли не только единое

épiscopales et monastiques en occident avant les universités. Paris, 1924; *Merlette B.* Ecoles et bibliothèques à Laon, du déclin de l'antiquité au développement de l'université // Actes du 95e Congrès des sociétés savants. Reims, 1970. Vol. 1: Enseignement et vie intellectuelle (IXe–XVIe siècles). Paris, 1975. P. 21–54; *Michaud E.* Guillaume de Champeaux et les écoles de Paris au XIIe siècle. Paris, 1867; *Southern R.W.* Scholastic Humanism and the Unification of Europe. Oxford, 1995; *Idem.* The Schools of Paris and Chartres // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century... P. 113–137; *Van Engen J.* Rupert of Deutz. Berkeley, Calif., 1983; *Williams J.R.* The Cathedral School of Rheims in the Eleventh Century // Speculum. Vol. 29. 1954. P. 661–677; *Idem.* The Cathedral School of Rheims in the Time of Master Alberic, 1118–1136 // Traditio. Vol. 20. 1964. P. 93–114.

Много работ посвящены Сен-Викторской школе, из которых для этого исследования наиболее уместны: *Bonnard F.* Histoire de l'abbaye royale et de l'ordre des chanoines réguliers de St.-Victor de Paris. Paris, 1904–1907. Vol. 1–2.; *Châtillon J.* Les écoles de Chartres et de Saint-Victor // La Scuola nell'occidente latino dell'alto medioevo. Vol. 2. Spolète, 1972. P. 795–840; *Idem.* De Guillaume de Champeaux à Thomas Gallus: Chronique d'histoire littéraire et doctrinale de l'École de Saint-Victor // Revue du moyen âge latin. T. 8. 1952. P. 139–162, 247–272; *Jaeger C.S.* Envy of Angels... P. 244–268; L'abbaye parisienne de Saint-Victor au Moyen Age / Ed. J. Longère. Paris-Turnhout, 1991; *Smalley B.* The Study of the Bible in the Middle Ages. Notre Dame, 1970; *Sicard P.* Hughes de Saint-Victor et son école. Turnhout, 1991.

¹³ Канцелярскому миру после 1000 г., особенно относительно его пересечения с предшколастикой, пока не уделяли должного внимания, см.: *Bautier R.-H.* Chancellerie et culture au Moyen Age // Cancellaria e cultura nel Medio Evo: Comunicazioni presentate nelle giornate di studio della Commissione internazionale di diplomatica, Stoccarda, 1985 / Ed. G. Gualdo. Città del Vaticano, 1990. P. 1–75, о ситуации во Франции особенно: P. 8–9, репринт: *Bautier R.-H.* Chartes, sceaux et chancelleries: Études de diplomatique et de sigillographie médiévales. Paris, 1990. Vol. 1. P. 47–121, особенно P. 54–55; *Brunel G.* Chartes et chancelleries épiscopales du Nord de la France au XIe siècle // A propos des actes d'évêques: Hommage à Lucie Fossier / Ed. M. Parisse. Nancy, 1991. P. 227–244, особенно P. 238–242; *Gasparri F.* Scriptorium et bureau d'écriture de l'abbaye de Saint-Victor de Paris // L'abbaye parisienne de Saint-Victor... P. 119–139; *Idem.* La chancellerie du roi Louis VII et ses rapports avec le scriptorium de l'abbaye de Saint-Victor de Paris // Palaeographica diplomatica et archivistica: Studi in onore di Giulio Battelli. Rome, 1979. P. 151–158. В своей "Letters, Schools, and Written Culture" Ван Энген подчеркивает связи между приобретенной в школе теорией и используемой при административных дворах практикой (P. 105), и между обучением риторике и работой канцелярий (P. 109, 123–124, 126–127, 131), заключая, что после 1200 г. места и учреждения обучения стали более удаленными от административных мест (P. 131). Бернар Гене сосредотачивает внимание на исто-

местоположение, но и, в значительной мере, общий штат, который я думаю назвать учеными канцеляристами (*chancery-scholars*)¹⁴. Во многих случаях занятые в теологии ученые были собственно канцлерами, определенно заботившимися о центрах письма, которые изготавливали грамоты, или, иначе, епископами или аббатами, ответственными за производство документов, выпуска-

риографической роли канцелярий: *Guenée B.* Chancelleries et monastères // *Les lieux de la mémoire*. Vol. 2: La nation. / Ed. P. Nora. Paris, 1986. P. 5–30. Монографии, затрагивающие отдельные канцелярии, обращаются к методу и области изготовления документов. См.: *Tock B.-M.* Une chancellerie épiscopale au XIIe siècle: Le cas d'Arras. Louvain, 1991; *Idem.* Les chartes des évêques d'Arras (1093–1203). Paris, 1991.

¹⁴ Посвященные канцлерам и персоналу канцелярий после 1000 г. исследования показывают, что канцлер зачастую был также главой школы: *Fasti ecclesiae gallicanae: Répertoire prosopographique des évêques, dignitaires et chanoines de France de 1200 à 1500*. Vol. 1. *Desportes P., Millet H.* Diocèse d'Amiens. Turnhout, 1996; *Huyghebaert Dom N.* Recherches sur les chanceliers des évêques de Noyon-Tournai // *Annales de la fédération historique et archéologique de Belgique* 35e congrès, juillet 1953, fasc. 5. Courtrai, 1955. P. 665–680; *Williams J.R.* Godfrey of Rheims: A Humanist of the Eleventh Century // *Speculum*. Vol. 22. 1947. P. 29–45. О карьерах канцлеров северной Франции XI в. см. новаторскую статью Брюнеля: *Brunel G.* Op. cit. P. 238–242; *Demouy P.* Actes des archevêques de Reims d'Arnoul à Renaud II, 957–1139 // Thèse pour le doctorat de IIIe cycle en histoire, Université de Nancy II, 1982. P. 210–212; *Lacombe G.* La vie et les œuvres de Prévostin. Le Saulchoir [Belgique], 1927. P. 36–46; *Newman W.M.* Le personnel de la cathédrale d'Amiens, 1066–1306. Paris, 1972. P. 5–13; *Pycke J.* Le chapitre cathédral Notre-Dame de Tournai de la fin du XIe à la fin du XIIIe siècle. Louvain-la-Neuve, 1986. P. 169. О карьере Беренгария Турского в капитуле собора Св. Мартина в Туре, где он служил как *grammaticus*, *scholasticus* и канцлер, см.: *Macdonald A.J.* Berengar and the Reform of Sacramental Doctrine (1930; repr. N.Y., 1977) P. 38. Беренгарий также исполнял функции писца у графа Фулька Нерра Анжуйского: *Gibson M.* Letters and Charters Relating to Berengar of Tours // *Auctoritas und Ratio: Studien zu Berengar von Tours* / Ed. P. Ganz et al. Wiesbaden, 1990. S. 5–23, репринт: "Artes" and Bible in the Medieval West. London, 1993. No. 18. P. 5–23, особ. S. 8. Графский документ, к которому Беренгарий приложил руку, занесен в каталог и рассмотрен в: *Guillot O.* Le comte d'Anjou et son entourage au XIe siècle. Paris, 1972. Vol. 2. P. 65–66. N. C 77 (an. 1039). Занимавшийся несколько более поздним, нежели рассматриваемый здесь, периодом, Джон Болдуин показывает, что магистры-преподаватели в Париже часто достигали высоких мест в церкви, включая канцлерство: *Baldwin J.* Masters at Paris from 1179 to 1215, A Social Perspective // *Renaissance and Renewal in the Twelfth Century...* P. 138–172.

емых от их имени¹⁵. Сложный клубок происхождения, учебы и воспитания, союзов, продвижений и маргинализаций связывали таких ученых через время и немалые расстояния. Например, архиепископ Ланфранк Кентерберийский (ум. 1089 г.), глава-основатель школы в аббатстве Бек и аббат монастыря Св. Этьена (Стефана) в Кане, прежде чем осесть в Нормандии в качестве главы соборной школы в Авранше, был тесно связан с Беренгарием Турским (ум. 1088 г.) в долине Луары¹⁶. В Беке Ланфранк обучал обоих своих преемников, Ансельма Кентерберийского (ум. 1109 г.) и Иво Шартрского (ум. 1115 г.), ставшего аббатом общины августинских каноников близ Бовэ, прежде чем получить Шартрскую епархию¹⁷. Ансельм Ланский (ум. 1117 г.), бывший студентом Ансельма Кентерберийского в Беке, стал канцлером епископа Ланского, собирая вокруг, в свою очередь, таких студентов, как его брат Ральф (позже наследовавший ему как канцлер, ум. 1133 г.), Петр Абеляр (ум. 1142 г.), Гийом из Шампо (ум. 1121 г.), Альберик Реймский (позднее архиепископ Буржа, ум. 1141 г.), и Жильбер из Пуатье (глава Порретанской школы, канцлер в Шартре, и позднее епископ Пуатье, ум. 1154 г.). Гийом из Шампо, к моменту своей смерти в 1121 г. епископ

¹⁵ Я до сих пор выстраиваю сеть канцелярских ученых, пробно набросанную здесь. Установление маршрутов высококомобильных ученых, чьи интеллектуальные путешествия исследовались в избытке, но чьи заслуги перед центрами письма остались фактически неизученными, потребует чтения многочисленных грамот. Также неудивительно, сколь мало известно о персонале ранних канцелярий: статья Брюнеля об этом предмете, "Chartes et chancelleries épiscopales du Nord de la France", и исследование Демуи "Actes des archevêques de Reims" показывают симбиоз между школами и канцеляриями XI в. и набранными из школ писцами. Учёные контакты и интеллектуальные школы кратко обрисовывались в вышеуказанных (сноски 12 и 14) исследованиях, а также в: *Javelet R. Image et ressemblance au 12e siècle, de saint Anselme à Alain de Lille.* Paris, 1967. Vol. 1. P. XV–XVIII. Современная библиография о рассматриваемых ниже магистрах доступна в: *Dictionnaire des lettres françaises: Le moyen âge.* Paris, 1992.

¹⁶ *Montclos J., de.* Lanfranc et Béranger: La controverse eucharistique du XIe siècle. Louvain, 1971.

¹⁷ С епископата Иво Шартрского (1090–1115) начался золотой век интеллектуальной деятельности в Шартре, достигшей особенных высот благодаря трём канцлерам: Бернару Шартрскому, Жильберу (позднее епископу Пуатье) и Тьерри Шартрскому.

Шалона, был главой соборной школы в Париже, прежде, чем основать аббатство Сен-Виктор в Париже¹⁸. В начале своего существования это аббатство функционировало как настоящая канцелярия для выпуска королевских дипломов, развиваясь также в качестве главного доктринального и духовного центра под покровительством Гуго Сен-Викторского (ум. 1141 г.)¹⁹. Большой поклонник сен-викторцев богослов Препозитин Кременский, в более позднее время жизни (1206–1210) ставший канцлером собора и университета в Париже, заслуживает упоминания в этом контексте, так как материалы для проповедей, которые он извлекал из своих функций работающего с документами и скрепляющего печатью от имени епископа Парижа, являются наиболее ранними из уцелевших образцов этого жанра²⁰. Жильбер из Пуатье (ум. 1154 г.) стал канцлером Шартра, наследуя Бернару Шартрскому, чьим студентом он был²¹. Был перерыв в ученой деятельности после времени пребывания в должности в Реймсе Герберта Орильякского (позднее папы Сильвестра II, ум. 1003 г.), но школа воссталась из

¹⁸ Гийом также был учеником Росцелина: *Jolivet J. Données sur Guillaume de Champeaux dialecticien et théologien // L'abbaye parisienne de Saint-Victor...* P. 235–252.

¹⁹ *Gasparri F. La chancellerie du roi Louis VII...* Дополнительную библиографию о Сан-Викторской школе см. выше, сноска 12.

²⁰ Хочу поблагодарить профессора Джона Болдуина и Жана-Батиста Лебиг за предоставление мне этой незаурядной проповеди, в которой Препозитин сплетает воедино теологию и сигиллографию. Я особенно признательна Лебигу, недавно (1999) защитившему в Национальной школе хартий (Париж) диссертацию о проповедях Препозитина, которые он подготовил к изданию, любезно приславшему мне две сохранившиеся версии проповеди, соответственно, в Мюнхене (CIm. 14126, f. 2ra), и Париже (Bibliothèque Nationale de France, Lat. 14.804, f. 108vb). О проповеди есть краткий комментарий Лакомба в “La vie et les oeuvres de Prévostin...” P. 38–39, который дает incipit проповеди (P. 186, No. 21) и текстуальные различия между двумя версиями (P. 191). В дополнение к столь явному применению печати к теологии, Препозитин обильно использовал метафору печати, рассматривая сотворение человека по образу Божьему в “*Summa super Psalterium*” и “*Summa Theologica*”: *Javellet R. Op. cit. Vol. 1. P. 164, 178, 218, 221, 224–25, 260; Vol. 2. P. 134, 142, 150, 189, 192, 195, 197, 221; Lacombe G. Op. cit. P. 109.*

²¹ Иоанн Солсберийский был учеником Жильбера. Жильбер порицался за его учение о Троице, хотя и не был осужден, несмотря на старания Бернара.

небытия с возглавившим ее Хериманн (ум. ок. 1075 г.) и его последователем Бруно (ум. 1101 г.), произведя, в конечном счете, пресловутого логика Росцелина Компьенского (ум. ок. 1125 г.). Бруно также служил канцлером архиепископа Реймского, прежде чем самому основать Гранд-Шартрёз, материнскую обитель монашеского ордена картузианцев. После канцлерства ученого гуманиста Жоффруа (ум. 1094 г.), Альберик (ум. 1141 г.), учившийся у Ансельма Ланского, стал главой соборной школы в Реймсе в 1094 г.²² Булонь, Аррас, Камбрэ, Амьен, Бовэ, Суассон, Сенлис и Руан – все имели канцлеров и епископов, бывших учеными людьми, хотя многие школы и возглавлявшие их остаются изученными лишь фрагментарно²³. Таким образом карта установленных соборных школ должна быть расширена, дабы включить монашеские учреждения, поскольку был текучий обмен людьми и идеями между этими двумя установленными мирами. Склонные к преобразованиям епископы или их канцлеры часто основывали или реорганизовывали местные аббатства; главы школ довольно часто возвращались в монастыри (Бруно, Гийом из Шампо); действительно, некоторые ученые люди создали большую часть своих работ в монашеской обстановке (Ланфранк и Ансельм Бекский).

²² Хериманн отверг точку зрения Беренгария Турского о евхаристии: *Williams J.R. Cathedral School of Rheims in the Eleventh Century...* P. 664–665; *Williams J.R. Cathedral School of Reims in the Time of Master Alberic, 1118–1136...*; *Williams J.R. Godfrey of Rheims, a Humanist of the Eleventh Century...*; *De Rijk L.M. Some New Evidence on Twelfth-Century Logic: Alberic and the School of Mont Ste Geneviève (Montani) // Vivarium. 1966. Vol. 4. № 1. P. 1–57.* Альберик с Лотульфом из Новары, другим учеником Ансельма Ланского, бывшем вместе с ним магистром в Реймсе, горячо оппонировали учению Абеяра о Троице.

²³ *Lesne E. Les écoles...*; *Southern R.W. Scholastic Humanism...*; *Brunel G. Chartes et chancelleries épiscopales du Nord de la France...*, настаивая на действительном участии канцлеров и епископов в изготовлении документов (P. 240–241), рассматривают канцелярских ученых Суассона и Камбрэ. В Камбрэ преподаватель Веримбольд ясно зафиксировал свою роль в составлении грамот епископа: "Weriboldus scolasticus scripsit et recognovit" (1057), "S. Werinboldi arciscoli... qui hanc kartam composuit" (1089), процитированных Брюнелем: *Brunel G. Op. cit. P. 242.* Об Аррасе см.: *Håring N.M. Op. cit.; Tock B.-M. Une chancellerie épiscopale au XIIe siècle...* P. 189–191.

У этих ученых канцеляристов новым и заслуживающим нашего внимания выступает повышенная семиотическая восприимчивость их теологических споров, их явная тенденция к размышлению о проблеме присутствия и репрезентации. Из их построений два были беспрецедентны на средневековом Западе. Во-первых, они пришли к осознанию присутствия и репрезентации как существенных для структуры, управляющей воспроизводством идентичности, понимая идентичность как зависящую от сходства (т. е., тождественную), но обязательно затрагивающую взаимодействия между подобным и несходным. Идентичность они рассматривали, одинаково интересуясь божественными и человеческими субъектами, и инициировали дискуссии о самой природе индивидуальности. Во-вторых, они объективировали идентичность, используя новый материальный знак: печать. Таким образом, определение идентичности, появившееся в XI в., произошло из конкретных проблем, первоначально направленных, а позже перенацеленных артикуляцией этого определения в теории знаков. Для уяснения понятия и обозначения идентичности и их бытования необходимо исследовать области, затронувшие ученых канцеляристов и приведшие их к новшествам мысли и социальной практики. Эти сферы включали отношения между языком и действительностью, евхаристией и реальным присутствием, Троицей и связанными с ней темами субъекта, образа и подобия, письменным словом и властью. Эти вопросы едва ли были новы для культуры христианского Запада, но их трактовка как ряда взаимосвязанных проблем демонстрирует перелом в доминирующей системе обозначений.

Лингвистические дискуссии, занимавшие бившихся над вопросами богословия таинств предшолоастиков, способствовали обновленному изучению основного корпуса семио-лингвистической теории, данной ранее Св. Августином (ум. 430 г.)²⁴. Происшедшее интерпре-

²⁴ Из доступной большой библиографии об августиновской теории знака особенно полезно следующее: *Ando C. Augustine on Language // Revue des études augustiniennes. Vol. 40. 1994. P. 45–78; Colish M.L. Mirror of Language... P. 7–54; De Doctrina Christiana: A Classic of Western Culture / Ed. D. W. H. Arnold, P. Bright. Notre Dame, Ind., 1995; Engels J. La doctrine du signe chez Saint Augustin // Studia Patris-*

тационное изменение в понимании теории Августина принесло осознание того, что можно назвать августиновским парадоксом. Семиотика Августина, представленная во 2-й книге *De Doctrina Christiana*, предстает запутанным клубком утверждений и сомнений²⁵. Мне кажется, что учение ранней Церкви отдает предпочтение классическому дуализму между знаком и вещью, передаваемой этим знаком, вследствие чего только вещь, идеальная и не от мира сего, обладает реальностью. Дуалист Августин подчеркнул недостаточность соответствия между означающим (индикатором) и означаемым (тем, на что указывается), отдавая преимущество вечным идеальным объектам референции над знаками, и сожалел о лингвистическом разнообразии и семантической неясности как следствии грехопадения. Августин выделил две группы знаков, *signa naturalia*, или естественные знаки, которые он понимал как имеющие необходимые и причинные отношения с их референтами (например, «нет дыма без огня»), и *signa data*, или данные конвенциональные знаки (язык, одежда, деньги), которые означают нечто благодаря сущности произвольных интенций тех, кто их создают²⁶. По-видимому, он никогда не рассматривал возможности того, что конвенциональные знаки могут функционировать более как

tica. Vol. 6. Berlin, 1962. P. 366–373; *Darrell Jackson B.* The Theory of Signs in St. Augustine's *De Doctrina Christiana* // *Revue des études augustiniennes*. 1969. Vol. 15. P. 9–49; *Maierù A.* Op. cit. S. 55–57; *Manetti G.* Theories of the Sign in Classical Antiquity. Bloomington, Ind., 1993. P. 157–168; *Markus R.A.* St. Augustine on Signs // *Phronesis: A Journal for Ancient Philosophy*. 1957. Vol. 2, № 2. P. 60–83; *Idem.* 'Imago' and 'similitudo' in Augustine // *Revue des études augustiniennes*. 1964. Vol. 10. P. 125–143, репринт обеих: *Sacred and Secular: Studies on Augustine and Latin Christianity*. Aldershot, 1994.

²⁵ Это удачное выражение принадлежит Томасу С. Мэлони: *Maloney T.S.* Is the *Doctrina* the Source for Bacon's Semiotics // *Reading and Wisdom: The "De Doctrina Christiana" of Augustine in the Middle Ages* / Ed. E.D. English. Notre Dame (Ind.), 1995. P. 133. См. обсуждение случаев, где аргументация Августина разрушает его собственное разграничение знаков и вещей: *Sweeney E.C.* Hugh of St. Victor: The Augustinian Tradition of Sacred and Secular Reading Revised // *Reading and Wisdom...* P. 73. Доступны перевод и издание "De Doctrina": *Augustine. De Doctrina Christiana* / Ed., trans. R.P.H. Green. Oxford, 1995.

²⁶ Выделяются два вида знаков: *Augustine*. Op. cit. 2.1.2, 2.2.3. P. 56–59; *Maierù A.* Op. cit. S. 55–57.

естественные, поскольку не думал, что причинная зависимость или логические импликации между знаками и референтами были возможными моделями для языка и культуры²⁷. В дуалистической и идеалистической теории Августина человеческий язык – внешняя имитация трансцендентной действительности, обязательно нуждающаяся в своем идеальном референте или объекте и который, таким образом, принципиально неспособен выразить сущность Бога и Его божественную индивидуальность как высшую степень автореференции. Понимая язык как форму отчуждения, так как лишь Бог есть Логос – уникальный сверх-семиотический гарант адекватности знаков, противящийся поглощению референциальным языком – Августин в действительности лишал человеческое знание возможности устойчивых понятий и препятствовал конкретизации человеческого понимания.

Тем не менее, Августин также желал преодолеть пропасть между знаком и вещью, которую сам столь эффектно выкопал, что и представляет парадокс. Августинским решением проблемы соединения слова и вещи, для обхода замедления и посредничества, свойственных тексту и языку, является причастие с истинным присутствием, т. е. воплощение. Как воплощаемый Бог, «Слово ставшее плотью», Христос соединяет разрыв между означающим и означаемым, поскольку в учении Августина (как в более позднем догмате) о Воплощении и евхаристии, субстанция и ее репрезентация являются одним и тем же. С этой точки зрения «слово Бога [Логос] не претерпело изменения, хотя стало плотью, чтобы жить в нас»²⁸. Таинства в этом построении отличаются от иных знаков; они актуализируют присутствие того, на что слова просто указывают. В августинском богословии воплощение Логоса стало моделью, которая, пусть и ограничивая лингвистическое выражение, продвигала священный смысл через присутствие²⁹.

²⁷ *Sweeney E.C.* Op. cit. P. 65; *Markus R.A.* Signs, Communication, and Communities in Augustine's De Doctrina Christiana // De Doctrina Christiana: A Classic of Western Culture... P. 98–99.

²⁸ *Augustine.* Op. cit. P. 24–25.

²⁹ *Ibid.* P. 22–25.

Таким образом, хотя Августин повторил платоновскую идею раскола между знаком и вещью, он также оставил семиотическое наследие конкретизации, уход от простой референциальности знаков, место для непосредственного присутствия. Здесь заслуживает быть отмеченным переход от обозначения к конкретизации, от знака для вещи к безмолвию слова, которое, став плотью, выходит за пределы всей системы речи³⁰. Желаемая Августином причастность чистому, непосредственному присутствию подорвала прежнее репрезентативное посредничество знаков, но и обеспечила, в интерпретации предшолоастиков, семя новой теории репрезентации. Тождественность между знаком и объектом сообщила новый способ означивания в течение XII в., когда было твердо признано, что евхаристия является и по сути тем, что она репрезентирует. Было общепринятым призывать растущее влияние аристотелевской мысли для объяснения появления в предшолоастической культуре идеи о том, что символ сопричастен той действительности, которую он выражает. Однако вполне может быть, что августиновский семиотический корпус был сам по себе вполне способен вдохновить убежденность в том, что имманентность была главной для функционирования символизма³¹.

Определяющим, всеохватывающим вопросом был поэтому вопрос о взаимоотношении знаков и мира, и постановка этого вопроса вышла на передний план в ходе спора, вызванного идеями Росцелина Компьенского. В течение второй половины XI в. Росцелин, наиболее известный преподаватель диалектики в школах северной Франции, положил начало тому, что стало известно как номинализм, и, таким образом, начал спор об универса-

³⁰ Сьюзен А. Ханделман приводит весьма пронизательные замечания о семиотике и о вещественности знаков у Августина: *Handelman S.A. The Slayers of Moses: The Emergence of Rabbinic Interpretation in Modern Literary Theory*. Albany (N.Y.), 1982. P. 89–90, 113–120.

³¹ *Chenu M-D. Symbolist Mentality...* P. 134–135, 139–140; *Idem. The Platonisms of the Twelfth Century // Nature, Man, and Society in the Twelfth Century...* P. 49–98. А. Майеру рассматривает многие аспекты августиновского учения и его различное толкование в соответствующих теологических культурах, и опровергает радикальное противопоставление Аристотеля и Августина: *Maierù A. Op. cit.* S. 69–70.

лиях. Противопоставляя номиналистов реалистам, эти дискуссии расцвели в главный спор средневековой философии. Универсалии, например, «человек» или «животное», были общими категориями свойств, разделяемыми многими отдельными сущностями. Полемика сосредоточилась на онтологическом статусе этих универсальных категорий: какой степени реальности они обладали, откуда происходили? Для номиналиста Росцелина эти категории не обладали ни объективной, ни субъективной реальностью. Они не существовали ни в уме, ни в действительности, будучи просто произносимыми звуками или словесными выражениями умственных построений, извлеченными из опыта с отдельными сущностями, которые существуют лишь в природе³². С другой стороны, следуя платоновской и августиновской традиции, реалисты утверждали, что, хотя универсальные категории не имели телесного существования, они, тем не менее, существовали вне человеческого разума – в уме Бога, где, вечные и неизменные, они служили источником форм для вещей, которые существуют во времени и пространстве³³. Номиналистское отрицание Росцелином идеальных реальностей (универсалий) и любой связи между словом и физическим качеством противоречило точке зрения Августина о реальности универсальных категорий, но не его разграничению слов и их референтов. Для Росцелина, однако, референты были другими словами, а не реальными вещами, иден-

³² Vivarium. 1992. Vol. 30. N. 1 весь выпуск целиком посвящен номинализму. Более полную библиографию о Росцелине и его позиции см. ниже, сноска 44.

³³ Противопоставление номиналистов и реалистов традиционно в средневековой историографии. Однако термин «реализм» в контексте медиевистических исследований сбивает с толку. Реализм, также называемый идеализмом, является средневековой философской теорией, происшедшей от формулировки Платона, утверждавшего реальность универсалий (т. е. отвлеченных понятий или общих форм), доказывавшего, что они лишь умоизобразительны и существуют отдельно от материальных объектов, причиной коих служат. Несколько путанно термин «реализм» также использовался для описания учения Боэция и Псевдо-Дионисия о том, что материальные объекты и образы, заимствованные от чувственно воспринимаемой действительности, ценны для познания сакрального вследствие их символического потенциала и способности включать постижимую реальность, которую они выражали.

тичными божественным идеям, какими они, в конечном счете, были для августинцев. Сторонники позиции Августина, такие, как Ансельм Бекский, Альберик Реймский и Гийом из Шампо, защищали ее, переходя от раннесредневекового подчеркивания ими августиновского радикального дуализма слова и вещи к акцентированию на его теории онтологической имманентности и сопричастности³⁴. Эта теория утверждала, что вещи направляли свойства знаков, что, принадлежа пространственно-временной сфере, универсалии сотворяли подобия среди объектов. Безусловно, причастность трансцендентному не являлась тождественностью, но только подобием; единственно лишь Бог обладал истинной идентичностью.

Не соглашаясь ни со своим учителем Росцелином, ни с Августином и его последователями, Абеляр отрицал существование чего бы то ни было, что не являлось единичным. Поддерживая мнение, что общая природа, присущая вещам одних видов, сделала их подобными, он утверждал, что такое сходство недостаточно для их установления как универсалий. Для Абеляра слова были универсалиями, понятиями вещей, но не их образами. Слова, тем не менее, функционировали через образы, наделяемые их значением, но не вещами непосредственно, а способом обозначения, свойственным работе человеческого ума. Абеляр считал, что разум создает по потребности образы или копии для очерчивания отсутствующих вещей. Эти образы – удобные объекты мышления и понимания, которые, таким образом, воздействуют на сходство, создаваемое умом. Это подобие не обладает ни субстанциальной реальностью, ни подкреплением трансцендентальными универсалиями, что составляло сходство между вещами для августинцев. Для Абеляра слова обращают ум к сходству вещей, но слова обозначают образы, а не их объекты. Поэтому слова отражают понимание того, предикатом чего служат, а не

³⁴ Ансельм возразил Росцелину в трех письмах: «К Иоанну Монаху», «К Фульку, епископу Бовэ» и «О Воплощении Слова»: Anselm of Canterbury / Ed., trans. J. Hopkins, H. Richardson. Vol. 3. Toronto, 1976. P. 3–37. Наиболее свежее исследование августинизма Гийома из Шампо: *Mews C.J. Philosophy and Theology...* P. 168–169, дополнительная библиография в сносках 69–76.

отсылают непосредственно к объекту. Указывая, что мысли и понимание не тождественны своим объектам, Абельяр вытеснил августиновское представление о том, что божественные реальности действительно присутствуют в человеческом уме, где производят образы самих себя. Он определил место акта понимания в уме как активного изобретателя общих понятий с его *modus operandi* созданных образов. Так из первоначального спора об универсалиях появился серьезный словарь «подобия», и сопутствующее понимание образов как знаков отсутствующих вещей³⁵.

Спор об универсалиях также проник в аргументацию, воздвигнутую Беренгарием Турским в XI в., побудившую северофранцузские школы пересмотреть природу евхаристического знака³⁶. Для Беренгария, как и Абе-

³⁵ Подходы Абельяра к проблеме языка и действительности получили большое внимание. Эта статья обязана исследованиям: *McCallum J.R.* *Abelard's Christian Theology* (1948; repr. N.Y., 1976) P. 40–44; *Marenbon J.* *The Philosophy of Peter Abelard*. Cambridge, 1997. P. 162–173; *Mews C.J.* *Philosophy and Theology...* P. 168–173; *Stock V.* *Op. cit.* P. 362–402. Более полную библиографию о понятии образа и репрезентации в предшолоастической мысли см. ниже, сноски 42.

³⁶ В споре о евхаристии, имевшем место в IX в. в Корби, Пасхазий Радберт (ум. ок. 860 г.) утверждал, что тело Христа присутствовало в евхаристии посредством освящения. Это утверждение вызвало реакцию Ратрамна (ум. 868 г.), монаха того же монастыря, который, опираясь на учение Августина о таинствах как видимых словах, отличных от выражаемых ими вещей, понимал присутствие Христа в евхаристии фигурально, как образ истины, пребывающей в ином месте. Прения продолжились в следующем столетии, поднятые учеными людьми Льежской епархии, склонными принять евхаристический натурализм Пасхазия. Херигер Лоббский (ум. 1007 г.), в частности, пытаясь примирить эти две позиции, и согласовать расхождения между отцами Церкви о смысле таинств, был в своем понимании евхаристии, в основном, натуралистом. См. яркое резюме этих споров: *Rubin M.* *Corpus Christi: The Eucharist in Late Medieval Culture*. Cambridge, 1991. P. 14–16; *Macy G.* *Op. cit.* P. 21–25; *Stock V.* *Op. cit.* P. 259–272. Важно, что Херигер Лоббский ответственен за изготовление наиболее раннего скрепленного печатью епископского документа в Льеже, выпущенного 19 июня 980 г. от имени епископа Нотгера (972–1008). Фактически, эта печать – самая ранняя из сохранившихся средневековых некорольевских печатей. Документ опубликован с факсимиле, французским переводом, дипломатическим и историческим комментариями и библиографией в: *Autour de Gerbert d'Aurillac, le pape de l'an mil: Album de documents commentés / Ed. O. Guyotjeannin, E. Poulle.* Paris, 1996. No. 44. P. 300–305.

ляра, проблемой было отношение логико-лингвистических структур к разуму и действительности³⁷. Евхаристический спор был выражен в квазидокументалистских терминах: действительно ли евхаристия была наделена действительным присутствием и присущей силой, мнение, которое будет уравнивать содержащий эту интерпретацию материал (тексты) с событиями в реальном мире? Или, как утверждал Беренгарий, должна ли была модальность евхаристического присутствия быть совместимой с лингвистической моделью грамматики и логики: короче говоря, должна ли была евхаристия аллегоризоваться, чтобы быть понятой? Беренгарий отказался признавать то, что отрицается на основании чувств или простой логики. Поэтому он заявил, что хлеб и вино остаются на алтаре после освящения, и что это была объяснение, достигнутое внешними ощущениями, наделившими евхаристию подлинным смыслом. Опираясь, тем не менее, как позже Абеляр, на инструмент лингвистической философии, Беренгарий обсуждал «за» и «против» старого дуалистического августиновского разграничения видимого и духовного, между символом и реальностью³⁸. Неприятие материального символизма, отстаиваемое Беренгарием и его последователями, было одинаково встре-

³⁷ *Stock B.* Op. cit. P. 385, 402. В разгоревшемся евхаристическом споре Беренгарий инициировал обращение пристального внимания на богословие таинств, господствовавшее в предсхоластических прениях XI–XII вв. Существенно, что некоторые из этих теологов распространяли на все таинства представление, что евхаристия является таинством, поскольку это – тело Христово. Таинство (*sacrae rei signum*), таким образом, является, собственно, священным, когда оно самоотожествляется со своим означаемым (*signatum*); *Eynde D. Van den.* Op. cit. S. 25–27, 138–40. О теоретической, а также доктринальной оценке споров Беренгария с его противниками см.: *Colish M.L.* *Mirror of Language...* P. 65, 72–74; *Macy G.* Op. cit. P. 35–53; *Rubin M.* Op. cit. P. 13–25; *Stock B.* Op. cit. P. 252–315.

³⁸ Придерживаюсь здесь анализа позиции Беренгария Стоком: *Stock B.* Op. cit. P. 273–287. Об августиновском характере учения Беренгария о евхаристии см.: *Macdonald A.J.* Op. cit., хотя целью этого исследования было найти истоки евхаристического учения реформированной Церкви, доказывая, что, подобно Беренгарию, она была верна теологии Августина. Сведения о Беренгарии и спровоцированных им спорах о значении евхаристии богаты и полезны. Мэйси и Ван ден Энде рассматривает августинизм Беренгария относительно таинств вообще, и касательно его богословия евхаристии: *Macy G.* Op. cit. P. 35–43; *Eynde D. van den.* Op. cit. S. 4–7, 24–25.

чено в штывки монахами (напрымер, Иоанн Фекамский) и предсхоластыкамы, такімы, как Ланфранк³⁹, Хериманн Реймский и его ученик, канцлер Бруно, чьи библейская экзегеза и учение о евхаристии оказали сильное влияние на другого канцлера, Ансельма Ланского, обучение у которого, в свою очередь, повлияло на Гийома из Шампо и Гуго Сен-Викторского⁴⁰.

Канцелярские ученые люди были убежденными сторонниками идеи реального присутствия, и, действительно, в защиту этого понятия они широко участвовали в крупных дискуссиях по теории знака, репрезентации, влиянию и подлинности письменного слова, в равной мере библейского и документального. Более ранняя августиновская семиотика, служившая опорой Беренгарию, подчеркнула радикальную двойственность знаков, предполагающую отрицательное различие: с одной стороны, умственное, неизменное означаемое, с другой – физическое, преходящее означающее, отсылающее к своему объекту, но не связанное с ним сущностно. Лишь только они закончили свои споры об универсалиях и референциальности языка, предсхоластические богосло-

³⁹ Ланфранк Бекский верил, что был свидетелем чудесного превращения хлеба и вина в таковые из плоти и крови, как рассказывал его ученик и собрат монах Guitmund (ум. ок. 1090–1095 гг.): *De Corporis et Sanguinis Christi Veritate // Patrologia Latina* (далее PL) / Ed. J.-P. Migne. 221 vol. Vol. 149. 1449D–1450D; см.: *Macy G. Op. cit.* P. 87.

⁴⁰ О главах оппозиции и направленных против Беренгария трактатах см.: *Macy G. Op. cit.* P. 44–53; Eynde D. van den. *Op. cit.* S. 25–27. Теологическое учение о евхаристии Ансельма Ланского разделялось сен-викторцами, Гийомом из Шампо и Гуго Сен-Викторским поразному: *Macy G. Op. cit.* P. 74–75, 78–86, 103–105. Это Ланско-Викторское евхаристическое богословие описывало *res* евхаристии как истинные тело и кровь Христа и настаивало на субстанциальном (реальном) присутствии Христа в таинстве. Считалось, что физическое присутствие Христа само по себе является знаком иной реальности, мистическим союзом между Христом и верующим. Жильбер Порретанский и Абельяр поддержали это толкование, лишь заменяя верующего Церковь в этом мистическом соединении: *Macy G. Op. cit.* P. 105, 108, 110, 115, 131. Поскольку чувственная реальность таинства призвана означать духовную реальность, символизм сохраняется. Эта концепция избегает слияния означающего и означаемого, которое подразумевалось в натуралистском богословии евхаристии; воспроизведение в ней дуализма знаковой теории Августина происходит через принятия знака (евхаристическая гостия), который сам по себе является воплощением своего объекта.

вы опробовали этот дуализм в развитии своего евхаристического богословия. Занимаясь этим, они разглядели механизм, посредством которого иконический знак мог быть подобен тому, что он обозначает, а также способ и степень, до которой он сам мог быть сопричастным репрезентируемому объекту. Как и в дискуссии о языке и универсалиях, внимание было уведено от дуализма Августина к его оценке материального аспекта знака⁴¹. Воплощение Бога более не должно было объясняться с помощью образа, как в случае, когда понятие Бога как первоисточника и Христа как живого образа позволяло рассматривать их как одного и того же Бога, хотя и не одно и то же лицо. Скорее, образ, как считалось отныне, был реализацией формы в материи и стал пониматься как подлинное воплощение. Образы были передвинуты в разряд квазиперсональных сущностей⁴². Язык аналогии

⁴¹ *Maierù A.* Op. cit. S. 69–70. Майеру рассматривает стремление ранних богословов полагаться на осуждение Августином означаемого как vis-à-vis означаемого и избежать собственного внимания к чувственному характеру знака.

⁴² *Belting H.* Likeness and Presence: A History of the Image before the Era of Art. Chicago, 1994. P. 153. Для ориентирования в понятии образа и репрезентации в предсхоластической мысли мне были полезны: *Bell D.N.* The Image and Likeness: The Augustinian Spirituality of William of Saint-Thierry. Kalamazoo, Mich., 1984; *Belting H.* Op. cit.; *Nicée II, 787–1987: Douze siècles d'images religieuses* / Ed. F. Boespflug, N. Lossky. Paris, 1987; *Constable G.* Three Studies in Medieval Religious and Social Thought. Cambridge, 1995, особ. P. 179–217; *Ginzburg C.* Representation: Le mot, l'idée, la chose // *Annales: E.S.C.* 46 année. № 6. novembre–décembre 1991. P. 1219–1234; *Iconicity: Essays on the Nature of Culture.* Festschrift for Thomas A. Sebeok on his 65th Birthday / Ed. P. Bouissac, M. Herzfeld, R. Posner. Tübingen, 1986; *L'image: Fonctions et usages des images dans l'Occident medieval.* Actes du 6e "International Workshop on Medieval Societies", Centre Ettore Majorana (Erice, Sicile, 17–23 octobre 1992) / Ed. J. Baschet, J.-Cl. Schmitt. Paris, 1996, особенно *Baschet J.* Introduction: L'image objet // *Ibid.* P. 7–26, *Schmitt J.-Cl.* Imago: de l'image à l'imaginaire // *Ibid.* P. 29–37, *Wirth J.* Structure et fonctions de l'image chez saint Thomas d'Aquin // *Ibid.* P. 39–57, *Didi-Huberman G.* Imitation, représentation, fonction, remarques sur un mythe épistémologique // *Ibid.* P. 59–86; *Images of Memory: On Remembering and Representation* / Ed. S. Küchler, W. Melion. Washington, 1991; *Javelet R.* Op. cit.; *Ladner G.B.* Ad Imaginem Dei: The Image of Man in Medieval Art. Latrobe, 1965; *Idem.* Images and Ideas in the Middle Ages. Rome, 1983; *Legendre P.* Op. cit.; *Marin L.* Portrait of the King. Minneapolis, 1988; *Mitchell W.J.T.* Iconology: Image, Text, Ideology. Chicago, 1986; *Nichols S.G.* Romanesque Signs: Early Medieval Narrative and Iconography. New Haven, Conn.,

просочился в язык онтологии: «походить» превратилось в «быть частью». Культурное содержание аналогии, т. е. отношений между объектом и его образом, было изменено таким образом, что иконическая репрезентация могла рассматриваться более реальной, чем эмпирический опыт. Это то, что происходит, согласно догмату о пресуществлении, когда освященные хлеб и вино суть истинные тело и кровь Христовы. Евхаристические споры породили идею, что реальность обладает способностью быть воспринятой посредством иконической конвенции. В столь суровом культурном испытании знак стал менее репрезентативен из-за его отношения к умозрительному идеалу, а не из-за его способности воплотить онтологические особенности его референта. Говоря языком семиотики, репрезентируемый объект (означаемое) стал конституирующей частью знака (означающего), поскольку для обозначения объекта знак должен был включить его репрезентацию. Именно это выражение воспринятой репрезентации стало рассматриваться как значение знака. Это новое семиотическое учение, хотя и сохраняло различие между объектами, означающими функциями иконических знаков и их репрезентативной способностью, фактически санкционировало сплав означающего и означаемого, так что, имманентность скорее, чем трансцендентность стала управлять связью между означающим и означаемым.

Дискуссия об идентичности представленной в евхаристии личности Христа, будь то божественная, историческая или аллегорическая, подняла вопрос о природе личности. Обсуждение этого вопроса оказалось связанным с рассмотрением отношения между универсальным и индивидуальным, затронутого в вышеизложенном споре об универсалиях. В стремлении его постичь исследовались, во-первых, лица, составляющие Троицу, во-вторых, человеческая личность. Номинализм, настаивая на индивидуальности, склонялся к дроблению божественного единства Троицы на три отдельные сущности. Номиналист Росцелин, желая обратиться к проблеме

1983; *Schmitt J.-Cl.* Les images classificatrices // Bibliothèque de l'Ecole des chartes. T. 147. 1989. P. 311–341; *Sullivan J.E.* The Image of God: The Doctrine of St. Augustine and Its Influence. Dubuque, Iowa, 1963.

того, как три ипостаси Троицы, Отец, Сын и Святой Дух могли быть единосущны, но не все при этом воплотились во Христе, проанализировал термины «Отец», «Сын» и «Святой Дух» с точки зрения логики в качестве имен, данных человеком. Хотя Росцелин на самом деле нигде не утверждал, что эти наименования означают отдельные вещи, его учение о Троице вызвала нападки Ансельма Бекского, обвинявшего Росцелина в том, что он диалектический еретик, который считает, что универсальные субстанции являются не более чем словами. В трактате «*О Воплощении Слова*» Ансельм утверждает, что имена собственные обозначают разных людей, отмечая, что до тех пор, пока личности, нося такие имена, наделены общей природой, они минимально отличны друг от друга, сохраняя отличающиеся свойства: в своем лице Сын принял две природы так, что личность Бога и личность человека были одним и тем же, и это сделало личность Сына отличной от таковых Отца и Духа, поскольку различные личности не могут быть одним и тем же человеком⁴³. Росцелин был вынужден защищать свои взгляды относительно Троицы на соборе, проведенном в Суассоне в 1092 г., где уклонился от обвинения в том, что он проповедовал разделение божественной сущности, утверждая, что его аргументация относилась лишь к именам и терминологии, но не к Богу непосредственно⁴⁴.

Абеляр продолжил эту полемику в трактате «*О Единстве и Троичности Бога*», и утверждал, что божественные атрибуты не были чем-то фиксированным, а лишь именами, приданными Богу для обозначения определенных свойств его бытия. Отношения между Сыном и Отцом, или Святым Духом и Отцом могли быть поняты с точки зрения отношений между этими

⁴³ The Incarnation of the Word (*Epistola de Incarnatione Verbi*) // Anselm of Canterbury... Vol. 3. P. 9–37, особенно P. 27–31.

⁴⁴ О споре см.: Jolivet J. Trois variations médiévales sur l'universel et l'individu: Roscelin, Abélard, Gilbert de la Porrée // *Revue de métaphysique et de morale*. 1992. Vol. 97. P. 111–155; Mews C.J. *Philosophy and Theology*... P. 164–168; *Idem*. *Nominalism and Theology before Abaelard: New Light on Roscelin of Compiègne* // *Vivarium*. 1992. Vol. 30. P. 4–33; Picavet F. *Roscelin philosophe et théologien d'après la légende et l'histoire*. Paris, 1911. P. 50–52.

свойствами⁴⁵. Таким образом, Абельяр вводил идею, что представители одного вида, как, например, мужчины, могут все же отличаться по своим свойствам, или даже по определению, когда такие свойства пребывают смешанными. Примером для разъяснения этого, неоднократно используемым Абельяром, выступает восковой оттиск печати. И восковое изображение, сделанное из материи, и материя (воск), из которого оно создано, являются одним и тем же по сущности и числу, но они отличаются не только по определению, но и качественно, поскольку восковой образ должен быть воском, и происходит из него, а не из самого себя (восковое изображение не было порождено восковым изображением), но к воску может быть присоединен некий образ или что-либо еще, точно так же, как, если человек – это человек, он должен быть живым существом, но живые существа могут быть как человеком, так и любыми иными животными⁴⁶. Рассуждения Абельяра поясняют, что современные ему дискуссии о лицах Троицы никогда не уходили далеко от исследования человеческой личности. Действительно, такие споры способствовали созданию и распространению самого понятия «личность» (*persona*)⁴⁷. Богослов XII в. Ришар Сен-

⁴⁵ *Mews C.J.* Philosophy and Theology... P. 168–173: трактат Абельяра "О единстве и Троичности Бога" известен также как *Theologia "Summi Boni"* (первая редакция ок. 1120), переработан как "*Theologia Christiana*" ок. 1122–1126, и вновь как "*Theologia*" (или *Theologia "Scholarum"*). *Theologia "Summi Boni"* и *Theologia "Scholarum"* изда- ны: Petri Abaelardi Opera Theologica III / Ed. E.M. Buytaert, C.J. Mews // Corpus Christianorum Continuatio Medievalis (далее CCCM); 13. Vrepols-Turnhout, 1987; "*Theologia Christiana*" / Ed. E.M. Buytaert CCCM; 12. Vrepols-Turnhout, 1969. Росцелин обучал Абельяра, приехавшего, чтобы решительно выступить против него, даже несмотря на то, что Абельяр, возможно, обучился у Росцелина методу интерпретации древних логических текстов как обсуждению скорее слов, нежели вещей; см.: *Marenbon J.* Op. cit. P. 9.

⁴⁶ Полный текст метафоры печати Абельяра приведен и рассмотрен ниже. Систематическое исследование метафоры печати в целом см. в сносках 89–90.

⁴⁷ *Bergeron M.* La structure du concept latin de personne // Etudes d'histoire littéraire et doctrinale du XIIIe siècle. 2e série. Ottawa-Paris, 1952. P. 121–161; *Chenu M.-D.* Tradition and Progress // Nature, Man, and Society... P. 325–326 определяет строгую связь между работой XII в. в области тринитарной теологии и созданием новых выражений, таких, как *persona*; М. О'Хара рассматривает анализ понятия челове-

Викторский (ум. 1173 г.), сам немало поспособствовавший определению и принятию понятия «persona» в рамках своего сочинения «О Троице», отметил, что сущестительное «личность» постоянно находится «на устах у всех, даже у крестьян»⁴⁸.

Предхолостическая обстановка школ и канцелярий должна была рассмотреть человеческую индивидуальность еще в одном контексте, а именно в становлении авторитета документа. Авторитет письменных документов в фундаментальном изменении, отодвинувшем непосредственную зависимость от Бога и сверхъестественного, становился все более и более происходящим и зависящим от человеческой личности⁴⁹. Результатом

ческой личности Ришаром Сен-Викторским (ум. 1173 г.) с целью содания учения о Троице (*O'Hara M.L. The Logic of Human Personality: An Onto-Logical Account. Atlantic Highlands, N.J., 1997. P. 54–56*). Тринитарная теология Ричарда Сен-Викторского получает полную трактовку в: *Bok N. den. Communicating the Most High: A Systematic Study of Person and Trinity in the Theology of Richard of St. Victor* ([d]. 1173). Paris, 1996. 9-я глава этой книги целиком посвящена «Человеческой личности и Троице». Марсель Мосс анализирует понятие субъекта вне его связи с тринитарным учением: *Mauss M. A Category of the Human Mind: The Notion of Person; The Notion of Self // The Category of the Person: Anthropology, Philosophy, History / Ed. M. Carrithers et al. Cambridge, 1985. P. 1–25*.

⁴⁸ Ричард Сен-Викторский. De Trinitate // PL. V. 196. Col. 933, цитированный в: *Chenu M.-D. Tradition and Progress...* P. 326; а также в: *O'Hara M.L. Op. cit. P. 54*, с дальнейшими комментариями по теологическим, онтологическим и логическим подходам Ричарда к «личности».

⁴⁹ *Guenée B. Authentique et approuvé...* рассматривает образчик выдержек из хартий и канонического права, которые свидетельствуют о семантическом наложении авторства и аутентичности: для того чтобы быть подлинными, печать или письменный документ должны были исходить от властей – таких, как папа, епископ или светский магнат – или быть подтверждены ими. Поскольку с практической точки зрения эта светская наделяющая полномочиями власть была в процессе замещения власти божественной, аргументация канонистов, связанная с подлинностью документов, попала в замкнутый круг, обнаруживая этим их затруднения в осмыслении того, что природа авторства облекалась в свойственные людям знаки; см. дальнейшие примечания о власти и подлинности документов выше, сноски 11, 69. В своём изящном и содержательном исследовании Лайонел Трилинг подметил связь между искренностью, взятой как элемент личной автономии, и «усилившимся чувством личной идентичности, развившимся вместе с ростом концепции общества»: *Trilling L. Sincerity and Authenticity. Cambridge, Mass., 1972. Поме-*

этого сдвига была потребность проецировать власть и ответственность людей за пределы их действительного, эмпирического присутствия, чтобы придать грамотам некоторую степень неизменности, ранее ожидаемой лишь от Бога. Печать, ставшая средоточием достигнутого решения, как знак, замещающий объект для своего владельца или пользователя, была задумана и создана для порождения дублирующего присутствия, не фактического, но, тем не менее, реального.

В течение нескольких десятилетий после 1000 г. число изготовленных и сохранившихся грамот в северной Франции возросло на несколько порядков, отмечая тем самым тенденцию к письменному документированию, которая никогда более не исчезала⁵⁰. Эти грамоты

щенная в контекст исторической антропологии Гегеля, искренность, таким образом, становится негативным свойством, «находящимся между «я» и разрушением, которое является необходимым, если должно развивать свою истину, свою полноту, свободу»: Ibid. P. 47. В данной статье доказывается, что новые и близкие к ним проблемы идентичности, власти и подлинности представляются связанными с развитием социальной стратификации.

⁵⁰ Недавний выпуск *Bibliothèque de l'École des chartes*. Vol. 155 (1997) содержит материалы круглого стола "Pratiques de l'écrit documentaire au XIe siècle". См. ниже (сноска 54) аннотированную библиографию о спаде практики документирования, который мог, а возможно и нет, сменить каролингскую основанность на письменном слове.

Просматривая светские грамоты из Фландрии, Понтье, Пикардии, Иль-де-Франса, Нормандии и Шампани 900–1050 гг., я обнаружила, что 10% из них X в., в то время как 90 – первой половины XI в. Используемые для этого проекта источники включают картулярии и архивные собрания, упомянутые в моей диссертации *La châtelainie de Montmorency des origines à 1368: Aspects féodaux, sociaux et économiques*. Pontoise, 1980, P. 349–360, касающиеся, преимущественно, Иль-де-Франса; электронную базу данных ARTEM в Нанси, охватывающую все оригинальные французские грамоты до 1121 г. (частичную публикацию см.: *Courtois M. Chartes originales antérieures à 1121 conservées dans le département du Nord*. Nancy, 1981; северофранцузские грамоты, сведенные в каталог "Nouveau Wauters", электронную базу данных CETEDOC Католического университета Лувен-ля-Нёв, включающую все изданные и неопубликованные грамоты, изготовленные в исторической Бельгии до 1200 г.; картулярии религиозных учреждений, расположенных в епархиях Парижа, Санлиса, Лана, Бовэ, Амьена, Суассона, Арраса, Камбрэ, Реймса, Руана, каталогизированные, критически описанные и доступные на микрофильмах Института истории текстов (I.R.H.T.) (Париж); епископские акты из Амьена, Арраса, Бовэ, Камбрэ, Лана, Нуайона, Реймса и Суассона (о полезности этих епископских материалов см.: *Parisse M.*

были выпущены от имени аристократов, ответственных за письменно оформленные сделки, такие сделки, как правило, касались дарений земли, сделанных монастырям и их святым для спасения души дарителей. Однако фактическое изготовление и последующее распоряжение этими письменными документами оставались монополией духовных бенефициариев, составивших их и хранивших в архивах.

И дарители, и адресаты пожертвований были заинтересованы в обеспечении неизменности текста и сделки; наиболее надежным посредником в достижении этой цели традиционно был Бог. Документальная запись большую часть своей силы приобрела от очевидной близости со Священным Писанием, родства, установленного графически и литургически. Графически использовались такие методы, как начертание христогограммы, тринитарные инвокации, использование латыни, библейских преамбул (*arenga*), угроз отлучения и сакральных проклятий любому, кто мог бы подвергнуть сомнению зафиксированное дарение⁵¹. Литургический аспект включал

Importance et richesse des chartes épiscopales: Les exemples de Metz et de Toul, des origines à 1200 // A propos des actes d'évêques... P. 19–43, особ. P. 41–43; *Idem*. La recherche française sur les actes des évêques: Les travaux d'un groupe de recherche // Die Diplomatik der Bischofsurkunde vor 1250 / La diplomatique épiscopale avant 1250: Referate zum VIII. Internationalen Kongress für Diplomatik, Innsbruck, 1993. Innsbruck, 1995. S. 203–208); акты властителей, лишь в нескольких случаях опубликованные от имени их влиятельных авторов: Actes des comtes de Flandre / Oorkonden der graven van Vlaanderen: 1071–1128 / Ed. F. Vercauteren. Brussels, 1938; 1128–1168 / Ed. T. de Hemptinne. Brussels, 1989; 1191–1206 / Ed. W. Prevenier. Vol. 1–3. Brussels, 1964; *Brunel C.* Recueil des actes des comtes de Pontieu, 1026–1279. Paris, 1930 (далее Pontieu); *Fauroux M.* Recueil des actes des ducs de Normandie, 911–1066. Caen, 1961; *Lépinos E. de.* Recherches historiques et critiques sur l'ancien comté et les comtes de Clermont en Beauvaisis du XIe au XIIIe siècle. Beauvais, 1877; *Newman W.M.* Les seigneurs de Nesles en Picardie (XIIe–XIIIe siècle): Leurs chartes et leur histoire. Vol. 1–2. Paris, 1971. Vol. 2. P. 27–161. Жан Данбабэн даёт пронизательную оценку грамот властителей, изготовленных в 987–1108 и 1108–1180 гг.: *Dunbabin J.* France in the Making, 843–1180. Oxford, 1985. P. 130–132, 253–255.

⁵¹ Лучший анализ текстовых, графических и лингвистических составляющих дипломатического дискурса с современной библиографией дан в: *Guyotjeannin O., Pycke J., Tock B.-M.* Diplomatique médiévale. Turnhout, 1993. P. 71–102. Об использовании церковных проклятий в грамотах см.: *Bowman J.* Do Neo-Romans Curse // *Viator*:

изготовление грамот писцами духовного звания и их помещение на алтари или в Евангелия⁵². Рукописная грамота была сродни Священному Писанию и, по существу, являлась пространством сакральной и надежной записи.

Текст грамоты, однако, был сформулирован от имени первого лица субъекта, совершающего дар, что выражало волю и намерение частного дарителя. Оформленная в религиозном контексте грамота определила и местоположение *ego* – «я» дискурса дипломатики – в рамках христианской этики и эсхатологии спасения. Поэтому, относительно грамот, выпущенных и от его соб-

Medieval and Renaissance Studies. Vol. 28. 1997. P. 1–32; Little L.K. Benedictine Maledictions: Liturgical Cursing in Romanesque France. Ithaca, N.Y., 1993, который, однако, склонен сосредоточиваться на английских и южноевропейских грамотах; Tabuteau E.Z. Transfers of Property in Eleventh-Century Norman Law. Chapel Hill, N.C., 1988. P. 219–222, несмотря на сомнительное рассмотрение роли подписей в средневековых грамотах.

Дарение герцога Ричарда II аббатству Сент-Уэн: «per signum crucis cum excommunicatione hanc cartam firmavit»: Fauroux M. Op. cit. P. 148. No. 43 (1015–1026). Дальнейшие примеры проклятий и угроз отлучения от церкви см. в: Brunel C. Op. cit. P. 23 (грамота № 11), 1100: скрепленный печатью акт Ги, графа Понтье, в пользу монастыря Сан-Савер в Монтрёй-сюр-Мер, «infractores autem hujus traditionis, nisi digna satisfactione resipuerint, a Deo et omnibus sanctis ejus anathematizati, eterne dampnationi subjaceant. Amen». Схожие формулы используются в грамотах № 4 (1067) на С. 6, № 8 (1100) на С. 14, № 10 (1100) на С. 21, № 12 (1100) на С. 25, № 25 (1136–37) на С. 42, № 27 (1143) на С. 46, и № 62 (1159–60) на С. 95.

Лучший обзор о христоматии и тринитарной инвокации дают две словарные статьи Альфреда Гавлика: *Lexicon des Mittelalters*. Bd. 2. Col. 1905; *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*. T. 3. F. 1. Cols. 1481–1534. Состояние вопроса об использовании знака креста в грамотах см.: *Parisse M. Croix autographes de souscription dans l'Ouest de la France au XIe siècle // Graphische Symbole in mittelalterlichen Urkunden / Ed. P. Rück. Sigmaringen, 1996. S. 143–155. Образцовый труд о преамбулах (arengae), в котором дан каталог и обзор развития тематики: Fichtenau H. Arenga: Spätantike und Mittelalter im Spiegel von Urkundenformeln. Graz-Cologne, 1957.*

⁵² Подтверждение герцогом Вильгельмом дарения в пользу аббатства Сан-Лежер «pro sua suorumque salute, donationem supra altare posuit, de his omnibus que Hunfridus dederat»: Fauroux M. Op. cit. P. 334. № 149 (1040–1050). Примеры далее см.: Brunel C. Op. cit. P. 21, 30, 120, 129, 225. См. также обсуждение возложения грамот на алтари: *Boüard A. de. Manuel de diplomatique française et pontificale. Vol. 2: L'acte privé. Paris, 1948. S. 112–114.*

ственного имени, и каковым он вверял судьбу своей души и душ членов своей семьи, даритель оказывался не в полной мере автором. Во-первых, рукописный документ, представленный на латыни, языке, который едва ли знал, он создавал не сам. Во-вторых, сам письменный текст был существенно обезличен, поскольку его настоящий составитель, оставшийся анонимным, писал в официальном стиле или в пределах возможностей специальной терминологии, как фиктивный субъект, *persona fictiva*, действуя от имени кого-то еще. Сочиняя от имени дарителя, представляя его как автора, составитель излагал мотивации, решения и сами дарения, каждый раз используя слово *ego*. Используя эту форму от первого лица, составитель, хотя семиотически и вносил субъективность дарителя, фактически сохранял отношение третьего лица. Следовательно локус субъективности оказывался за пределами индивидуального и то, что представлялось как индивидуальный дискурс субъекта, в действительности оказывалось сочетанием множества голосов⁵³.

Дискурс в области дипломатики, таким образом, включил культурное «я», весьма отличное от отдельного человека. Тем не менее, после 1000 г. грамотам потребовалась своеобразная местоименная категория первого лица, чтобы *ego* функционировало как индекс, указывающий на автора высказывания. Возможно, здесь полезно отметить, что этот метод письменного документирования развился в северной Франции в середине XI в., в конце полуторавекового периода (900–1050), в течение которого сделки обычно заключались путем устных заявлений исполнителей и свидетелей, совершались под клятвой и посредством публичных символических жестов и ритуалов⁵⁴. В рамках такого набора устных и ви-

⁵³ Semiotics, Self, and Society / Ed. B. Lee, G. Urban. Berlin, N.Y., 1989, особ. введ., P. 4, а также: *Urban G* The T of Discourse // *Ibid.* P. 27–51.

⁵⁴ Об устном слове как основе социально-экономических отношений X – начала XII вв. см.: *Stock B.* Op. cit. P. 17; *Stouff L.* Etude sur la formation des contrats par l'écriture dans le droit des formules du Vème au XIIème siècle // *Nouvelle revue historique de droit français et étranger.* 11 année. 1887. P. 274–275. О нормандских сделках между мирянами, оформленных без грамот, см.: *Tabuteau E.Z.* Op. cit. P. 7–8, 213–214, 218–219. В современных исследованиях о каролингском периоде (ок. 750–950) подчеркивается центральная роль письменного слова в это время: *McKitterick R.* Op. cit.; *Nelson J.L.* Dispute Settlement in Caro-

зуальных способов эмпирическое присутствие субъекта, *ego*, конечно, было непосредственным и бесспорным.

С ростом значения письменности в церемонии, санкционирующей земельные сделки, *ego* письменного дискурса дипломатики – лингвистическая категория, отличающаяся от изысканного словами субъекта – не могло более обеспечивать референциальность посредством действительной идентичности с автором грамоты. Встала проблема, как согласовать *ego*, лингвистическую категорию, и *ego*, физического человека, действительного субъекта говорения. Произошло это потому, что грамота периода после 1000 г. долго оставалась частью церемониальной формы, в которой действительность грамоты менее зависела от ее удобочитаемости (как текста), чем от ее визуального эффекта (как сакрализованного писания), так что контекстуальный аппарат грамоты еще долго происходил из сферы устных обычаев и соответствовал им. В то время устное и письменное не противостояли, но действовали совместно в рамках единой постижимой разумом структуры.

lingian West Francia // *The Settlement of Disputes in Early Medieval Europe* / Ed. W. Davies, P. Fouracre. Cambridge, 1986. P. 45–64; *Idem*. Literacy in Carolingian Government // *The Uses of Literacy in Early Medieval Europe* / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1990. P. 258–296. См. также: *Werner K.F.* Missus, marchio, comes: Entre l'administration centrale et l'administration locale de l'empire carolingien // *Histoire comparée de l'administration (IVe–XVIIIe siècles)* / Ed. W. Paravicini, K.F. Werner. Munich, 1980. S. 191–239. Предполагая, что письменное слово не было бы адресовано официалам, неспособным его разобрать, были приведены доводы в пользу утилитарной грамотности каролингской светской элиты, и представления развития грамотности в XI и XII вв. как продолжения каролингских достижений: *McKitterick R.* Op. cit. Тем не менее, Нельсон заключает, что разногласия между мирянами разрешались спорами, посредничеством или третейским судом, и исчезли, не будучи зафиксированы: *Nelson J.* *Dispute Settlement in Carolingian West Francia...* P. 55. Каков бы ни был уровень грамотности и нормативной силы письменного слова у Каролингов, думается, что их наследие, если и было, не затрагивало область земельных сделок, и даже имущественные дела между светской элитой каролингской эпохи улаживались без обращения к помощи письменного слова. В северной Франции после Каролингов не сохранилась правовая и административная зависимость от письменного слова, и лишь церковные учреждения оставили следы документальных практик.

Эта структура опиралась на примат эмпирического присутствия в утверждении власти, что побуждало власть проистекать от личности, быть эманацией индивидуальности. Таким образом, когда оспаривались земельные дарения и споры разрешались грамотой, как часто случалось, в таких спорах даритель и адресат дара не рассматривались как две стороны с применением соответствующих этим категориям правовых норм. Но, скорее, разрешались по взаимному согласию, посредством которого статус и самоуважение обеих сторон как отдельных индивидов могли быть сохранены, а социальные отношения между ними созданы, либо возобновлены. Такое поведение сохранялась в памяти и предписывалась в форме повествований об отдельных людях и их делах⁵⁵. Внимание было обращено к индивидуальной воле и ответственности, к личной оценке значений действий, которые понимались как включающие, помимо земных и социальных последствий, заслуги, способствующие спасению (или гибели) души в загробной жизни. Короче, царство права, вызванное к жизни грамотами, было приравнено к царствам этики и теологии. Фактически его составили, не умаляя авторитета закона, категории «субъектного» и «личного»⁵⁶.

⁵⁵ *Cheyette F.* Op. cit. P. 161–62, 167–69. Искусная трактовка механизмов урегулирования споров: *White S.D.* Feuding and Peace-Making in the Touraine around the Year 1100 // *Traditio*. V. 42. 1986. P. 195–263. Я показываю, что в случае оспаривания земельных дарений клирики в попытке доказать свои права редко ссылались на соответствующие дарственные акты, и что в любом случае в отношении переданной собственности они слишком часто были неопределенными, чтобы использоваться: *Bedos-Rezak B.M.* Diplomatic Sources and Medieval Documentary Practices... P. 318, 323–324. Скорее, во многих ситуациях постоянно взывали к памяти знатоков, в которой рабочая информация повседневной жизни – владение и пользование землей, социальные отношения – была неоднократно изменена и защищена посредством таких периодических переговоров относительно прав на землю. Этот аргумент, что к грамотам не обращались, даже когда оспаривалась передача земли, был отвергнут *J. Морель*, исследовавшим подробнее роль письменного слова в урегулировании земельных споров: *Morelle L.* Les chartes dans la gestion des conflits (France du Nord, XIe–début XIIe siècle) // *Pratiques de l'écrit documentaire au XIe siècle*... P. 267–298.

⁵⁶ *Jaeger C.S.* Envy of Angels... P. 274.

Индивид, которого встречаем в грамотах периода предсхоластики, согласно Якобу Буркхардту⁵⁷ – автономное, наделенное свободой воли и эмпирически существующее лицо, находящееся в кругу социальных отношений, проистекающих из согласия и договора. Источниками эмпирического присутствия в грамоте обязательно были зафиксированное событие и его инициатор. Таким образом, сосредоточение на индивидуальном соединилось вокруг двух взаимосвязанных требований: необходимости закреплять письменной грамотой конкретную церемонию вручения дара, и потребности воплотить определяющие элементы этого контекста, а именно саму сделку и реальных говорителей (эмпирических, физических лиц, совершивших и засвидетельствовавших сделку). Как достигнуть этого воплощения? Ответом была система знаков. Таким образом, эволюция характера грамоты от сакральной инскрипции к документу с печатью произошла как попытка включить в грамоту действительную природу личной власти, укоренную в бытии, которое в свое время также отойдет.

Прежде всего, количество сделок и их инициаторов значительно выросло. Такие доказательства сделки, как символический прут или нож, первоначально действовали совместно с грамотой или даже прилагались к ней⁵⁸. Однако к концу XI в. в грамотах предстают лишь

⁵⁷ Мартин цитирует и рассматривает Burckhardt J. *Die Cultur der Renaissance in Italien: Ein Versuch*. Basel, 1860, анализируя влияние его изящно обоснованного мнения, что гуманистические и индивидуалистские идеалы возникли в ренессансной Италии, в то время как в Средние века пелена «веры, иллюзии и детского вдохновения» сделала человека «ощущающим себя лишь в качестве представителя рода, народа, группы, семьи или корпорации – только посредством некой общей категории»: *Martin J.* Op. cit. P. 1309–1311, 1309.

⁵⁸ Превосходное, с современной библиографией, рассмотрение символов и церемониала, использовавшихся для обеспечения и увековечивания в памяти сделок: *Guyotjeannin O., Pycke J., Tock B.-M.* Op. cit. P. 86–88, которое, однако, не заменяет полностью: *Boiard A. de.* Op. cit. Vol. 2. S. 112–119. В 1069 г. король Англии Вильгельм Нормандский сымитировал воззвание символического ножа-сделки в руку аббата-бенефициария как «очевидный знак» (*evidenti signo*) вечного внедрения своего пожертвования в неотделяемый патримоний аббатства: *Deville A.* *Cartulaire de l'abbaye de la Sainte-Trinité-du-Mont de Rouen*, appendice à B. Guérard, *Cartulaire de l'abbaye de Saint-Bertin*. Paris, 1840. № 67. P. 455. В некоторых случаях хартия, очевидно, бы-

имена дарителей и свидетелей, которым предшествует начертанный крест – знак, не обязательно автографический, хотя и это возможно⁵⁹. Подписывающий, отмеченный на грамоте крестом, или даже написавший его сам, вероятно одновременно налагал обрядовое крестное знамение на свое тело, совершая действие, обычно описываемое в тексте грамоты⁶⁰. Налагаемый рукой и рукописный кресты были оба знаками идентичности и обязательства, типично сопровождаемые лишь полученным при крещении именем. Такие кресты обозначали личное происхождение как сына или дочери Бога, и, следовательно, индивидуальную ответственность как Божьего дитя. Они фиксировали христианское происхождение и подписание торжественной клятвы, данной в присутствии и во имя распятого Христа. Таким образом, человек, связанный грамотой, был ответственен как за содержимое грамоты, то есть за земельное дарение, так и за свою душу, поскольку земля была подарена с клятвой, дабы обрести спасение.

Изначальные материальные символы, прут и нож, уступили начертанному на грамотах кресту. Центр переместился от знаков передачи имущества к знакам инициаторов и свидетелей передачи, то есть с действия

ла лишь символом сделки, поскольку сам пергамен оставался полностью чистым – недвусмысленный пример медиума, являющегося сообщением; о *cartae sine litteris* (пустой грамоте) см.: Gurevic A. Représentations et attitudes à l'égard de la propriété pendant le Haut-Moyen Age // *Annales*: E.S.C. V. 27. 1972. P. 533. N. 43; *Zumthor P. La lettre et la voix de la littérature médiévale*. Paris, 1987. P. 97.

⁵⁹ *Parisse M. Croix autographes de souscription...* Поддаюсь удовольствию признать здесь, сколь сильно я была вдохновлена Беатрис Френкель: *Fraenkel B. La signature: Genèse d'un signe*. Paris, 1992; см. ее анализ знака креста на документах: P. 63–65, 176–177 (фр. *signer* и *se signer* параллелизм «подписаться» и «перекреститься», не воспроизводимые на английском).

⁶⁰ *Clanchy M.T. Op. cit.* P. 295, 313, где он ссылается на англо-нормандскую грамоту, данную в 1109 г. Гуго Честерским Честерскому аббатству в присутствии Кентерберийского архиепископа Ансельма Бекского: «граф Гуго и мои бароны подтвердили все эти вещи печатью Всемогущего Бога, то есть знаком святого креста, так, что каждый из нас совершил крестное знамение своей собственной рукой как свидетельство для последующих поколений». Подобные формулы используются в: *Brunel C. Op. cit.* P. 27. Грамота № 14 (1053). P. 661–662. Грамота № 22bis (1119–1129). P. 36. Грамота № 21 (1103–1129).

и его объекта к действующим лицам. Этот сдвиг произошёл в сочетании с ростом заботы о спасении, типичным для аристократической духовности после 1000 г.⁶¹ Нарождающаяся герменевтика личной идентичности имела тенденцию сливаться с теологией души, но этот сплав длился недолго. При всем своем потенциально мощном символизме, крест, функционируя в грамоте как знак-подпись, отмечал идентичность в самых широких пределах – как члена христианского сообщества. Хотя крест мог происходить непосредственно от автора грамоты, от «Я» дискурса дипломатики, фактически чаще это выполнялось писцом. В любом случае, крест помечал, что основанием для придания силы грамоте, ее конечным гарантом был Бог; действительно, крест одновременно обозначил и означал Бога.

Когда в течение XI в. печати начали прикрепляться к документам, рукописный крест в тексте все еще был стандартной принадлежностью грамот. Грамота, по которой Роберт, сын графа Фландрии, совершил в 1093 г. дарение аббатству Уитен для спасения своей души, гласила: «С тем, чтобы эти положения могли остаться крепкими и неприкосновенными вечно, я подтверждаю эту грамоту и подписываю победоносным символом святого креста, и знаком моей власти и печатью моего высочества»⁶². В то время как крест и печать означали сакральное действие, и оба риторически присутствовали в грамоте, было два главных различия между ними как документарными знаками. Во-первых, крест остается письменным знаком, и в этом случае не автографичен, тогда как печать одновременно материальный предмет и образное присутствие, исходящее непосредственно от автора грамоты. Во-вторых, как ясно дает понять до-

⁶¹ О сосредоточении французской аристократической духовности на спасении в XI и XII вв., засвидетельствованном в грамотах, см. труды: *Bouchard C.B.* *Sword, Miter, and Cloister: Nobility and the Church*, 980–1198. Ithaca, N.Y., 1987; *Rosenwein B.H.* *To Be the Neighbor of Saint-Peter: The Social Meaning of Cluny's Property*, 909–1049. Ithaca, 1989; *Seidel L.* *Songs of Glory: The Romanesque Façades of Aquitaine*. Chicago, 1981; *Tabuteau E.Z.* *Op. cit.*; *White S.D.* *Custom, Kinship, and Gifts to Saints: The "Laudatio Parentum" in Western France, 1050–1150*. Chapel Hill, N.C., 1988.

⁶² *Actes des comtes de Flandres...* P. 40–41.

вольно стандартная клаузула грамоты, крест символизирует победоносного Христа, в то время как печать обозначает власть настолько, насколько она является образом ее владельца. Крест показывал христианское происхождение и взывал к Божественной власти; печать отмечала личную идентичность и власть и взывала к ним.

Печати имеют длинную историю⁶³. Возникая одновременно с изобретением письменности (или даже предшествуя ему), скрепление печатью оставалось в большинстве цивилизаций ценным способом для маркировки и защиты собственности, отмечающего обязательств, обозначения идентичности, репрезентации власти и подтверждения документов. Параллельно ролям в практической сфере, печати также служили средоточием метафоры. Месопотамские и библейские тексты, платоновские и аристотелевские трактаты, патристические и раннесредневековые комментарии, все включают образы печатей как понятийный инструмент⁶⁴. Такая историческая долговечность, однако, не обязательно подразумевает соответствие между культурным и модальным значением печатей. Большинство историков-сигиллографов просто приняли преемственность использования печати в весьма разных обществах в качестве категории, которую можно использовать в исторических исследованиях, интерпретируя печати как собственно «исторические» и, потому, внеисторичные объекты. Моя более ранняя работа, посвященная появлению печатей на грамотах, выпущенных от имени французских некорольских элит между 1000 и 1200 гг., обосновывает их распространение вширь в рамках самих условий их появления, вместо того, чтобы подходить к ним вертикально, как к результату, так или иначе утвержденному или обусловленному исторической преемственностью⁶⁵.

⁶³ Обстоятельная история печатей от их возникновения в Месопотамии (3 тыс. до н. э.) до современного периода дана в: *Kittel E. Siegel. Braunschweig, 1970.*

⁶⁴ Об античных и библейских метафорах печати см. ниже, сноска 87.

⁶⁵ *Bedos-Rezak B. Form and Order in Medieval France: Studies in Social and Quantitative Sigillography. London, 1993.*

Печати не были чем-то новым во Франции XI в.⁶⁶ Начиная с VII в. исключительно к королевским документам оттиски печати прикреплялись канцлером, хранившим королевскую печать и ответственным за изготовление и подтверждение королевских дипломов. В раннефранкские времена, при Меровингах (VI – сер. VIII вв.), прикрепленная к дипломам королевская печать не функционировала как средство подтверждения документа. Их использование подражало употреблению византийской императорской канцелярией; скрепить документ печатью для меровингских королей означало вести себя как правитель. Печать была признаком короля, единственного человека, который мог выпустить отмеченные таким образом документы. Эта связь между скреплением документов печатью и королевским статусом получила поддержку при восхождении Каролингов (751 г.); королевские печати стали действовать как должностная принадлежность королевской власти. Они распространялись параллельно умножению каролингских королевств. Каждый каролингский отпрыск, обретая королевскую власть, пользовался печатью, но как только король был функционально заменен должностным лицом некоролевских кровей, таким, как герцог, употребление печатей исчезло, хотя политический организм все еще можно было назвать королевством (лат. *regnum*), и общая административная структура в остальном осталась нетронутой. Использование печати, таким образом, соотносилось с властью короля, а не с территориальностью этой власти. Эта особенность дополнительно подчеркнута в легендах каролингских печатей,

⁶⁶ Основанные на фактах причины распространения печатей даны в: *Bautier R.-H.* Le cheminement de la bulle et du sceau et de la bulle des origines mésopotamiennes au XIIe siècle occidental // *Revue française d'héraldique et de sigillographie.* Т. 54–59. 1984–1989. P. 41–84, репринт; *Bautier R.-H.* Chartes, sceaux et chancelleries... V. 1. P. 123–166; *Idem.* Apparition, diffusion et évolution typologique du sceau épiscopal au Moyen Age // *Die Diplomatik der Bischofsurkunde vor 1250...* S. 225–241; *Chassel J.-L.* L'essor du sceau au XIe siècle // *Pratiques de l'écrit documentaire au XIe siècle...* P. 221–234, рассматриваются несколько печатей из Бургундии; *Idem.* L'usage du sceau au XIIe siècle // *Le XIIe siècle...* P. 61–102. Я рассмотрела социальный подтекст распространения печати и практик ее использования: *Bedos-Rezak B.* Form and Order...; *Idem.* Diplomatic Sources... P. 327–332.

т. е. окружающих изображения надписях, которые включали только имя и титул правителя, а территориальное обозначение отсутствовало. Та же самая печать могла прикрепляться, и прикреплялась, когда правитель подвергал королевство изменениям, как случилось после полного смут раздела империи Карла Великого в середине IX в. Отдельная печать могла и действительно часто служила разным правителям до тех пор, пока их имена и титулы совпадали. Акцент делался на функции, природе и уровне градации господствующей власти (король, император), определявшихся титулом. Именно из-за перемен титула в легенде матрицы печати систематически гравировались заново, например, когда король становился императором. Более официальные, нежели личные, королевские печати Каролингов отражали миропорядок, основанный на постоянстве, заслоняя случайное, присущее любому отдельному правителю, постоянной продолжающейся символической активностью государства. Ко времени же ранних Капетингов (начало XI в.) королевская печать использовалась лишь спорадически и утратила часть своего значения как выражения и прерогативы королевской власти⁶⁷. В течение второй половины XI в. королевская канцелярия возобновила систематическое скрепление дипломов печатями; в это же время некорольские элиты Франции впервые на средневековом Западе начали скреплять печатями грамоты, выпущенные от их собственного имени. Некорольское скрепление печатями продемонстрировало и четко отразило потерю королевской прерогативы. Это может свидетельствовать об установлении конкуренции графских, епископальных властных притязаний, желании разделять ауру королевского статуса подражанием практикам королевской канцелярии, или же о том и этом одновременно. Однако, поскольку появление некорольского употребления печатей и возрождение королевского было одновременным, стоит учитывать возможность того, что

⁶⁷ *Bedos-Rezak B. Ritual in the Royal Chancery: Text, Image, and the Representation of Kingship in Medieval French Diplomas (700–1200) // European Monarchy: Its Evolution and Practice from Roman Antiquity to Modern Times / Ed. H. Duchhardt, R.A. Jackson, D. Sturdy. Stuttgart, 1992. P. 27–40.*

использование королевских печатей в XI в. было частью, а не моделью для нового распространения печатей неко-ролевских элит.

При анализе распространения печатей по регио-нальному, политическому и гендерному критериям, я пришла к переосмыслению четырех устоявшихся пред-положений, которые долго, почти аксиоматически, до-минировали в области средневековой сигиллографии, или сфрагистики, т. е. исследования печатей⁶⁸, и, на мой взгляд, затемнили действительное историческое значе-ние средневековых печатей, низведя их к миру антиквар-ров и эрудитов.

Первое предположение – то, что функция печати в XI–XV вв. заключалась в аутентификации документов. Это представление, впервые ясно выраженное в конце XII в. и получившее свою нормативную формулировку в XIII, не может объяснить ранний пример некоролевского использования печати. В действительности, когда в кон-це XII в. знатоки канонического права начали задумы-ваться о придании документам правовой силы, они опре-делили возможность аутентификации лишь для *sigillum authenticum*, достоверной печати. Значение аутентично-сти в то время исходило не из опасения подделок, но желания доказать правоспособность достоверных печа-тей присваивать полноту законности лишенным свиде-телей документам. Однако, если изначально идея досто-верной печати включала чёткое понимание ее действи-тельности, то эта действительность определенно истолковывал-ся как проистекающая из публичной власти пап и прави-телей. Таким образом, аутентификационная сила печатей

⁶⁸ Лучшие научные труды о средневековых печатях общего характера: *Ewald W. Siegelkunde*. München, 1914, репринтное издание: München, 1969; *Pastoureau M. Les sceaux*. Turnhout, 1981; *Harvey P.D.A., McGuinness A. A Guide to British Medieval Seals*. London, 1996. Метод этих отличных книг заключается в представлении печатей через описание их особенностей, их владельцев, и их ценности как источ-ников для современных медиевистов. Во всех трех трудах, однако, функция печати аксиоматическая, предполагающая подтверждение документа. О ряде статей, очерчивающих природу посредничества печати в реальных социальных процессах, где печати раскрываются как медиумы дискурсов господства, авторства, подлинности, сход-ства и гендера, см.: *Bedos-Rezak B. Form and Order in Medieval France...*

тей зависела от статуса их владельцев, воспринимаемого как публичный. К концу XIII в., когда юристы попытались снабдить аутентичную печать более широкой социально-политической концепцией, они настойчиво утверждали, что для того, чтобы печать функционировала в качестве средства аутентификации, она должна быть хорошо известна. Даже создавая такие, в конечном счете, неопределенные и относительные определения, юристы не скрывали того, что точки зрения по вопросу наделения печатей правовой силой широко отличались; они признавали, что значение и действие печатей зависели от местных обычаев⁶⁹. Вкратце, дискуссии средневековых юристов о печатях, не говоря уже о реальных практиках их использования, далекие от демонстрации единодушия в отношении печати как средства подтверждения, свидетельствовали о затруднении, имевшемся у ученых юристов в формулировании ценностей и мнений, связанных с процессами аутентификации и скрепления печатями. Проблема для этих ученых заключалась в самой природе власти, лежащей в основе действительности печати, поскольку некоролевские печати не основывали власть своих владельцев на королевском пожаловании или близости к короне, и не взывали к политической иерархии как стороне в деле, которое они засвидетельствовали.

Вторая гипотеза утверждает, что печати распространялись вследствие проходящего в XII в. параллельно процессов: оживления торговли, урбанизации, роста бюрократии, рецепции римского права и распространения грамотности. Представленные возможные условия не следует принимать за объяснения; обстоятельства

⁶⁹ Лучшие обсуждения средневекового понятия аутентичной печати и утверждения документов содержатся в: *Dumas A. Etude sur le classement des formes des actes // Le moyen âge. Vol. 43. 1934. P. 146–166; Welber M. Sigillografia: Il sigillo nella diplomatica, nel diritto, nella storia, nell'arte. Vol. 3: I sigilli nella storia del diritto medievale italiano. Milan, 1934. P. 181–228*; также см. вышеуказанные исследования, сноски 11, 49. «Полная достоверность грамоты зависит от признанной печати, т. е. печати, хорошо известной и знаменитой» (*Conrad von Mure Summa de arte prosandi*), цит. по статье А. Дюма, который приводит дополнительные цитаты и ссылки на соответствующие тексты (*Dumas A. Etude sur le classement des formes des actes... P. 155–156*).

также едва соответствуют хронологии, показывающей преобладание одного явления над другими. Существовала некоторая преемственность с грамотами без печатей, выпущенных от имени мирян со времен раннего Средневековья, но лишь когда эти тексты стали скреплять печатями, они привели к общей и непреложной социальной зависимости от письменного слова, которая сохранилась до настоящего времени. Таким образом, представляется, что печати скорее содействовали формам грамотности, чем проистекали из них. Это наводит на мысль, что печати сыграли уникальную роль в создании, по выражению М.Т. Кланчи, доверия к письменному слову в средние века. Основывая свою аргументацию на официальных английских документах (1066–1307), Кланчи весьма убедительным образом датирует появление способности печати воспринимать и передавать значения символических объектов и жестов, которыми ранее легализовались письменные акты, или в действительности полностью заменять их⁷⁰. Этот сценарий изящно помещает печать в качестве моста между грамотностью и неграмотностью, искусно обходя поляризованную историографию, либо связывающую печати с ростом грамотности, либо относящую их к методу неграмотных. Однако эти теории не опровергали того факта, что не было никаких систематических или даже необходимых связей между печатями и ростом грамотности. Например, Карл Великий (ум. 814 г.) укрепил зависимость своей системы управления от письменного слова, обратившись к нотариату для придания веса некооролевским документам, несмотря на то, что королевские дипломы его собственной канцелярия скрепляла печатями⁷¹. Кроме того, области южной Европы, сохранившие более высокую степень практики документирования на всем протяжении раннего Средневековья, также исполь-

⁷⁰ *Clanchy M.T.* Op. cit. P. 308–317.

⁷¹ Дискуссию о каролингской практике письма см. выше, сноска 54. Обсуждение каролингского нотариата: *Bautier R.-H.* L'authentification des actes privés dans la France médiévale: Notariat public et juridiction gracieuse // *Notariado público y documento privado, de los orígenes al siglo XIV: Actas del VII Congreso internacional de diplomática, Valencia, 1986. Vol.1–2. Valencia, 1989. Vol. 2. P. 707–709*, репринт в: *Bautier R.-H.* Chartes, sceaux et chancelleries... Vol. 1. P. 275–277.

зовали нотариат, сравнительно поздно восприняв грамоты с печатями⁷². Ясно, что существовали успешные практики письма в Средние века, которые не зависели от использования печатей.

Третье предположение настаивает на том, что печати были образами власти. Интерпретации печатей как свидетельств социальных и политических процессов допускают причинную связь между функцией и значением печатей и статусом и властью их владельцев. Я пересмотрела эти предполагаемые причинные отношения в свете обсужденных выше практик документирования. Повторю: нет никаких сохранившихся свидетельств письменных связей между мирянами с целью заключения земельных сделок во Франции XI–XII вв. Такие операции светское общество, как кажется, совершало в первую очередь посредством устных и жестовых способов, без привлечения клириков. В этот период, как и прежде, церковь удерживала монополию на письмо и была ответственна за изготовление и хранение грамот. Таким образом грамота, написанная церковью, но скрепленная печатью мирянином, демонстрирует светскую сопричастность и усвоение способов документирования, взращенных как предшествующей церковной культурой письма, так и практикой использования печатей. Поэтому новая категория скрепленных печатями грамот должна быть проанализирована в контекстуальных рамках скрипториев, где они рождались. Грамота с печатью, ранее интерпретировавшаяся исключительно как акт индивидуальной или семейной воли, теперь должна быть пересмотрена как текст и артефакт, выражающий культурные и идеологические модели, связанные с определенными скрипториями.

Четвёртое, действительно первостепенное предубеждение, сосредоточившее изучение печатей на художественном рассмотрении и правовой функциональности, сформировавшее традиционную сигиллографию в целом как антикварную дисциплину – это ее эвристика, основанная на слепках с печатей. Архивные коллекции обычно состоят из слепков, сделанных непо-

⁷² *Bautier R.-H.* L'authentification des actes privés... P. 713–736; *Idem.* Chartes, sceaux et chancelleries... P. 281–304.

средственно с единичных оригиналов матриц, в качестве лучших оттисков печати данного типа. Такие оттиски обычно и описывают каталоги печатей, обесценивая, таким образом, присущую оригинальным оттискам печати информацию и сводя варианты к единственному прототипу. Использование слепков как стандартных объектов исследования имеет тенденцию превращать печать в фиксированный тип, подрывая ее наиболее существенное значение и принцип действия – повторяемость – посредством которой средневековые печати создавали идентичность через идентичность средств. Создание слепка изменяет присущие печатям свойства, изменяя как их место (при документе) так и статус (как знаков), абстрактно перестраивая их в качестве отдельных объектов познания, далёких от исходной культурной сферы дискурса и практики.

Восстановление историчности печатей как посредников в культуре, которая их создала и использовала, значительно расширяет наше понимание действия печатей вне их давно известной документальной функции. Семиотический подход к печатям позволяет рассматривать их как знаки и символы, и обращает анализ к способам и областям обозначения (риторика, теория знака, власть, персонификация, идентичность), к закодированным печатями данным о характере их действия, к взаимодействию печатей и использовавшего их общества.

Примечательно, что сами средневековые авторы ясно определяли печати как знаки. Этим как бы подразумевалась семиотическая наполненность исследований историков-сигиллографов. Однако впервые семиотический анализ печатей был предложен не в сигиллографической литературе⁷³. Мое внимание равно как к природе и значениям печатей как семиотических агентов и процессов, так и к чрезвычайной восприимчивости к знаковости в течение периода, когда использование печати было распространено, скорее привлекли более общие

⁷³ Традиционный предмет дипломатики, посвященной изучению формы и речи документов, начинает включать, согласно Петеру Рюку, семиотические теории и анализ: *Rück P. Beiträge zur diplomatischen Semiotik // Graphische Symbole in mittelalterlichen Urkunden... S. 13–47; Jung H. Zeichen und Symbol: Bestandsaufnahme und interdisziplinäre Perspektiven // Ibid. S 9–66.*

работы о современной семиотике и антропологии. Особо уместна для осмысления такого подхода семиотическая антропология, и с этой точки зрения полезно пересмотреть область и пределы этой дисциплины, возникшей в Чикагском университете в середине 1970-х⁷⁴. Основанная на взглядах Фердинанда де Соссюра (1857–1913) и Чарльза Сандерса Пирса (1839–1914), семиотическая антропология обращает значительное внимание на язык, не сводя культуру лишь к редукционистской модели лингвистического кода. Этот подход придерживается того, что культуры конкретизированы характерными для них семиотическими процессами и системами. Семиотические процессы включают опосредование, материализацию, ассимиляцию, метафоризацию и эмблематизацию. Это средства, с помощью которых материальные признаки видимого мира (цвет, камень, кость, кровь, плоть) становятся проводниками значения. Семиотические процессы включают различные идеологии, которые организуют эти процессы и наделяют их смыслом, предоставляя объяснительные коды и правила (интерпретанты). Заключение в социальной деятельности и теоретическом дискурсе, идеологии семиозиса сами являются культурными феноменами, подчиненными текстовым формам, прагматическим правилам и семиотическим процессам. Обуславливая способы интерпретации, эти идеологии также подсказывают, как сами знаки сигнализируют о способе, которым они должны интерпретироваться. Таким образом, значение всегда является диалогическим, одновременно представляющим и интерпретирующим практики и конвенции культуры. Семиотическая антропология утверждает, что знаки являются историчными, поскольку их актуализация и функционирование – вопросы, соответствующие контексту⁷⁵.

⁷⁴ Термин «семиотическая антропология» был введен Милтоном Сингером в сер. 1970-х в Чикагском университете и стал методологической программой, активно преподававшейся и продолженной Майклом Силверстейном.

⁷⁵ Семиотическая антропология в понимании Милтона Сингера, Майкла Силверстейна и, позже, Ричарда Пармантье, представляет, по словам Сингера, «теорию того, как знаковые системы связаны со своими значениями, равно как с обозначаемыми объектами, опытом и поведением использующих знаки», цит. по: *Parmentier R. The Prag-*

Современными тенденциями семиотическая антропология более обязана Пирсу, чем Соссюру. Структуралистская теория языка Соссюра предполагала фиксированные абстрактные коды, лежащие в основе речевого акта. Такие коды, разделяемые членами данной культуры, зависят от соответствия слова (означающего) не столько существующему в реальном мире объекту, сколько его построенному культурному эквиваленту (означаемому). Значение рассматривается как интенциональное и определенное, независимое от присутствия «реального объекта» и любого частного интерпретирующего человеческого субъекта. Соссюр постулировал равный обмен между созвучными означающим и означаемым, который группировал и внешний мир, и интерпретирующее «я». Его подход малоинтересен для понимания исторических причин, лежащих за пределами значения⁷⁶.

Пирс, с другой стороны, предложил необходимость эквивалентности между представлением и действительностью, которая была внушена ему практиками научной рациональности. Далекий от допущения превосходства, абстракции, произвольности, и неизменности языкового кода в любой данный момент, Пирс утверждал, что значение приходит через действитель-

matic Semiotics of Culture // *Semiotica*. V. 116. 1997. P. 14. Пармантье, учившийся в Чикаго у Силверстейна и сам являющийся ведущим практиком и красноречивым теоретиком семиотической антропологии, недавно представил необыкновенно полный и всесторонний анализ этой дисциплины: *Parmentier R. The Pragmatic Semiotics of Culture*. Это исследование с его историографической и теоретической выкладками, характерными примерами, иллюстрирующими применимость семиотики как методологического инструмента для социокультурного исследования, представляет особый интерес для историков вообще. Оно имеет отдельную ценность для медиевистов, поскольку Пармантье критически оценивает попытки семиотической типологии культур, рассматривая труд трех выдающихся типологов-семиотиков (Эрнст Кассирер, Юрий Лотман и Жан Бодрийяр) и проверяя эту типологию на материале европейского Средневековья.

⁷⁶ См. тщательно разработанное осуждение лингвистики Соссюра как «семиотики отождествления или равного обмена»: *Ponzio A. Signs, Dialogues, and Ideology / Ed., trans. S. Petrilli. Amsterdam, 1993. P. XII–XIII, 11–18*. Ясное изложение и краткая критика лингвистики Соссюра с дополнительной библиографией приведены в: *Parmentier R.J. Signs in Society: Studies in Semiotic Anthropology. Bloomington, Ind., 1994. P. XIII–XV; Idem. Pragmatic Semiotics of Culture... P. 14*.

ную связь знака с его объектом. Знак существует как проводник (или репрезентант) относительно другого знака, который действует как значение (или интерпретант), так, что оба знака представляют один и тот же объект (или референт). Пирс, таким образом, устанавливал тройственные отношения между знаком, объектом и значением. Эти три элемента могут в равной мере принадлежать таким разным классам явлений, как единичные объекты, человеческие поступки, или законы природы. Знаковая зависимость, т. е. уникальная семиотическая связь, соединяющая специфическую триаду водино, создана двумя взаимными векторами: определением, направленным от объекта на знак и интерпретант, и репрезентацией, которая направлена от знака и интерпретанта к объекту. Динамика между определением и репрезентацией подразумевает, что каждый элемент относительно знака изменяет свои роли, когда достигнуты дальнейшие определения и репрезентации. В то время как семиозис – безграничный процесс интерпретации, репрезентация остается управляемой с помощью определения, поскольку «объект знака должен в какой-то мере противостоять любой тенденции, которая, возможно, должна быть, когда думающий мыслит ее существующей»⁷⁷. Эта реальная связь между знаком, объектом и значением сама основана на метафизической идее Пирса, что знаки, используемые для репрезентации ментальной и внешней реальностей, пользуются общей с ними субстанциальной идентичностью, а также и на его онтологическом представлении, что все знание на данный исторический момент должно до некоторой степени относиться к чему-то, с чем уже познакомился познающий. Пирс, таким образом, представил отношения диалогической адекватности между знаками и объектами,

⁷⁷ Рукопись Пирса в собрании Гарвардского университета, р. 499, цит. по: *Parmentier R.J. Signs in Society...* P. 26. Среди обилия исследований, посвященных семиотике Пирса, особенно поучительны две главы из Пармантье, краткий синтез которых я представляю здесь: *Parmentier R. Signs in Society...* : "Peirce Divested for Non Intimates" (P. 3–22) и "Peirce's Concept of Semiotic Mediation" (P. 23–44).

между значением и опытом, между мышлением и действительностью⁷⁸.

Этот взгляд не популярен у социологов, большинство которых отклоняет его как рудимент западного приложения к ренессансной теории подписи⁷⁹, но это именно то, что семиотика Пирса предлагала семиотическим антропологам, и что должно было сделать такую семиотику ценной для историков, поскольку она локализует значение в истории, предполагая, что знак используется, а его смысл определяется только в социальной практике: т. е. семиозис как осуществленная социальная практика. Поэтому значение не бесплотно, но действует и осуществляется в рамках знаковых систем (как в лингвистических, так и неязыковых), которые, будучи включены в специфический контекст целенаправленного поведения, одновременно социально обусловлены и креативны. Параметры контекста – это конкретные реалии: время, пространство, материя и знаковые операции, и все требуют физически проявленных проводников знака, опытнопостижимых во времени. Дополнением к этой конкретной контекстуализации является прослеживание метасемиотического понимания данной культуры посредством теоретических дискурсов, идеологических предположений и социальных действий. Материальный аспект семиозиса не лишает знаки, обоснованные контекстом, метауровневых коррелятов, регулирующих

⁷⁸ Рассмотрение отношений между знаком, объектом и мыслящим субъектом: *Eco U.* Op. cit. P. 45; *Ponzio A.* Op. cit. P. 3, 12, 39, 42–44; *Hoopes J.* Objectivity and Relativism Affirmed: Historical Knowledge and the Philosophy of Charles S. Peirce // *American Historical Review.* Bd. 98. 1993. P. 1548.

⁷⁹ В Ренессансной герменевтике искать значение – это устанавливать сходство. При таком подходе мир являет себя человеческому познанию через знаки (подписи), указывающие невидимые аналогии, которые должны быть расшифрованы. О ренессансной теории знаков см.: *Foucault M.* The Order of Things: An Archeology of the Human Sciences. New York, 1973. P. 17–45; *Reiss T.J.* Op. cit. P. 32. Пармантье пишет, что современные семиотические подходы к культурному анализу подвергаются нападкам как «западный пережиток ренессансной веры в соответствие или подпись», и отклоняет такую критику как редукционистскую логику, что стремится уложить «механизмы семиозиса в хитросплетения ума или в универсальные ограничения коммуникативной способности»: *Parmentier R.* Pragmatic Semiotics of Cultures... P. 31–32.

дальнейший диапазон допустимых значений. Таким образом, семиозис, как многомерный процесс, одинаково восприимчивый к формальным свойствам знаков, материальным условиям контекста и влиянию метасемиотических якорей, открывает пути изучения социальных действий, как протекающих в настоящем времени, так и проектируемых метасемиотической репрезентацией⁸⁰.

Европейское Средневековье, в частности, XII век, было недавно исследовано сквозь призму семиотической антропологии Ричардом Пармантье, известным практиком этой методологии. Пармантье полагает, что XII век определялся, прежде всего, платоновским реализмом, который утверждал реальность и трансцендентную референциальность абстрактных идей, или универсалий⁸¹. Однако, он также отмечает многообразие символических дискурсов XII в., хотя и без конкретного определения таких дискурсов, как я говорила выше, когда анализировала вспыхнувшие споры о реальности универсалий, о Христовом присутствии в евхаристии, о природе ипостасей триединого Бога и о выражении присутствия автора в тексте. Основываясь на мысли, что семиозис XII в. имел многообразные, часто разнонаправленно действующие механизмы, Пармантье делает общий вывод, что определенные семиотические структурные элементы, такие, как реализм, не обязательно соответствуют обществам особых типов, но являются широко распространенными явлениями, действующими на пересечении культур. И, поскольку универсалии понимаются как образцы пространственно-временной сферы, постольку социальная регламентация и политическая стабильность могут быть приписаны любому

⁸⁰ Хорошее обсуждение предоставленной семиотикой Пирса методологической ориентации, вместе с аналитическим обзором ее применимости для гуманитарных и социальных наук, представлено в: *Parmentier R. Signs in Society...*, особ. P. XIII–XVII и 125–28; *Idem. Pragmatic Semiotics of Culture...* P. 7–8, 15–17.

⁸¹ *Parmentier R. Pragmatic Semiotics of Culture...* P. 78–89. Рассмотрение Пармантье Средневековья отчасти стремится к апробированию нового ответвления семиотической антропологии – построению эволюционной и сравнительной типологии культур, диахронически основанных на фундаментальных семиотических процессах. См.: *Ibid.* P. 63–65, 78–79. См. также дальнейшее обсуждение термина «реализм» в средневековой философии выше, сноска 33.

обществу, провозглашающему трансцендентную неизменность универсалий⁸². Реализм, согласно этому умозаключению, был эссенциализирован, т.е. допускал наличие независимых от контекста систематических результатов.

Вывод Пармантье влечет за собой радикальный эпистемологический сдвиг, поскольку несколько аспектов семиозиса лишаются контекста и унифицируются, в то время как объяснительный потенциал семиотической антропологии направлен от категорий культурного предписания к типам межкультурного опыта. Такой подход ставит несколько проблем. Во-первых, он отвергает любую семиотическую теорию, в данном случае реализм, ее возможности как знака и инструмента, а не простого детерминанта семиозиса. Во-вторых, признаются пусть и синхронные, но конфликтующие семиотические системы, а те средневековые знаковые операции, которые не объяснены современными им теоретическими дискурсами, упорядочиваются и идентифицируются через отсылку к анахроничным новейшим объяснительным нормам, или осознаются настолько общераспространенными и очевидными, что не нуждаются в том, чтобы быть выраженными в текстах. В-третьих, сами средневековые семиотические процессы перешли непосредственно в аналитические инструменты современного исследования, несмотря на то, что в действительности эти процессы были созданы культурой XII в. и работали в совершенно ином интерпретационном контексте, отличном от инструментария современных социальных наук. Вследствие этого реальные средневековые семиотические процессы, даже изначально контекстуально обоснованные и/или метасемиотически скоррелированные, как только были вписаны (или материализованы) в современную эпистемологию, оказались нефункциональны, поскольку методы, благодаря которым они первоначально сделали возможными характерные и новые формы выражения, новые значения, новые формы значения и новые цепочки интерпретаций остались не восстановленными. Когда семиотические практики рассматриваются просто как базовые привычки, объектив-

⁸² Ibid. P. 86.

ные дискурсы или аналитические инструменты, интерпретационный творческий потенциал знаков исторических обществ не может стать предметом исторического исследования. Обстоятельный обзор семиотически ориентированных исследований по XII в., сделанный Пармантье, говорит о взаимодействии различных носителей (изображений и текстов, геральдических эмблем и агнатических дискурсов), различных дискурсов (монашеского и предсхоластического) и различных эстетик (романской и готической). Однако все эти носители, дискурсы и эстетики проанализированы лишь с точки зрения их взаимодействия с *выраженными* средневековыми семиотическими системами. Такие исследования имеют склонность придавать метасемиотическое, надструктурное измерение этим средневековым системам, и тогда они мыслятся как внешние по отношению к той самой реальности, которую они составляют. Действительная семиотическая природа обеих новых форм XII в., геральдической эмблемы или готического собора, способы их выражения и местоположения в процессуальных цепочках интерпретации, их возможности в создании определенных когнитивных и объективных реальностей при таком подходе остаются незатронутыми. С точки зрения историка семиотика такого рода служит единственно для подкрепления общеизвестной летописи инноваций.

Таким образом, луч семиотической антропологии, направленный на оставшиеся в тени зоны, устремляется сквозь пространство средневековой истории и высвечивает парадокс в самом сердце семиотической антропологии. С одной стороны, Пирс настаивает на необходимости контекста, чтобы семиозис обрел форму и смысл, и антропологи-семиотики отстаивают тщательное изучение конкретного историко-социального окружения, в границах которого знаки действуют как контекстуально наполненные материальные примеры. С другой стороны, антропологи превратили теорию знака Пирса в аналитический инструмент, применимый, как они считали, к *любой* знаковой системе, явно предполагая, что его теория подобна исчислению, которое является «для современного научного исследования незаменимым мате-

матическим инструментом, который сам по себе не посягает на законы, управляющие физическим миром»⁸³. Для семиотической антропологии несколько непоследовательно требовать контекстуализации семиозиса, даже если эссенциализируется ее рабочее определение знака. В проецировании знаковой теории Пирса на все времена и культуры подразумевается строгая универсализация означивания. Обладают ли знаки значением независимо? Действительно ли семиотика – новая форма исторического детерминизма, наравне, скажем, с материализмом? Подобный теоретический эссенциализм особенно проблематичен для медиевистов, которые, по крайней мере, в некоторых случаях, побуждаемые собственным знанием Пирса и опираясь на средневековую теорию знака, заставляют средневековые системы «соответствовать» семиотической трихотомии Пирса⁸⁴. На мой взгляд, систематическое применение теории Пирса идет вразрез с его собственным представлением о случайности значения в контексте, и с его выводом, что все знание относительно; ибо, в то время как знание проверено объективной реальностью (и поэтому не просто субъективно), действительность сама остается зависимой от мышления (т. е. от знаков и репрезентации, иными словами, от культуры) для того, чтобы приобрести познаваемые значения и свойства. Семиотика Пирса должна создать у историков ощущение историчности теории и практики знака и их диалогической способности кодировать и четко формулировать определенные онтологические и метафизические представления.

Стремление семиотической антропологии универсализировать теорию знака Пирса лишь частично подрывает в глазах историков ее эвристическую полезность. В исследовании таких материальных объектов,

⁸³ *Parmentier R. Signs in Society...* P. XIV.

⁸⁴ См. проведенные между семиотикой Пирса и средневековой логикой параллели: *Boler J.F. Charles Peirce and Scholastic Realism. Seattle, 1963; Petrilli S., Ponzio A. Peirce and Medieval Semiotics // Peirce's Doctrine of Signs: Theory, Applications, and Connections / Ed. V. M. Colapietro, T.M. Olszewsky. Berlin, 1996. P. 351–364; Ponzio A. Op. cit. P. 70–82. Аргументация в пользу совпадения знаковых теорий Августина и Пирса: Markus R.A. St. Augustine on Signs... P. 60–83.*

как знаки семиотическая антропология особенно ценна, потому что избегает систематического применения логоцентристской модели значения и, таким образом, не сводит культуру к единственной модели лингвистического кода. Это призывает к изучению материальной культуры, избегая технического редукционизма или лингвистического символизма, к пониманию не только инструментальному или практическому её функций, а также создать, среди прочего, применимую исследовательскую программу для изучения сущности означаемого материала, агентов и целей его интерпретации, и статуса отношений между этим материалом и окружающими культурными традициями, социальными организациями и космологическими силами⁸⁵.

Поскольку я, чтобы объяснить распространение печатей и дать новую формулировку личной идентичности в XI–XII вв., основывалась на политике, законе, устной традиции, низкой грамотности как контекстах, вдохновленная семиотической антропологией и ее программными установками, я подошла к рассмотрению скрепленных печатью грамот с точки зрения центров письма, которые их создавали, связав концепцию и производство этих грамот с ученым миром, который, как было сказано в начале этой статьи, пребывал в муках семиотического кризиса⁸⁶. Скриптории и центры пись-

⁸⁵ *Parmentier R.* The Pragmatic Semiotics of Culture... P. 43–63; перечень вопросов изложен в сноске 51.

⁸⁶ Полное рассмотрение предсхоластических споров о теории знака относительно языка, евхаристии, Троицы и богословия таинств в общем см. выше. Обзор корпуса аристократических грамот XI–XII вв. допускает три поразительных вывода: эти созданные церковными бенефициариями грамоты исходили из множества канцелярий и скрипториев; скреплялись печатями они не систематически; разнообразие практики, по-видимому, соотносится с отличающимися культурами определенных выпускающих их центров письма. Так, например, 61 грамота, выпущенная от имени Иво де Несль, графа Суассона (ум. 1178 г.), все еще существуют и были изданы: *Newman W.M.* Les seigneurs de Nesles en Picardie... V. 2. P. 27–161. В ранний период изготовления этих документов граф Иво пользовался печатью спорадически (см. грамоты без печати: № 7, ок. 1141 г. P. 34; № 15, 1146 г. P. 44), но начал регулярно скреплять печатью грамоты, где затрагивается суассонский епископ Йосцелин (№ 12, 1145 г. P. 40; № 13, 1145 г. P. 42). До того, как стать епископом, Йосцелин (ум. 1152 г.) преподавал богословие в Париже: *Maitre L.* Les écoles

ма, которые положили начало непрерывному выпуску грамот с печатями, оказываются локализованными в монастырях или кафедральных соборах, каждый из которых одновременно был местом пребывания или обучения тех преподавателей, которые были активными участниками споров о знаке и значении в связи с тремя теологическими вопросами. Повторюсь, это были евхаристия и связанные с нею присутствие и репрезентация; Троица и связанные с нею проблемы личности, идентичности, образа и подобия; авторитет письменного текста и проблемы референциальности языка. Поскольку карты распространения печатей и предсхоластических теологических размышлений о теории знака в значительной степени совпадают, это может быть доказательством того, что свои новые средства означивания, особенно способность представлять и репрезентировать, печать получила от семиотического и богословского дискурсов. Я склонна интерпретировать расширение использования печати как проявление новой семиотики, в которой, как уже говорилось, скорее имманентность, нежели трансцендентность, управляла связью между означающим и означаемым, делая, таким образом, возможными новые формы для репрезентации действительности. Эта новая семиотика возникла в контексте все более нарастающего, хотя первоначально и оспаривавшегося, смещения акцента на Боговоплощение как острие герменевтической оси. Евхаристический мотив теперь стал основанием репрезентативной модели, ясно сформулированной вокруг темы «реального присутствия». Степень, до которой печати были эффективными в представлении их владельцев, была во многом обязана этим евхаристическим спорам. Также и принципы, и способы действия печати как знака идентичности могут содержаться в предсхоластических идеях о природе личности, поскольку это была часть новой семиотической концепции, что знак репрезентативен через его способность воплотить онтологические особенности его референта.

Среди понятийных средств ученых канцеляристов, используемых при обращении к проблеме лично-

épiscopales et monastiques de l'occident depuis Charlemagne jusqu'à Philippe Auguste, 768–1180. Paris, 1866. P. 153.

сти, была печать как метафора. Я нахожу наводящим на размышления то, что та же самая предсхоластическая среда, которая активизировала изменения в семиотическом мышлении, учитывала проблемы репрезентации, власти, и личной идентичности, создала и новейшее средство – скрепленную печатью грамоту, как решение этих проблем; и эта же среда сопротивлялась применению метафоры печати для прояснения этих вопросов. Очевидно, что не было никакого превосходства печати как метафоры над печатью при документе, и может быть, мало пользы в попытке объяснить одну, ссылаясь на другую, но, бесспорно, что обе охватывают некоторую семантическую область, упорядочивая, и, таким образом, объясняя современные им представления об идентичности. И в сфере дискурса, и в сфере практики, печать, связывая божественное и человеческое, была сосредоточена именно на личностях, их деятельности и репрезентации, и их личных взаимоотношениях с другими людьми, с Богом, и с письменным документом.

Метафора печати не была нова для христианского дискурса и богослужения XI–XII вв.⁸⁷, но ее семантиче-

⁸⁷ Метафора печати предшествует христианскому дискурсу. О ее распространении в позднеантичной философии см: *Gersh S. From Iamblichus to Eriugena: An Investigation of the Prehistory and Evolution of the Pseudo-Dionysian Tradition.* Leiden, 1978. P. 236; *Manetti G.* Op. cit. P. 6, приводит пример печати как месопотамского гадательного знака: «Если человеку снится, что кто-то дает ему печать, у него будет сын». Метафора печати встречается также у Платона, Аристотеля и Цицерона, служа моделью для процесса создания и сохранения фантазма памяти; см.: *Carruthers M. The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture.* Cambridge, 1990, особ. P. 16–32, 33, 49, 62, 72, и 291, сноска 5; *Manetti G.* Op. cit. P. 54. Иное древнее использование метафоры скрепления печатью находится в области анатомии, для объяснения физиологического механизма зачатия; это четко сформулировано аристотелевским противопоставлением формы и материи, см.: *Jacquart D., Thomasset C. Sexuality and Medicine in the Middle Ages.* Princeton, N.J., 1988. P. 37. Метафора печати предстает в Ветхом и Новом Заветах (на ум приходит, преимущественно, Апокалипсис), в текстах отцов Церкви, где касается, главным образом, обряда крещения: *Daniélou J. The Bible and the Liturgy.* Notre Dame, 1956. Гл. 3 посвящена sphragis (греч. «печать») целиком; *Lampe G.W.H. The Seal of the Spirit: A Study in the Doctrine of Baptism and Confirmation in the New Testament and the Fathers.* 2 ed. London, 1967. Метафора печати употреблялась также в византийском богословии, Феодором Студитом (IX в.), например, для объяснения, что икона

ский диапазон был теперь расширен. Метафоры печати способствовали дискуссиям относительного присутствия божественных лиц – Отца, Сына, Святого Духа – в Троице, Сына в Человеке, и Сына в Боге Отце. Такие метафоры использовались преимущественно при обсуждении образа и подобия, во-первых, между Создателем и его Сыном, который был рожден и не создан, и, во-вторых, между Создателем и его творением – человеком. Поскольку совокупность метафор печати обширна, я представлю и буду обсуждать здесь только несколько характерных примеров⁸⁸.

обретает силу от репрезентативной тождественности своему прототипу, но иначе является бестелесным изображением, «существующим между, и независимо от оттискиваемой матрицы и податливой среды, в которой матрица отпечатана»: *Vikan G. Ruminations on Edible Icons: Originals and Copies in the Art of Byzantium // Retaining the Original: Multiple Originals, Copies, and Reproductions.* Washington, 1989. P. 50–52. Хочу поблагодарить д-ра Джеймса Триллинга за привлечение моего внимания к статье Викена. Рассмотрение связей между метафорами печати и монеты см. ниже, сноска 92.

⁸⁸ Для создания типологии метафоры печати в предхолостических текстах я начала с многочисленных примеров, собранных и проанализированных Р. Жавеле в его монументальном труде: *Javelet R.* Op. cit. Также я исследовала CD-ROM Библиотеки христианских латиноязычных текстов CETEDOC (CLCLT-2, ред. Поль Томбёр, Католический университет Лувен-ля-Нев) и *Patrologia Latina Database (PLD, Chadwick-Nealy)*, CD-ROM, содержащий электронную версию полного собрания из 221 тома *Patrologia Latina* Ж.-П. Минья. Несколько статей «Bulletin de philosophie médiévale» (Vol. 34. 1992. P. 39–53; Vol. 35. 1993. P. 220–228; Vol. 36. 1994. P. 206–214) обращаются к достоинствам и недостаткам «PLD». Общего исследования средневекового использования метафоры печати пока еще нет, хотя это употребление отмечалось несколькими учеными: *Bynum C.W.* *Jesus as Mother...* P. 16, 17, 97–98, 194, 210; *Carruthers M.* Op. cit. P. 55–57, 71, 180, 304 n. 49, 307 n. 119; *Constable G.* *Renewal and Reform in Religious Life // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century...* P. 46; *Idem.* *Three Studies...* P. 189, 192, 214–215, 217; *Goodich M.* *From Birth to Old Age: The Human Life Cycle in Medieval Thought.* Lanham, Md., 1989. P. 93–94; *Jolivet J.* *Sur quelques critiques de la théologie d'Abélard // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du moyen âge.* Vol. 38. Paris, 1963. P. 29–31; *Marenbon J.* Op. cit. P. 152, 178–179. Образность печатей была впервые распространена на обязанность сохранения в тайне того, что открыто в священной исповеди, Николаем Клервосским, учеником и современником Св. Бернара, в: *Sermo II de Beato Andrea // PL.* Vol. 144. Col. 833, *signaculum confessionis*. Петр Кантор ввел выражение *sigillum: munitissimum est sigillum confessionis: De sacramentis.* Fol. 200r. BNF. Ms. Lat. 14,445). См.: *Honoré L.* *Le secret de la confession: Etude historico-canonique.* Bruges, 1924.

Когда Абельяр пожелал продемонстрировать, что о Троице можно рассуждать логических терминах, он установил в качестве главной проблемы вопрос о единстве (Божество) в различии (три лица – Отец, Сын и Святой Дух), и в процессе обращения к этому вопросу ясно сформулировал основную идею своего теологического аргумента посредством метафоры печати:

Тожество и различие могут быть описаны по меньшей мере пятью способами. Если вещь существует неразрывно с другой вещью, то это тождество по сущности и числу. Во-вторых, есть тождество по свойству; в-третьих, по определению; в-четвертых, по сходству; и в-пятых, в несообщаемости, когда вещь никогда не изменяется во что-то еще. Мы можем сказать, что вещи тождественны этими пятью способами, и, напротив, можем сказать, что они и различаются этими пятью способами; то есть, если условия тождества не выполнены, тогда вещи различны... Вещи могут быть тождественны по сущности и числу, но не тождественны по свойству или своему характеру. Это может иметь место, даже когда их субстанция та же самая, одни только их собственные функции создают фундаментальные различия между ними. Восковое изображение, например, может быть тождественным по сущности и числу с воском, из которого сделано. Но нет никакой взаимосвязи между характером воска, который является одной вещью, и характером изображения, которое является другой вещью⁸⁹.

Основываясь на своем рассуждении, что воск и восковое изображение – то же самое по существу, но не одно и то же по свойствам и определению, и повторно используя ту же самую метафору, Абельяр демонстрирует одновременно тождество триединого Бога и различие между ипостасями Отца и Его едиnorodного Сына.

Р. 45–47; *Kurtscheid B. A History of the Seal of Confession. St. Louis, Mo., 1927. P. 111.*

⁸⁹ Перевод на английский: *McCallum J.R. Op. cit. P. 75.* Латинский текст: PL. Vol. 178. Col. 1247 D–1248 B. Сохраняя авторскую версию статьи в этом и последующих случаях мы не приводим текст источника на латыни. – *Прим. ред.*

Посмотрите на восковое изображение. Представьте, что в нем есть восковая смесь: то есть воск непосредственно как субстанция. Изображение из этого воска становится, на философском языке, материализованным из материи. Одна и та же сущность – и воск сам по себе, и восковое изображение. Мы можем утверждать о воске, что это – изображение, и об изображении, что это – воск. Тем не менее, также верно сказать, что восковое изображение – из воска. Но воск не происходит из воскового изображения. Однако сам воск – материал изображения. Восковое изображение не материал для воска или для самого себя. Далее, мы можем утверждать, что изображение было выполнено из воска, из которого оно сделано. Все же ни воск непосредственно, ни само изображение не были сделаны просто из изображения. Теперь, если мы возьмем эти наименования воска и воскового изображения независимо, безотносительно друг друга, мы сможем утверждать о них нечто, что будет правильно для обоих, потому что субстанция тождественна. Например, я полагаю, что если воск является желтым и изображение вертикально расположено, то и вещь является желтой и вертикальной во всех отношениях. Однако, если мы берем наименования относительно, то есть, учитывая род или состав воскового изображения, думая о них как о материи и о вещи, созданной из этой материи, как о причине и следствии, или породившем и порожденном, то мы не сможем связать их относительно их индивидуальных функций через утверждающее прилагательное. Мы не можем сказать, что материал – то же самое, что и вещь, произведенная из него. Примените это сравнение к божественному роду, и моя позиция прояснится. Бог-Отец есть божественная Сила; Бог-Сын есть божественная Премудрость. Тогда божественная Премудрость – это вид силы, так как является способностью различать и предвидеть и верно рассматривать все, так что ничто не может укрыться от Бога или ввести Его в заблуждение. Следовательно, божественная Премудрость происходит из божественной Силы, как восковое изображение из воска. Го-

воря философски, это – вид рода. Вид – то же самое, что и род, подобно тому, как человек – то же самое, что «живое существо», или восковое изображение – то же самое, что и воск. Восковое изображение суть воск, так же, как человек суть живое существо. Я полагаю, что, когда речь идет о восковом изображении, то это должен быть воск, так же, как, поскольку человек – это человек, то он должен быть живым существом. Но обратное не верно. Ведь сила относится как к различению, так и к некоему самому действию тем же образом, каким воск относится к тому, чтобы стать восковым изображением или не стать восковым изображением, или «живое существо» [как род] относится к тому, чтобы быть человеком или не быть человеком. Таков мой пример, чтобы показать, что, когда я говорю, что Сын рожден Отцом, я подразумеваю, что божественная Премудрость происходит от божественной Силы, в том смысле, который определен выше⁹⁰.

Оба эти пассажа ясно выражают понятие идентичности как принципа сходства и как продукта поляризации между схожим и несхожим, понятие свойства (т. е. дефиниции, или присущего качества) как того, что одновременно и характеризует, и отличает человека. Метафора печати в этих отрывках недвусмысленно обращается к двум аспектам. Во-первых, есть приоритет материи (или вещества, или сущности) над изображением. Во-вторых, возможно различие на основании дефиниции (или свойства), когда вещи идентичны по сущности и количеству. Предсхоластическая семиотика миметизма представила не только структуру обозначения, но и дифференцированный принцип бытия. Это определило человеческую личность как существующую благодаря

⁹⁰ Перевод на английский: *McCallum J.R.* Op. cit. P. 85–86. Латинский текст: PL. Vol. 178. Col. 1288 C, D, 1289 A. Ясному рассмотрению использования Абелиром метафоры печати я обязана: *Marenbon J.* Op. cit. P. 151–152. Также были полезны: *Javelet R.* Op. cit. Vol. 1. P. 142; Vol. 2. P. 115; *McCallum J.R.* Op. cit. P. 75–77.

Абелир хочет сказать, что род как общее нейтрален в отношении своих видов: род необязательно реализуется в некоем конкретном виде, но может реализоваться в *любом* из входящих в него видов, оставаясь самотождественным родом. – *Прим. ред.*

родству с оригиналом, как идентичную в смысле ее подобия человечеству (виду), но отличную по свойствам в отношении других. Все же это и не полное сходство, и не абсолютное различие, а скорее относительное подобие – различие по сущности, числу и свойствам, что и было подчеркнуто. Человеческая индивидуальность и идентичность были, таким образом, сформулированы и относительно Бога (сущности) и относительно людей (числа и свойств). Как таковое понятие личности, которое было разработано в XII в., развиваясь от сходства к открытой разнородности, имело уникальную психосоматическую составляющую, выражающую особую идентичность (и как плоть, и как дух), способную к репрезентации для действия в мире⁹¹.

Предшолоастики в своих онтологических исследованиях отдавали предпочтение экзегетическому подходу, который, будучи заимствован из неоплатонического прочтения книги Бытия, представлял человека как созданного по образу Божию, чтобы, в конечном счете, стать Его подобием⁹². В этом смысле идентичность со-

⁹¹ Несмотря на то, что в начале XII в. такие богословы, как Гуго Сен-Викторский и Роберт из Мелёна полагали, что человек – это душа, использующая тело, Гуго, фактически, рассматривал людей как сущность, составленных из души и тела, и к середине столетия схоластики понимали человека как психосоматическое целое: *Vunum C.W. The Resurrection of the Body in Western Christianity, 200–1336*. New York, 1995. Pt. 2, особ. P. 127–128, 135, 166, 225 и 256; в этом исследовании систематически прослеживаются средневековые понятия личности, его и индивида путем анализа теологических споров о телесном воскресении. Об изменяющихся коннотациях выражения и понятия «личности» с античности до Нового времени см. недавний обзор: *O'Hara M.L. Op. cit.* О письмах, которые, как ожидали авторы, будут репрезентировать и действовать вместо их *persona*, см. выше, сноски 1–5. Исследования о связи между понятием личности и личной интенции см. ниже, сноска 101.

⁹² Классическое исследование, основанное на великом множестве теологических текстов, многие из которых содержат метафоры печати: *Javelet R. Op. cit.* Рассматривая сходство человека с Богом, Августин использовал метафору монеты: *Wirth J. Structure et fonctions de l'image chez saint Thomas d'Aquin // L'image... P. 41*. В трудах ученых канцеляристов XI–XII вв. метафора печати управляет дискуссиями о подобии, потомстве и творении. Богословы XIII в., такие, как Альберт Великий и Фома Аквинский, думается, вновь вводят нумизматическую метафору в обсуждение этих проблем, см: *Courtenay W.J. King and the Leaden Coin... См. демонстрацию ассимиляции средневековой экономики общей теорией знаков: Bloch R.H. Etymologies*

стояла в богоподобии образа в пределах человеческой материи. В данном случае метафора скрепления печатью периодически использовалась для того, чтобы воззвать к отпечатку божественного прототипа в человеческом материале. Комментарии Ланской школы, Абеяра, Сен-Викторских каноников на Бытие 1:26 (о том, что Бог сотворил человека по Своему образу и подобию) рассматривали лишь вопрос о том, как о человеческих существах может говориться «по образу и подобию Божьему», притом, что у них нет никакого общего с Богом свойства. Используя метафору печати, комментаторы установили, что созданная по образу Бога человеческая душа отличается от Сына, который образ Бога, настолько, насколько изображение короля на его печати отличается от образа короля в рожденном им сыне⁹³. Только рожденный образ (Сын), который разделяет качества и является единосущным своему образцу, может быть ему равен: только Сын *есть* образ Бога. С другой стороны, сотворенный образ (человек), имеет лишь одно сходство со своим прототипом: человек создан *по образу* Бога. Однако Абеяр и Ланская школа были озабочены согласованием трансцендентного и имманентного и, таким образом, настаивали на присутствии Бога в едином Сыне, а через Сына – в сотворенном человеке. В данном случае Абеяр и Ланская школа вновь обратились к другой метафоре печати, на сей раз затрагивая матрицу, изображение на ней и ее оттиск. Бог – присутствующий печати материал (субстанция этой матрицы); Сын – отображение божественной субстанции, образ Бога, выгравированный на матрице, которая, в свою очередь, отпечатывает себя в человеческой душе (разуме, сердце,

and Genealogies: A Literary Anthropology of the French Middle Ages. Chicago, 1983. P. 164–174.

⁹³ Словами сен-викторца Роберта из Мелёна: «*quae tamen distat ab imagine Dei quae Deus est quantum imago regis quae in sigillo ejus est ab imagine quae in ejus filio est*», добавляющего: «таким образом, хотя человеческая душа и не разделяет общего свойства с Богом, уместно сказать, что она была создана по образу и подобию Бога»: Брюгге, Bibliothèque de la Ville (Городская библиотека). Cod. lat. 191. 186 v°–187 r°; см.: *Javelet R.* Op. cit. Vol. 2. P. 41. Хочу поблагодарить анонимного рецензента, обеспечившего прекрасный англоязычный перевод, используемый здесь как часть её или его обзора этой статьи.

памяти)⁹⁴, предоставляя возможность душе принять очертания Сына. В этом смысле человек создан как образ, отпечатанный при посредничестве божественной субстанции, но не имеющий с ней никакой сущностной близости, в отличие от Сына, образ которого единственно отображен божественной субстанцией. Человеческое существо, представленное как отпечатанное и, следовательно, как скопированное изображение, онтологически предопределено к соучастию в первообразе, который вдохнул в него жизнь, и стремится к реализации прототипа. Говоря языком метафоры печати, человеческая идентичность – это то, что связано с сотворением, оттиском, сдавливанием и преобразованием. Сотворение – процесс, посредством которого человек был создан по образу и подобию Божию (Быт. 1:26). Оттиск, т. е. душа, сформировавшаяся и отмеченная печатью Бога, выражает способность человека к добру. Сдавливание, т. е. противодействие или разрушение печати Бога через греховность человека, относится к расподоблению и отчуждению⁹⁵. Преобразование представляет надежду, что подобие Бо-

⁹⁴ Текст Ланской школы приведен: *Javelet R. Op. cit. Vol. 2. P. 46–47. n. 61.* Текст Абеяра рассмотрен в: *Ibid. Vol. 1. P. 82–83,* и воспроизведен: *Ibid. Vol. 2. P. 46–47* (из *Introductio ad Theologiam* II, 13 // PL. Vol. 178. Col. 1068 D). Петр Ломбардский (ум. 1160 г.), посещавший Сен-Викторскую школу прежде, чем стать канцлером и магистром при соборе Парижской Богородицы и, в конце концов, епископом Парижа, написал в своих комментариях на псалмы (In *Psalmis* 4 // PL. Vol. 191. Col. 88 A): «Сияние твоего лика, то есть сияние твоей благодати, посредством которого твой образ сформирован в нас, благодаря которому мы подобны тебе, мы отмечены этим сиянием, оно оттиснуто в нашем разуме, что оживляет душу высшей силой, которой мы сходны с Богом, это сияние отпечатано на разуме, подобно печати в воске», цит. по: *Javelet R. Op. cit. Vol. 2. P. 142–143. n. 32;* рассмотрено в: *Ibid. Vol. 1. P. 173,* вместе с текстами школы Ансельма Ланского, которые также подчеркивают отпечаток Божьего образа в человеческой материи. См. также комментарии на псалмы Герхоха Райхерсбергского (ум. 1169 г.): In *Psalmis* II, 30 // PL. Vol. 193. Col. 1306 D–1307 A.

⁹⁵ О метафоре сломанной печати, используемой Абеяром, Ахардом Сен-Викторским, Фомой из Сито и Бернаром Клервосским для обозначения отдаления и различия с Богом, см: *Javelet R. Op. cit. Vol. 1. P. 249, 259, 300–301, 312–313;* Vol. 2. P. 214, 218, 220, 256. Абеяра выразил своё рассмотрение разрушения и исправления Божьего образа в Человеке языком метафоры печати: *Theologia Scholarium* II, 14 // PL. Vol. 178. Col. 1073 CD; *Petri Abaelardi opera theologia* // *Corpus christianorum [continuatio mediaevalis]. Turnhout, 1969–1987.*

гу – это предел человеческого совершенства. Личностное формирование и преобразование – фундаментальные процессы человеческой идентичности, которые Гуго Сен-Викторский среди прочих обсуждал, часто обращаясь к метафоре печати, как в этом поразительном пассаже *De institutione*:

В добрых людях выгравирована форма подобия Богу, и когда в процессе имитации мы оттиснуты этим подобием, мы также формуемся согласно образу этого подобия. Но вы должны знать, что, если воск сначала не умягчен, он не может обрести форму, равно и человеку нельзя придать форму добродетели посредством действий чьей-либо руки, если он не умягчен и вся гордыня и упрямое своеволие не устранены... Как вы думаете, почему нам долженствует подражать жизни и поведению хороших людей? Не потому ли, что через это подражание им мы исправляемся по подобию новой жизни? Поскольку в них выражена форма богоподобия, мы, когда отпечатываем их в себе через подражание, также приобретаем новый вид согласно образу того же самого подобия⁹⁶.

Наряду со своими метафорами печати, предшколастики, которые способствовали новой семиотике, демонстрировали в их собственных канцеляриях склонность к визуальности, сконцентрированной на понятии

⁹⁶ Перевод Йегера: Jaeger C.S. Op. cit. P. 258–259; *De institutione novitiorum* // PL. Vol. 176. Col. 925B–C, 932D–933A (пролог, гл. 7). См. новаторский анализ обращенной к обучению новичков метафоры печати у Гуго: *Vynum C.W. Jesus as Mother...* P. 97–98; наблюдения Карузера: *Carruthers M. Op. cit. P. 71, 307. n. 119; Constable G. Renewal and Reform...* P. 46. Согласно его биографу Vol. , Ансельм Бекский также употреблял метафору печати для духовного воспитания: *Eadmer: Life of Saint Anselm / Ed., trans. R. Southern. London, 1962. P. 20–21*. Ансельм утверждал, что молодежь подобна куску воска, который должен быть надлежащей консистенции, между твердостью и мягкостью, чтобы получить безупречный оттиск: *De similitudinibus* // PL. Vol. 159. Col. 695; см.: *Goodich M. Op. cit. P. 93*. Ансельм также обратился к этому тропу для выражения пылкой дружбы, обращаясь к одному из своих адресатов: «Он, кто отпечатан в моем сердце как печать в воске, как мог он быть удален из моей памяти?»: *Epistola 1.4* // PL. Vol. 158. Col. 1068–1069, цит. по: *Boswell J. Christianity, Social Tolerance, and Homosexuality. Chicago, 1980. P. 218*.

оттиснутого изображения, одновременно произведенного по принципу подобия и связанного с образцом. В некоролевских грамотах мотив визуальности ранее затрагивал лишь одну модальность репрезентации – символическую, состоящую из организованных как дискурс знаков языка. С печатями была введена вторая, иконическая модальность, где репрезентация достигалась посредством линий и фигур, организованных как изображение. Фактически оба способа, лингвистический и иконический, были представлены на печати – как легенда (текст) и как изображение, но сущность их репрезентирующей силы происходила из того, что они были воспроизведены как отпечатки.

То, что печать репрезентирует, будучи обладающим знаками объектом, предстающим в гравированной форме, является самым важным для предшолоастической семиотики. Метафоры печати, о которых шла речь, предполагают, что наличие следа оригинала в самой ее сущности, делает отпечаток знаком, навсегда отмечающим полноту присутствия, например, Бога в человеке. Сам акт оттискивания печати связывает воедино и усиливает эти принципы маркировки оригинала и овеществления присутствия. Владельцы печатей иногда заходили так далеко, что отпечатывали на восковой печати части собственных тел, оставляя отпечатки зубов, пальцев, кусочки волос или бороды⁹⁷. В самом акте от-

⁹⁷ Сохранившихся источников, описывающих церемониалы оттискивания печати в XI и XII вв., нет. Единственное свидетельство такого оттискивания исходит от самих прикладываний печати и клаузул в текстах грамот, извещающих о привешивании печатей, как, например, в грамоте Ги из Гарланда, подтверждающей продажу леса аббатству Сен-Виктор в 1170 г.: «*Quod ut ratum atque firmissimum habeatur, ego Guido presens scriptum sigilli mei impressione corroborari feci*»: Archives Nationales. Paris. P 2142. № 16, опубликована: Cartulaire général de Paris. Vol. 1: 528–1180 / Ed. R. de Lasteyrie. Paris, 1887. P. 402–403. № 478. Корпус грамот, выданных от имени графов Понтье между 1026–1279 гг. показывает предпочтение в ранних грамотах сообщения о прикладывании печати формулой *sigilli impressione*, настаивающей на способе оттискивания. Эта формула была заменена в более поздних грамотах такими выражениями, как *sigilli appensione* или *sigilli appositione*, которые сосредотачиваются на прикреплении печати к хартии: Brunel C. Op. cit. LI. n. 13, где Брюнель приводит типологию различных клаузул документов, общающих о печати. Несколько печатей все еще хранят следы отпе-

тискивания штампа в воске, печать смешивается с ее референтом (владельцем печати), письменный текст – с тем, кто его произносит (снова владелец печати). С точки зрения предсхоластической онтологии как печати, так и их владельцы были отпечатками, несущими в самой своей сути след оригинала. Печать, находившаяся таким образом в экзистенциальных отношениях с владельцем печати, которого она представляла, стала эффективным знаком, т. е. силой. Так появилась печать, способная передать документу свою собственную власть, преобразуя документ в памятник (*monumentum*), что и стало тем именем, под которым грамоты с печатями стали известны в течение XII в.⁹⁸ Подобно гостиям, на которых отпечатывался крест или буквы IHS, а с XII в. сцены Распятия или Агнец Божий, печати не только опосредовали, но и воплощали реальное присутствие людей, которые прикрепляли их. Печати допускали одновременно присутствие и репрезентацию. Они осуществляли сигнификацию через воплощение. Ритуальный процесс наложения печати также включал преобразование субстанции: он объединял два весьма различных пространства – место на пергамене, где прикрепленная печать утверждала, что *ego* присутствует там, и физическое пространство, в котором наложение печати на документ осуществлялось в присутствии свидетелей. Помимо прочего, наложение печати превращало исписанный лист пергамена в памятник. Это произошло посредством авторизирующего письма, т. е., через включение автора в текст. Печати

чатков пальцев, зубов и бороды, примеры см.: *Chassant A., Delbarre P.-J. Dictionnaire de sigillographie pratique. Paris, 1860. P. 19–20, 147–149, особ. 20*, где дана заключительная клаузула грамоты 1121 г. гласящая: «Для того, чтобы этот [договор] оставался утвержденным, я присоединил силу своей печати с тремя волосками из моей бороды».

⁹⁸ Документы рассматриваются как памятник и как «снаряжение»: *Fraenkel B.* Op. cit. P. 17–18. Френкель обсуждает семантическое сходство и конечное слияние между *monimentum/monumentum* (памятник, или мемориал) и *munimentum/munitio* (снаряжение, укрепление), которое я отметила в: *Bedos-Rezak B. Secular Administration // Medieval Latin Studies: An Introduction and Bibliographical Guide / Ed. F. Mantello, A.G. Rigg. Washington, 1997. P. 201*; см. также: *Guyotjeannin O. Le vocabulaire de la diplomatique en latin medieval // Vocabulaire du livre et de l'écriture au moyen âge. Turnhout, 1989. P. 123.*

были воплощением *ego* в дискурсе дипломатики, маркируя грамоту так, чтобы она приобретала субстанцию и тело. Однако, хотя и печати, и евхаристия подчинялись общей семиотической логике, сакральность печати быстро утратили. По отношению к письменному тексту они располагались на нижнем поле листа: *ego* автора/дарителя/владельца печати и его знак осуществлялись не столько внутри текста, сколько в сосуществовании с ним.

Печати представляли людей и, персонифицируя своих владельцев, олицетворяли письменное слово. Однако с графической точки зрения в печатях есть несоответствие между индивидуализацией и категоризацией. Текст легенды печати содержит имя, данное при крещении человека, но также и титул (король, граф, епископ), и общность или группу, подчеркивая тот факт, что идентичность складывалась, прежде всего, вокруг функции и ее территориального или этнического воплощения. Легенда, несомненно, является той частью печати, которая индивидуализирует своего владельца. Изображение владельца печати, размещенное на печати, было антропоморфным, хотя и не реалистичным портретом. Чуть выше я писала, что ритуал наложения печати, оттискивания для достижения присутствия и репрезентации был значим сам по себе, и часто усиливался телесными отпечатками как частью процесса наложения печати. Также верно и то, что даритель мог использовать печать другого человека, чтобы снабдить ею грамоту, даваемую от его собственного имени; в таких случаях текст должен был бы отметить акт заимствования печати, после чего представленный документ считали правильно запечатанным и авторизованным⁹⁹. Эта специфическая манипуляция, по моему мнению, указывает на то, что универсальный жест наложения печати был так же эффективен при поручении и представлении человека, как и

⁹⁹ См., например, эту нормандскую грамоту 1215 г.: «Пусть будет известно всем, что я, Вильгельм Брюйерский, передал в качестве вечной милостыни четыре *setiers* пшеницы, которая будет ежегодно собрана в моем поместье Брюйер Богу и [аббатству] Нотр-Дам-де л'Этре... И так как у меня не было печати, я подкрепил настоящий документ печатью Иоанна, в то время вице-декана»: Archives Départementales, Eure, fonds de l'Etrée, цит. по: *Chassant A., Delbarre P.-J.* Op. cit. P. 177–178.

предполагаемое физическое участие в церемониальной культуре. Это также указывает на важность духовной составляющей, т. е. намерения (интенции) наложить печать, *animus signandi*. Поскольку интенция была интеллектуальным и духовным элементом печати, важной частью и самой печати, и процесса ее наложения. Интенция проявлялась в предложении внутри текста документа, объявляющего о присоединении печати, равно как и посредством личного жеста при наложении печати¹⁰⁰. Референтная категория, которая подразумевается в печатях и в процессе наложения печати, является, таким образом, физическим лицом, которое этично и ответственно и наделено личной интенциональностью¹⁰¹. Изображение тела на печатях, как я отметила, нереалистично, что не говорит, однако, о том, что они не функционировали как форма портрета в рамках правил средневековой изобразительности.

Реализм, в конце концов, это просто условность, и тот, что был в Средневековье, не соответствовал или не связывался с физиогномическим сходством¹⁰². В самих

¹⁰⁰ Гийом, граф Понтё (ум. 1129 г.), скрепил печатью договор с приором [монастыря] Св. Петра в Абвиле, указывая, что он связал себя словом, поскольку обозначил себя своей печатью, именем, и именами жены и детей. Сопровождающие имена кресты были, вероятно, автографом, хотя этот факт не может быть установлен наверняка, так как грамота сохранилась лишь в копии XV в.: *Brunel C. Op. cit. P. 35–37. № 21.*

¹⁰¹ О различных, хотя и взаимно дополняющих подходах к отношениям между личностью, личным намерением и конкретным мировоззрением см.: *Génicot L. Valeur de la personne ou sens du concret // Miscellanea Mediaevalia in memoriam Jan Frederik Niermeyer. Groningen, 1967. S. 1–8; Guillot O. La liberté des nobles et des roturiers dans la France du XIe siècle: L'exemple de leur soumission à la justice // La notion de liberté au Moyen Age: Islam, Byzance, Occident. Paris, 1985. P. 155–167. Об изменяющихся коннотациях выражения и понятия «личности» см. выше, сноска 91.*

¹⁰² Средневековое искусство традиционно связывалось с обесцениванием индивидуального сходства, творения природы, и с предпочтением символизации индивидуального, существующего в пределах «правды» общего типа изображения: *Belting H. Op. cit. P. 132.* Реализм или натурализм классического искусства, однако, были подвергнуты сомнению: *Gruen E.S. The Roman Oligarchy: Image and Perception // Imperium sine fine: T. Robert S. Broughton and the Roman Republic / Ed. J. Linderski. Stuttgart, 1996. P. 215–234,* кто предполагает (P. 220–222), что, хотя римские портреты и были правдоподобными, их назначение было не в воспроизведении индивидуального ли-

грамматах авторы ссылаются на свои печати, как на свое собственное изображение, *imago noster*, показывая тем самым, что печати и их изображения включали элементы, значимые для саморепрезентации.¹⁰³ Реалистическая физиогномика не была предпочитаемой; а эмблемы функций и символы родства таковыми были. Короли изображались в королевской одежде и положении, знать как воины, епископ в епископском облачении. Геральдика, начиная с середины XII в., выступала в качестве иконографической риторики, которая выражала тождественность родственников относительно других групп, по отношению к их собственной земле и к отдельным боковым ветвям. С иконографической точки зрения печати, можно сказать, демонстрируют абстрактные фигуры и иконические типы. Абстрактные фигуры на печатях подразумевают концепцию человека, направленную вовне, как того, кто должен быть увиден и распознан.

ца, но передаче стилизованного образа. Хочу поблагодарить моего друга и коллегу Артура Экштейна за ознакомление меня с этим исследованием.

¹⁰³ Можно процитировать множество примеров из епископских грамот Реймса, Камбрэ, Лана, а также из королевских и аристократических грамот, изготовленных в канцеляриях епископов, см.: *Dufour J. Recueil des actes de Louis VI, roi de France (1108–1137)*. Vol. 1–4. Paris, 1992. Vol. 1. P. 373–375. № 180: Лан, 1121 г. Король Людовик VI подтверждает обмен имуществом между епископом Лана Варфоломеем и цистерцианским аббатством Фуаньи, и повелевает, чтобы это утверждение было подкреплено оттиском изображения его величества (*«nostre regie imaginis impressione confirmari precepimus»*). Наиболее вероятно, что этот диплом был составлен и написан в епископской канцелярии Лана. *Dufour-Malbezin A. Catalogue des actes des évêques de Laon antérieurs à 1151* (thèse Ecole Nationale des Chartes, Archives Nationales, Paris, AB 28 133), 101, 103, 114, 121, 131, 132, 135, 145, 271, 264, 406; и, особенно, хартия № 45 (1103, P. 74), изготовленная епископской канцелярией от имени епископа Лана, когда канцлером был Ансельм: «Мы приказываем, чтобы сие соглашение было подтверждено этой грамотой с прикрепленным нашим изображением» (*«hoc privilegio nostre imagine munito»*): *Brunel C. Op. cit.* P. 165, 187–188, 194, 200, 204, 229; см., например, грамоту № 56 (1155, P. 85): Жан, граф Понтье, и его брат Ги подтверждают дарения, сделанные церкви Св. Иоанна в Амьене различными местными сеньорами, и просят Тьерри, епископа Амьена, чтобы он соизволил приложить изображение своей печати (*«imaginem sui sigilli»*) к их грамоте. Й. Нирмайер указывает «печать» в качестве первоочередного значения *imago* в XI и XII вв.: *Niermeyer J.F. Mediae Latinitatis Lexicon Minus*. Leiden, 1976. S. 510.

Как иконические типы, печати выглядят строго ограниченными, едва различающимися по составу. Таким образом, иконография печати затрагивает формулирование личной идентичности, устанавливая и обнаруживая словарь образов, который через регулирование различий поз, костюма и эмблем классифицировал и ограничивал случаи частной идентичности. Связывая каждого человека со стереотипным образом, печати имели тенденцию в меньшей степени определять особенное, нежели общее соответствие группе. Действительно, они функционировали как показатель участия в отдельных группах.

Так стереотипные образы исключили частную референтность, придававшую печатям статус системы. Текст легенды конкретизировал данную печать, придавая ей статус отдельного примера. Таким образом, графичность печати создала персональную идентичность через грамматику, которая подчеркивала организующие принципы общества. Таким образом, личная идентичность была определена и произведена как пример социальной организации и таким образом сделала себя верификатором системы, которую она и воплощала. Средневековое чувство идентичности было связано с подобием: личность подобно знаку сигнализировала, что знаки репрезентации находятся в соответствии с социальной действительностью. Это чувство идентичности соответствует тому, что передано метафорой печати, где «я» уподоблено оттиску печати. Печать была формой, а персонифицированный индивид был подобием.

Метафоры печати и ее графичность не были единственными в проецировании этого понятия идентичности. Элемент подобия был усилен техникой наложения печати, которая касалась и копирования. Каждый оттиск в воске определенной матрицы был идентичен. Правомочность и значение печати были, действительно, основаны на копировании. Печати, порождая взаимопризнанные образы и распространяясь в копиях, акцентировали различие не так сильно, как подобие. Элемент сходства был усилен теми же способами, которыми печати выдавали себя за представителей своих владельцев: печать несла на себе образ и была образом своего владельца, его *imago*. И владелец печати, как объект репре-

зентации, сам становится образом тождества, гарантией точной копии.

Идентичность человека и его печати зависела от их способности походить на образец. В производимых действиях и метафорических принципах, печать была связана с трансцендентным (Бог) и, в то же самое время, имела общие свойства со своим референтом, человеком. Печать воспринималась по аналогии с жизненным процессом, действуя через посредничество своего порождения (оттиска), через его креативную способность, через его силу становления (оттиск), равно как и просто бытия (матрица). На механизм создания печати человек мог спроецировать автономию своей совести (мы увидели важность намерения), свою способность контролировать представление о своей личности. Эта механизация и персонализация не противоречат друг другу. Люди и печати становятся взаимными моделями. Печати, соответствуя логике предсхоластической семиотики и дополняя ее, получили свою способность обозначать от воспринятого сродства с человеческой биографией и взаимодействия с нею. Таким образом, печати были востребованы как объекты, обозначающие идентичность и власть. Они создавали идентичность как основание для документарного авторства, власти и, в конечном счете, установления подлинности. Понятие идентичности как сходства и воспроизводимого подобия, поскольку это стало осмысливаться и воплощаться через печати, должно было более широко повлиять на устройство общественной жизни.

С распространением в XI–XII вв. скрепленных печатью грамот близкие по плоти и духу люди оказались вовлечены в стратегии отделившейся от них репрезентации. Таким образом, там, где они ранее действовали как свои собственные эмпирические саморепрезентирующие агенты, теперь они стали сосуществовать с «двойником» (и действительно соотноситься с ним), их репрезентативным образом (*imago*). Данный двойник, который функционировал как другой, отсутствующий человек, был одновременно представлен и полностью идентичен ему, являясь объектом – печатью. Вместе с тем,

печатать обозначала человека, который, таким образом, становился заново вовлеченным как *locus* привнесения постоянства и авторитета письменному слову. Такое вовлечение было достигнуто посредством репрезентации, задуманной и как копирование присутствия, и как объективация. Эти два процесса имели радикальные воздействия на представление о человеке¹⁰⁴.

В ходе воплощения персональное выражение лингвистического *ego* грамоты и физического присутствия его индивидуального референта, т. е. печати и *imago*, сменилось стилизацией. Печати наделяли силой не индивида как отдельное существо, но человека как категорию, как репрезентанта. Графическая логика печатей установила решающее различие между личностью человека во плоти и человеком как олицетворением точно определенных кодами социальных ролей. Конкретный индивид ранних устных церемоний становился всё более и более абстрактным, воплощая конкретную социальную группу. Формулы идентичности на печатях диктовали представление о людях как архетипах. Социализация знаков распознавания предполагала некое рассмотрение и придание эмблематических качеств, которые должны были заместить индивидуальные качества. Сигиллографическая репрезентация, устанавливающая свой предмет через демонстрацию квалификаций и титулов, создавала личностную легитимацию в качестве функционального эффекта социальной структуры. Следовательно, через печати сила авторизации передавалась от человека к представительной структуре квалификаций и титулов, которые предписывали, допускали и авторизовали его или её власть. Становление личности как категории изменило саму безличную и вневременную структуру власти, способную лишь к тому, чтобы воспроизводить себя в качестве государства, а обязанности в качестве закона. В создании безликой идентичности как основания для власти и подлинности, печати воспринимают эпифаническую концепцию власти, которая

¹⁰⁴ Определение «личности», используемое в этом исследовании, и окружающие «открытие индивида» в XII в. споры см. выше, сноска 9.

притязает на то, чтобы действовать от своего собственного имени, т. е. ни от чьего¹⁰⁵.

Наделение индивида силой посредством печати подразумевало, что как репрезентируемый субъект средневековый человек заново открывался в качестве объекта, становясь символической формой настолько, насколько непосредственные детали личного присутствия синтезировались и переходили в осязаемые объекты – печати. Чтобы быть распознанным как личность и действовать в качестве таковой, индивид должен был стать чем-то еще, а именно – знаком. Посредством знаков индивид обретал определение и конституировался как подходящее место для символической активности. В конечном счете, индивидуальная идентичность была подчинена знакам, потому что, с точки зрения предшественной диалектики, которая использовалась для рассмотрения самой возможности личной идентичности, знаки обладали более или менее устойчивой силой репрезентации. Их способы репрезентации опирались в большей степени на типологическое, чем на индивидуальное. Таким образом, то, что возникло в XI–XII вв., было в меньшей степени «индивидуализированным», чем семиотическая система, или практика интерпретации знака, которая способствовала репрезентации личности как категории. Человек был репрезентационным устройством, точкой референции. Поэтому такой человек является неким порождением XI–XII вв., сведенным к референтноуправляемым ролям, прячущимся за репрезентацией и репрезентационными знаками, принципы действия которых лежат не в индивидуализации, а в классификации, не в дифференциации, а в копировании, не в идентификации, а в верификации.

Печати не создавали социальных отношений, но они создавали их каталог, как иерархический набор, служивший формальной системе для указания социального статуса. Аристократия, в течение рассматриваемого периода пришла к осознанию себя с точки зрения своих знаков-объектов, и именно с точки зрения этих объектов

¹⁰⁵ В «Одиссее» (9, 1, стих 366) Одиссей представился Циклопу такими словами: «C'est personne; c'est mon nom»; цитируется, переведено и рассмотрено в: *Legendre P. Op. cit. P. 20.*

были выражены мораль и групповые нормы – эсхатологические страхи, война, покаянные потребности, духовные устремления, ответственность, кровное родство. Печати, устанавливая социальные и моральные роли как элементы, присущие личности каждого человека, способствовали введению общего для Средневековья нравственного порядка. Практики скрепления печатью развивались в мире враждующих предшколастических школ и канцелярий, где семиотические споры были так же и доктринальными и подогревались тем, что альтернативные способы теологической интерпретации могли привести к характеристике противников как чужаков, может быть даже и еретиков. В свете этого объективное формулирование идентичности через знаки может быть помещено в пределах более широкой стратегии, связанной с идентификацией, контролированием и, в конечном счете, с разрушением инаковости. Конечно, распространение печатей происходило одновременно с вниманием к ересям и доктринальным отклонениям¹⁰⁶. Не было ли оформление знаковой идентичности стимулировано борьбой за догматический авторитет и связанной с этим потребностью противостоять тем, кто воспринимался как «другой», как угроза? Такие умозрительные рассуждения подогревают интерес к фактической роли идентичности и ее знаков в регламентации общественной жизни, хотя эту проблему в настоящий момент мы не можем разрешить.

¹⁰⁶ На созванном в 1049 г. в Реймсе с целью реформы церковном соборе его инициатор, папа Лев IX, осудил множество ересей и запрещенных практик, вероятно, целаясь, среди прочих, в последователей Беренгария: *Stock B. Op. cit. P. 146–147; Macdonald A.J. Op. cit. P. 56–57.* В Камбрэ антиберенгариевская позиция епископа Герарда (ум. 1051 г.) была зарегистрирована в *Acta Synodi Atrebatensis*, значительно исправленном и расширенном изложении его конфронтации с группой раскольников на Аррасском синоде 1025 г.: *Stock B. Op. cit. P. 120–139.* Росцелин должен был защищать свои взгляды о Троице на соборе, проведенном в Суассоне в 1092 г.: *Picavet F. Op. cit. S. 50–52.* Труд Абелияра был осужден Суассонским собором 1121 г., заседания которого были спровоцированы двумя учениками Ансельма Ланского, Альбериком Реймским и Лотульфом из Новары, а также Санским собором 1140 г.: *Marenbon J. Op. cit. P. 17, 31–32.*

Предсхоластическая теория знака формулировала и актуализировала репрезентирующую способность печатей таким образом, что печати могли воплощать идентичность и работать в качестве *imago* своих владельцев посредством их собственных способов сигнификации. Эти способы включали семантические компоненты (текст и образ), семиотические операции (стереотипизация, уподобление, копирование и механизация), и метафорическое измерение. Печати были знаками, которые кодировали понятие средневековой идентичности как воспроизводимого подобия. Способ идентификации, который печати вводили в XI–XII вв., подразумевал разделение по категориям. Чем большей была возможность печатей классифицировать, тем меньшей была их способность конкретизировать идентичность. Но, конечно, в предсхоластической культуре истинная идентичность, т. е., совершенное соответствие между оригиналом и его изображением, как в случае с Троицей или Евхаристией, могла быть только божественным атрибутом.

Перевод с английского Д.В. Байдужа

А.А. Ткаченко

**Послания папы
Иннокентия III
о подделках печатей**

История изучения папских печатей, имеющая солидную научную традицию¹, в числе прочего отмечает, что печати римских пап подделывались достаточно часто, причем последствия таких подделок иногда бывали довольно серьезными. Папской канцелярии приходилось прилагать немало усилий для предотвращения и изобличения подделок². Одним из важнейших этапов в этой деятельности стал ряд решений, принятых при папе Иннокентии III (1198–1216). С первого года своего понтификата Иннокентий уделял много внимания работе канцелярии в целом³. В частности, известно, что он запретил чи-

¹ См.: *Frenz Th.* Papsturkunden des Mittelalters und der Neuzeit. Stuttg., 1986. 2000².

² Проблема не раз привлекала внимание исследователей, см.: *Herde P.* Römisches und kanonisches Recht bei der Verfolgung des Fälschungsdelikts im Mittelalters // *Traditio*. 1965. Vol. 21. P. 291–365; *Duggan Ch.* Improbata pestis falsitatis: Forgeries and the problem of forgery in twelfth-century decretal collections (with special reference to English cases) // *Fälschungen im Mittelalter: Internationaler Kongreß der MGH, München, 16.–19. September 1986.* Hannover, 1988. Bd. 2. S. 318–361. (*Schriften der MGH*; 33/2); *Frenz Th.* Innozenz III. als Kriminalist – Urkundenfälschung und Kanzleireform um 1200. // *Papst Innozenz III., Weichensteller der Geschichte Europas / Hrsg. Th. Frenz.* Stuttg., 2000. S. 131–139.

³ О работе папской канцелярии при Иннокентии III см.: *Poole R. Lane.* Lectures on the History of the Papal Chancery (Down to the Time of Innocent III). Camb., 1915; *Heckel R., von.* Das Aufkommen der ständigen Prokuratoren an der päpstlichen Kurie im 13. Jahrhundert // *Miscellanea Francesco Ehrle.* R., 1924. Vol. 2. P. 290–321. (*Studi e Testi*; 38); *idem.* Beiträge zur Kenntnis des Geschäftsganges der päpstlichen Kanzlei

новникам Курии брать плату с просителей в пользу писцов и буллаторов⁴, ставивших на них печати, приказал убрать остиариев (привратников) из палаты нотарииев⁵, установил фиксированную плату для писцов и проч.

Вероятно, в одном ряду с этими преобразованиями находится ряд декреталий папы, изданных в связи с участвовавшими случаями подделки папских писем и, в частности, папской печати как при предшествующем папе Целестине III (1191–1198), так и в первые месяцы правления действующего папы. В связи с этим в Риме в 1198 г. был созван Собор (его акты не сохранились, но он упоминается в тех письмах, о которых пойдет речь дальше, как «собрание всех братьев против фальсификаторов»), на котором были приняты постановления о наказаниях для фальсификаторов папских писем и печатей.

Судя по последовавшим в тот же год обращениям клириков Реймской и Миланской архиепископий, поток фальсификаций на этом не прекратился. Так что папе потребовалось не только разъяснять критерии, по которым можно отличить его подлинное послание от подложного, но и вводить новые степени защиты подлинных писем. В частности, папа запретил принимать письма от кого бы то

im 13. Jahrhundert // Fs. Albert Brackmann dargebracht von Freunden, Kollegen und Schülern / Hrsg. L. Santifaller. Weimar, 1931. S. 434–456; *idem*. Studien über die Kanzleiordnung Innozenz' III. // Historisches Jahrbuch der Görres-Gesellschaft. 1937. Bd. 57 (2/3). S. 258–289; *Cheney Chr.R.* The study of the Medieval Papal Chancery. Glasgow, 1966. Хотя были попытки опровергнуть давний тезис о глобальной реформе папской канцелярии в период понтификата Иннокентия III (см.: *Sayers J.E.* Papal Government and England during the Pontificate of Honorius III (1216–1227). Camb., 1984), этот папа несомненно пытался навести определенный порядок в ее работе (см.: *Zutshi P.* Innocent III and the Reform of the Papal Chancery // *Innocent III: Urbs et Orbis: Atti del Congresso Internazionale, Roma 9–15 settembre 1998* / Ed. A. Sommerlechner. R., 2003. Vol. 1. P. 84–101).

⁴ См.: *Gesta Innocentii*. 41: Statim ergo fecit edictum, ut nullus officialium curiae suae quicquam exigeret, praeter solos scriptores et bullarios, quibus tamen certum modum praefixit, districte praecipiens ut singuli suum officium gratis impenderent, recepturi gratanter, si quis eis gratuito donaretur (текст по изданию: *The Gesta Innocentii III* / Text, Introduction, and Commentary by D.R. Gress-Wright: Diss.: Bryn Mawr College, 1981. P. 60).

⁵ *Fecit igitur ostiarios a notariorum cameris amoveri, ut liber ad eos pateret accessus...* (там же).

ни было, кроме как от него самого и от его буллаторов⁶. Когда появилась должность буллатора, точно неизвестно, но именно при Иннокентии III она обрела особое значение. Буллаторов было двое⁷ (начиная с Гонория III (1216–1227), некоторые из них известны по именам⁸) и, возможно, они занимали особое помещение (*bullatoria*)⁹. Главной функцией буллаторов было хранить и привешивать папские печати. Кроме того, чуть позже была введена должность правщика папских посланий (*corrector litterarum apostolicarum*)¹⁰. Только правщик имел право вносить исправления в текст папских посланий, если в них были допущены незначительные ошибки.

Помимо почерка, печатей и содержания писем, папа призывал уделить особое внимание формулам обращения к адресатам, которые должны полностью соответствовать принятому формуляру¹¹. Но вплоть до конца понтификата Иннокентия III проблема фальсификации стояла так остро, что ей был посвящен один из канонов IV Латеранского Собора (1215 г.) (в частности, 37-й канон осуждает тех, кто искажает папские послания, как фальсификаторов¹²).

В последующую эпоху способы защиты папских посланий от подделок усложнились. В частности, папские писцы или буллаторы стали оставлять особые пометки под сгибом (на пликке), на который привешивается

⁶ Однако это не помогло. Известно, что в 1203 г. в германских землях по повелению герцога Филиппа Швабского стали распространяться подложные письма, в которых говорилось о смерти Иннокентия и избрании нового папы с именем Климент (см.: *Moore J.C. Pope Innocent III (1160/61–1215): To Root Up and to Plant.* Leiden; Boston, 2003. P. 124).

⁷ *Delisle L. Mémoire sur les actes d'Innocent III, suivi de l'itinéraire de ce pontife.* P., 1857.

⁸ *Herde P. Beiträge zum päpstlichen Kanzlei- und Urkundenwesen im dreizehnten Jahrhundert.* Lassleben, Kallmünz/Opf. 1961; 1967.

⁹ Подробнее см. работы: *Baumgarten P.M.* Aus Kanzlei und Kammer: Erörterungen zur kurialen Hof- und Verwaltungsgeschichte im 13., 14. und 15. Jahrhundert: Bullatores, Taxatores domorum, Cursores. Freiburg, 1907; *Watzl F.* Die päpstlichen Bullatoren und ihr Amt // *Cistercienser-Chronik.* 1908. Bd. 20. S. 193–199; *Tosi M.* Bullaria e bullatores della Cancelleria pontificia. Siena, 1917.

¹⁰ Должность впервые упоминается в послании от 11 сентября 1212 — *Regestorum Lib. 15. Ep. 167 // PL. 215. Col. 690–691.*

¹¹ *Regestorum Lib. 3. Ep. 37 (5 декабря 1200 г.) // PL. 214. Col. 919–921.*

¹² *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio / Ed. I.D. Mansi. Venetiae, 1778. T. 22. Col. 1023.*

печать. Одним из основных способов проверки подлинности папских булл стало просчитывание точек в круге, окаймляющем свинцовую печать, или точек в изображении головы апостола Петра.

Тем не менее, критерии, сформулированные папой Иннокентием III продолжали действовать. Послания, перевод которых приводится ниже, пользовались огромным авторитетом на протяжении Средних веков. Об этом свидетельствует не только их включение в состав *Liber Extra* папы Григория IX (1234 г.), но и рукописная традиция. Например, те послания, которые изначально имели своим адресатом конкретного епископа и его клир, впоследствии были переадресованы всем католическим епископам; в текст самих писем также вносились дополнения, указывающие на то, что они воспринимались как действующее законодательство, требующее обновления в зависимости от изменяющейся ситуации.

Перевод посланий первоначально был выполнен по несколько устаревшему изданию: *Patrologiae cursus completus. Series Latina* / Ed. J.P. Migne. P., 1855. Т. 214. Col. 201–204, 322–324. В основе этого издания лежит т. н. собрание декреталий Райнерия из Помпозы (1201), опубликованное Э. Балюзом в 1682 г. Текст сверен нами с критическим изданием той версии, которая вошла в состав *Corpus Iuris Canonici* (CIC X 5. 20. 4–5)¹³, а также с последним критическим изданием Регистра Иннокентия III¹⁴. Различия между ними сводятся в основном к титулам и поздним вставкам.

Послание папы Иннокентия III архиепископу Реймса, кардиналу св. Сабинь, и его викариям (19 мая 1198 г.)¹⁵

Многие, осуждая, задаются вопросом, почему от апостольской кафедры часто исходят суровые повеления и иногда неправильные постановления, и в том ее обви-

¹³ По изданию: *Decretalium Collectiones* / Ed. Ae. Friedberg. Lipsiae, 1881. S. 817–819. Однако это издание несвободно от серьезных недостатков. См., напр.: *Kuttner S. De Gratiani opere noviter edendo // Apollinaris*. 1948. Vol. 21. P. 118–128.

¹⁴ *Die Register Innocenz' III.* / Bearb. v. Othmar Hageneder u. Anton Haidacher. Graz, 1964. Bd. 1: Pontifikatsjahr 1198/99.

¹⁵ *Regestorum Lib. 1. Ep. 235.*

няют, хотя ее чистота, совершенно непричастная вине, доказывается ее невиновностью. Ведь мы, чаще занятые большими делами и заботящиеся по долгу службы обо всех, из-за чего являемся должниками всех, не можем немедленно удовлетворить [прошения] всех, кто настойчиво нас просит. А потому некоторые, сбившиеся с пути справедливости или простирающие право своего притязания более, чем позволяет честность, не могут быть выслушаны нами и впадают в своеволие и, смешав свои способности к подлогу и погибельное искусство с огромным коварством души, пытаются очернить и исказить хитростью подделки белизну апостольской чистоты. Из способности к такому подлогу происходят столькие и столь большие злодейства, что через это осуждаются всякий раз невиновные, а они освобождаются от обвинений в преступлениях.

А то, что и власти апостольской кафедры наносится вред, свидетельствует сама очевидность этого злодейства. Хотя подлог такого рода может довольно долго скрываться [вместе] с темными делами, однако, поскольку через это причиняется вред, в частности, блаженным апостолам, Тот, от Кого в их лице Римская Церковь приняла власть над Вселенской Церковью (по этой причине и печать наша, через которую дела всего христианского мира вершатся, образом их глав отмечена¹⁶), не позволит, чтобы опасность такого преступления при таком ущербе для них [апостолов] оставалась сокрытой и далее.

Ведь случилось недавно в Граде [Риме], что некие лица, занимающиеся уловками более губительными, чем такого рода подлог, были пойманы за своими несправедливыми делами; так что мы нашли у них печати, изготовленные обманом, как от нашего имени, так и от имени нашего предшественника блаженной памяти папы Целестина, и многие письма, запечатанные этими печатями, и их самих, схватив, до сих пор держим в тюрьме.

Мы же, желая проявить отеческую заботу ради чести Римской Церкви и для пользы всех, постановили

¹⁶ Начиная с XII в. на одной стороне папской печати ставились образы апостолов Петра и Павла с надписью S. Pa S. Pe (Sanctus Paulus et Sanctus Petrus), на другой – имя папы.

на собрании всех наших братьев [епископов], чтобы кто-либо под угрозой отлучения и лишения чина и бенефиция от апостольской кафедры впредь не принимал наши письма, кроме как от нас и от тех, кто по нашему поручению к этому служению будут предназначены¹⁷. Если же появится лицо, [облеченное] такой властью, которому самому подобает принять через посланца (nuntium) наши письма, пусть к нашей канцелярии или к нам самим посылает самого посланца, подходящего [для этого], через которого апостольские письма, согласно предписанной форме, да получит. Если же кто-либо в этой части нашего поручения окажется нарушителем, то, если будет мирянин, подлежит отлучению; если клирик – подвергается лишению служения и своего бенефиция.

Поскольку же, как мы узнали от самих фальсификаторов, как в Ваших краях, так и в других странах, через посланные от них письма их несправедливый подлог многообразно распространился, мы апостольским письмом Вашему братолюбию повелеваем и строго предписываем, чтобы Вы созвали Поместный Собор, на котором торжественно и сообща постановили, чтобы в каждом приходе было объявлено, что, если кто-либо от апостольской кафедры получит письма, содержание которых окажется подозрительным, то, если хочет избежать установленного наказания, в первую очередь пусть сравнит ложную печать с подлинной и, если обнаружит, что она имеет признаки подлога, пусть диоцезному епископу, аббату или местному архидакону представит, не откладывая, эти письма. Тот, кто, доставил эти письма, будучи изобличен истиной, если будет мирянин, подлежит отлучению, если клирик, пусть будет лишен служения и бенефиция.

Вдобавок к этому мы постановили, чтобы вы объявили основное постановление об отлучении и регулярно повторяли его в каждом приходе. Если же кто-либо признается, что имеет подложные письма, пусть в течение пятнадцати дней¹⁸ эти письма уничтожит или объявит недействительными, если хочет избежать наказания

¹⁷ Вероятно, речь идет о буллаторах.

¹⁸ В рукописной традиции встречаются варианты – «двадцати» или «тридцати».

отлучения, от какового, кроме как на смертном одре, без специального повеления нашего запрещаем кому бы то ни было освобождать. Также, если вопреки этому будет дано предполагаемое разрешение [от греха], пусть оно не имеет никакой силы; чтобы однажды после нас подлог, некогда скрытый, не был способен нанести кому-либо какого-либо ущерба.

Однако для большей известности этого подлога, чтобы можно было сравнить подложную печать с нашей, мы повелели, что должно быть произведено сравнение одной из подложных печатей в представленных письмах с подлинной. Строго предписываем, чтобы Вы находили какие-либо письма, отмеченные этим или другим подлогом и, если что-либо будет сделано при их помощи, обращались бы и после того как [подлог] совершен, так чтобы подлог такого рода никакой срок давности не был способен извинить. И перевозчиков этих писем столь долго держите под крепкой охраной, покуда не получите по этому поводу благоусмотрения нашей воли.

Послание папы Иннокентия III архидиакону¹⁹, архипресвитеру²⁰ и каноникам Милана (4 сентября 1198 г.)²¹

Хотя для управления Апостольской кафедрой, которая по воле Божией есть Матерь и Учительница всех Церквей, мы полагаем недостаточными наши [образ] жизни и знание, однако, насколько Господь позволит нам по Своему милосердию, мы решили воздерживаться от того, из-за чего мы можем лишиться заслуг. Хотя из-за поврежденности немощной человеческой природы мы не можем подражать всегда и во всем совершенной форме так, чтобы когда-либо не вкралось в наши дела нечто, что едва ли стоит приписывать всевидящему Провидению, но то, что порой случается не от усердия или верного знания, а от невежества или чрезмерной занятости.

¹⁹ Иакову (с 1196 г.).

²⁰ Петру (ок. 1197–1201 гг.).

²¹ Regestorum Lib. 1. Ep. 349.

Так как вы известили нас в ваших письмах, что, поскольку вам были представлены некие письма, в которых нам якобы было угодно настоятельно предписать вам, чтобы Иоанна де Цимильяно, клирика вашей церкви, вы приняли как каноника и брата, и никого иного каноником не нарекали, покуда он сам не получит бенефиций полной пребенды, рассмотрев тщательно их содержание, вы едва поверили, что они посланы с нашего ведома или, если все же с ведома, [решили], что это [должно быть] письма огромной важности.

Однако, когда эти письма вы, как мужи осторожные и рассудительные, отослали обратно к нам, чтобы через их исследование мы окончательно выяснили, с нашего ли ведома они написаны, мы обнаружили в них больше, чем вы могли подозревать. Ведь, хотя в стиле речи и форме написания мы немного могли сомневаться, однако нашли, что печать подлинная (что в первую очередь привело нас в сильное восхищение, когда мы выяснили, что эти письма никоим образом не написаны с нашего ведома). Поэтому, обследовав печать тщательнее, мы обнаружили, что в верхней части, которая прикреплена к шнуру, она немного вздута, и когда шнур из вздутой части без какого-либо усилия немного выгнали, оставив другой шнур в печати, шнур с этой части печати без всякого труда сорвали, в верхушке которой появился еще и признак надреза, на основании чего мы уверенно можем сказать, что сама печать была снята с других писем и на эти с грехом подлога надета, что вы полнее узнаете из самих писем, которые, как мы решили, для большей уверенности должны быть вам посланы.

Итак, хотя такое преступление не должно оставаться ненаказанным каким-либо образом, через апостольское послание повелеваем вашему благоразумию и настоятельно предписываем — если вышеназванный Иоанн в течение двадцати дней после получения от вас обращения к нам с вашими письмами в качестве свидетельства, не согласится принести покаяния, то с того момента отстраните его от всего церковного бенефиция и служения, преодолев препятствие в виде возражения и апелляции, или, если не имеет бенефиция, наложите на него отлучение; для того, чтобы не думал, что от такой

вины легко может освободиться, поскольку ни через братьев, ни через родственников наших, хотя нас часто просят, не сможет нас убедить, чтобы по этому делу мы вам отправили письма.

[Вышесказанного] достаточно, чтобы распознать обман [со стороны] автора [письма], даже если он сам не был главным фальсификатором (особенно потому, что, как говорят, в то время он присутствовал на собрании всех братьев против фальсификаторов, [на котором] мы публично постановили, помимо прочего, под угрозой неуклонно применяемого отлучения, чтобы никто не принимал апостольские послания, кроме как от нас или от нашего буллатора, исключая лишь тех, кому мы предоставили [такое право] в соответствии с преимуществом достоинства, чтобы через верных и уважаемых посланцев они могли бы сами осуществлять).

Но чтобы разнообразные фальсификации, которые до сих пор изобличали мы, впредь были способны изобличить вы сами, мы решили, что они должны быть изложены на [примере] вами же представленных писем.

Первый вид подлога таков, что к письмам прилагается ложная печать. Второй таков, что шнур из подлинной печати вытаскивается полностью, и с помощью другого вдетого шнура прикрепляются подложные письма. Третий таков, что шнур из той части, в которой [пергамен] хартии складывается, бывает надрезан, и тогда подлинная печать надевается на подложные письма под ту же складку (*plicatura*) с восстановленным, подобным коноплянному, шнуром²². Четвертый таков, что от верхней части печати другая часть шнура под свинцом отрывается и через нее шнур, на подложные письма надетый, возвращается под свинец. Пятый, когда в запе-

²² В эпоху Нового времени в папской дипломатике сформировалось представление о двух типах посланий – *litterae cum filo serico* (послания с шелковым шнуром) и *litterae cum filo canapis* (послания с конопляным шнуром). Первые (называются также *tituli*) были связаны с разного рода дарованиями и милостями (*litterae gratiae* или *gratiosae*), вторые (называются также *mandates*) – с разрешением разного рода юридических вопросов (*litterae iustitiae* or *de iustitia*). Однако в Средние века такое деление четко не выдерживалось, и имеется ли в виду что-то подобное в данном случае, неизвестно.

чатанных и доставленных письмах что-либо в них с помощью тонкого лезвия изменяется.

И мы не считаем свободными от преступления подлога тех, кто вопреки принятому постановлению сознательно принимает наши письма, не являющиеся нашими собственноручными или нашего буллатора. А также и тех, кто, имея доступ к печатям, тайком изготавливает подложные письма, чтобы вместе с другими запечатать подлинной печатью. Но эти два вида подлога не могут быть легко изобличены, если по способу выражения, или по форме написания или по качеству [пергамена] хартии не будут распознаны.

В прочих же [случаях] старательный исследователь при большем тщании может увидеть подлог либо по тому, как привязаны шнуры, либо по тому, как приложена печать, или по [ее] подвижности, или по оттиску; особенно если печать не будет ровной, но где-нибудь будет больше вздута, где-то больше сдавлена. Если же не позаботитесь исполнить то, что против самого Иоанна мы Вам предписали, знайте, что мы, дав поручение нашему досточтимому брату епископу Верчелльскому²³, повелели, чтобы он сам это расследовал апостольской властью, преодолев преграду апелляции.

²³ Св. Альберту (Авогадро) Иерусалимскому (ок. 1150–†1215), епископу Верчелльскому с 1184 г.

К.М. Чернышов

**Немецкие брактеаты XII –
нач. XIII вв. как источник
по формированию ранней
европейской геральдики**

Время появления первых гербов, время зарождения геральдики, когда личные или родовые эмблемы приобретали наследственный характер, обозначая права рода на определенные владения и привилегии, представляют огромный интерес для изучения процессов складывания геральдики. Этому посвящено немало гербоведческих работ в разных областях¹. Тем не менее, по-прежнему существует немало проблем, требующих своего решения, и одна из них – это усвоение гербовых изображений в практике монетной чеканки.

Общепризнано, в основном по данным печатей, что самые ранние гербы появляются на территории Франции и Нидерландов в XII в. Аналогичные германские источники по ранней геральдике и эмблематике, в первую очередь нумизматические, известны в гораздо меньшей степени. В связи с этим обращают на себя внимание особые односторонние монеты – брактеаты², вы-

¹ Изучением и публикацией письменных, изобразительных и вещественных источников, относящихся к XII–XIII вв. занимались М. Пастуро, Э. Уагнер, О. Нойбеккер и многие другие.

² Название происходит от латинского *bractea* (тонкая пластинка), под которым римляне имели в виду тонкий листок золота с изготовленным при помощи штампа изображением, выпуклым с одной и вогнутым с другой стороны. Они использовались как декоративные накладки для мебели, статуй, ожерелий и т. п. В V–VIII вв. в Скандинавии и на севере Германии из золота чеканились декоративные диски, на которые методом штамповки наносилось одностороннее изображение, подражающее римским и византийским монетам. Эти

пускавшиеся начиная с 30-х гг. XII в. в восточных и южных немецких землях, впоследствии они распространились также в Венгрии, Швейцарии, Богемии, Польше и скандинавских государствах. Первые немецкие брактеаты изготавливались из высокопробного серебра, 950–990 пробы. Эти монеты чеканились на круглых тонких кружках диаметром от 30 до 50 мм. только одним штемпелем. Год чеканки на брактеатах не ставился. В период до начала 1230-х гг. изображения на них обладали высокой степенью подробности и изобразительной информативности. На брактеатах помещали изображение светского или духовного правителя, или святого-покровителя города, вокруг которого шла легенда; реже встречаются изображения животных или многофигурные композиции на религиозные сюжеты. Первые брактеаты были отчеканены в Эрфурте, архиепископами майнцскими: Адалбертом II (1137–1141) и Маркольфом (1141–1142). Первые германские императорские брактеаты были выпущены около 1152 г. Фридрихом I Барбароссой. Помимо Эрфурта, крупными центрами, выпускающими брактеаты, были Айзенах, Мюльхаузен, Нордхаузен, Гослар, Кведлинбург и некоторые другие монетные дворы. К середине XIII в. изображения на брактеатах становятся грубыми и схематичными, надпись неразборчивою, а потом и вовсе исчезает, уменьшается их вес, размер и проба, уже концу XIII в. брактеат стал низкопробной монетой. В Средние века брактеаты не имели специального обозначения, и именуются в документах «денариями», наряду с традиционными двусторонними монетами аналогичного веса. Брактеаты выпускались германскими королями (императорами), городами, епископствами и отдельными сеньорами³.

Односторонние монеты выпускались вплоть до нач. XVIII в., но только брактеаты XII – нач. XIII вв.

диски называются брактеатами-украшениями (от нем. Schmuckbrakteat). В пер. пол. XII в. на востоке Германии появляются односторонние монеты из серебра, аналогичные по весу обычному двустороннему денарию, но чеканенные только одним штемпелем на тонком серебряном кружке. Наименование «брактеатов» данные монеты получили в нумизматической литературе начиная с XVII в.

³ Kluge B. Probleme der Brakteatenforschung. Forschungen und Berichte 19. Berlin, 1979. S. 127–138.

являются настоящими шедеврами мелкой романской пластики.

Точное количество сохранившихся до наших дней ранних немецких брактеатов не может быть установлено, крупнейшие музейные собрания Германии, мюнц-кабинеты Берлина, Дрездена, Готы и Ганновера, насчитывают по несколько тысяч этих монет каждое. При этом опубликованной является только коллекция Музея Кестнера в Ганновере (свыше 3 тыс. брактеатов)⁴. Нумизматическое собрание Эрмитажа, на которое опирается автор данной работы, насчитывает свыше 600 немецких брактеатов XII – начала XIII вв. и по полноте и редкости представленного материала вполне сопоставимо с крупнейшими немецкими коллекциями.

Определение и классификация брактеатов представляют собой одну из труднейших задач средневековой нумизматики. Однако наша цель в данной работе состоит в оценке их возможностей как источника по изучению ранних геральдических форм.

Всю совокупность изображений на ранних немецких брактеатах можно разделить на пять основных групп.

К первой группе относятся изображения правителей или святых воинов – покровителей со щитами, на которых помещены символы или эмблемы, в которых трудно увидеть в полном смысле герб, в большей степени это изображения их атрибутов или того, что, скорее всего, могло быть их атрибутами.

Наиболее распространенная и легко идентифицируемая эмблема, помещаемая на щиты – крест⁵. Традиция изображения креста на щитах пришла в Европу возможно из Византии, примеры подобного изображения встречаются на некоторых дошедших до нас, в целом немногочисленных, западноевропейских памятниках XI–XII в. (Рис. 1–2).

⁴ *Berger F.* Die mittelalterlichen Brakteaten im Kestner-Museum Hannover. 2 Bd. Hannove, 1993–1996.

⁵ *Pastoureau M.* Traité d'héraldique. 2 éd. Paris, 1993. P. 123.

Рис. 1.

Рис. 2.

Среди немецких брактеатов самой ранней монетой с якорным или возможно змееглавым крестом на щите воина является магдебургский брактеат с фигурой св. Маврикия (Рис. 3). Монета отчеканена на местном монетном дворе предположительно в середине XII в., во время правления архиепископа Вихманна (1154–1192). В это время архиепископство активно распространяло христианство среди полабских славян, чем, вероятно, и объяснимо появление главного христианского символа на щите небесного покровителя Магдебурга.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Другой заметной фигурой в военной, экономической и культурной экспансии немецких феодалов на восток был Альбрехт Медведь (1123–1170), окончательно подчинивший в 1157 г. столицу племени стодоран Бренну (или Бранибор), где им было основано маркграфство Бранденбург. Поддержку в этом предприятии ему оказал уже упомянутый архиепископ Вихманн. Кроме того, считается, что именно магдебургские резчики изготовили штемпели для монет первых Асканиев, чья чеканка началась вскоре на местном монетном дворе⁶. На монетах сына Альбрехта, Оттона I (1170–1184) можно увидеть изображение маркграфа, фигура которого очень напоминает фигуру св. Маврикия, а на одной из монет на щите правителя просматривается крест точно такой же конфигурации, как и на упомянутом магдебургском брактеате (Рис. 4).

Крест немного иной, «лапчатой» формы присутствует на одном из брактеатов тюрингской группы, отчеканенном на монетном дворе Бланкенбург (Рис. 5). В литературе высказывалось мнение, что данное изображение декларирует намерение эмитента, графа Генриха II фон Шварцбург (1184–1231), принять участие в III Крестовом походе вместе с императором Фридрихом Барбароссой⁷.

Наиболее обширной и в то же время наиболее спорной является группа монет с изображениями правителей с разнообразными орнаментальными мотивами на щитах. В отношении них отсутствует ясность, представляют ли они собой ранний геральдический знак, личную эмблему, или же не более чем просто декоративный элемент, или результат намерения резчика штемпеля передать изображение металлических полос, которыми в ряде случаев мог укрепляться боевой щит. В качестве характерного для этой группы примера можно привести брактеат ландграфа Людвига II Тюрингского (1140–1172) (Рис. 6).

⁶ *Bahrfeldt E.* Das Münzwesen der Mark Brandenburg von der ältesten Zeiten bis zum Anfang der Regierung der Hohenzollern. Berlin, 1889, S. 60; *Suhle A.* Deutsche Münz – und Geldgeschichte von den Anfängen bis zum 15. Jahrhunderts. Berlin, 1964. S. 105.

⁷ *Nau E.* Münzen der Stauferzeit // Die Zeit der Staufener. Katalog der Ausstellung, Bd. I, Stuttgart, 1977. S. 140.

До нас дошел только один подлинный боевой щит XII в, приписываемый Арнольду фон Бриенц (1180–1225), хранящийся в музее Цюриха, который был переделан в начале XIII в.⁸ (Рис. 7). Он несет изображение льва, а из металла на нем присутствует только рудиментарный металлический умбон, который «вписан» в тело геральдического зверя. Однако возможность укрепления поверхности щита в это время металлическими полосами и

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

другой арматурой допускается рядом исследователей⁹, в то же время такая арматура могла играть и декоративную роль, подтверждением чему может служить щит на скульптуре, изображающей Роланда (Кафедральный собор в Вероне, 1130-е гг.) (Рис. 8).

Ст. Слейтер вслед за многими другими исследователями предположил, что некоторые из подобных металлических «добавок» послужили толчком к возникновению ряда геральдических фигур. Он считает, например, что косой крест на гербе с печати графа Конрада фон Ёттинген (ок. 1229) (Рис. 9) может происходить от

⁸ *Kohlmorgen J.* Der mittelalterliche Ritterschild. Wald-Michelbach, 2005. S. 49–51.

⁹ *Бехайм В.* Энциклопедия оружия. Пер. с нем. СПб., 1995. С. 135; *Слейтер С.* Геральдика. Иллюстрированная энциклопедия. Пер. с англ. М., 2005. С. 52–53; *Горелик М.В.* Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты). Восток-Запад: диалог культур Евразии. Культурные традиции Евразии. Вып. 4. Казань, 2004. С. 182–195; *Kohlmorgen J.* Op. cit. S. 33–35.

пересекающихся усиливающих щит металлических лент¹⁰. В связи с этим обращает на себя внимание другой бранденбургский брактеат Оттона, где на щите правителя просматриваются горизонтально расположенные полосы с маленькими кружочками, напоминающие собой, возможно, шляпки от гвоздей (Рис. 10). В качестве другого примера приводится геральдический «карбункул» – стилизованная геральдическая фигура, составленная из восьми процветших лучей из одного центра или круга¹¹ – англо-нормандской семьи Мандевиль (Рис. 11), восходящий, по мнению Слейтера, к металлической круглой пластине, использовавшейся кем-то из семьи на боевом щите¹².

Рис. 9.

Рис. 10.

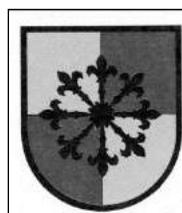

Рис. 11.

Однако похожую фигуру можно увидеть на многих немецких брактеатах XII в., в том числе на монетах тюрингских родов Орламюнде, Шварцбург, Ротенбург (Рис. 12). Поэтому нельзя исключить того, что она была не более чем декоративным элементом из кожи, гипса или того же металла на поверхности реального боевого щита. Следует при этом отметить, что большинством современных оружейников возможность укрепления поверхности щитов XII в. какой-либо дополнительной металлической арматурой, кроме умбона и гвоздей, категорически отвергается. Аргументом в пользу этого является отсут-

Рис. 12.

¹⁰ Слейтер С. Указ. соч. С. 53.

¹¹ Pastoureau M. Op.cit. P. 363.

¹² Слейтер С. Указ. соч. С. 53.

ствии археологических находок такой арматуры (в отличие от более раннего времени, например щита из озера Элеруп, Дания, III–V вв.), а также немногочисленные цветные рисунки и миниатюры, где полосы совершенно явственно нарисованы на поверхности щита, например, рисунки французской Библии Этьена середины XII в. (Рис. 13.)

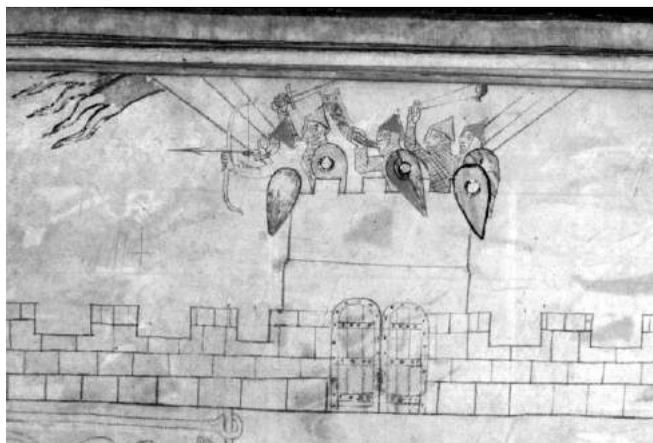

Рис. 13.

В пер. пол. XII в. в Ангальте Альбрехт Медведь чеканил брактеаты, где на щите воина просматривается изображение правой перевязи (Рис. 14). На чеканенных спустя несколько десятилетий брактеатах его младшего сына Бернгарда (1180–1212) на щите правителя различимо изображение аналогичной правой перевязи (Рис. 15). Допустимо, что в этом случае мы, хотя и с большой осторожностью, но уже можем говорить о возможном наследовании эмблемы. Несомненно, что данный конкретный случай заслуживает отдельного более углубленного и пристального изучения.

К третьей группе следует отнести брактеаты, несущие ранние геральдические изображения, которые впоследствии, в XIII в., оформились в полноценные наследственные гербы. Как правило, это гласные гербы, когда вид герба связан с названием родового владения и

тем самым с родовым именем владельца. Прекрасным примером являются брактеаты графа Бурхарда II фон Фалькенштайн (1142–1174) (Рис. 16) с изображением

Рис. 14.

Рис. 15.

Рис. 16.

сидящего сокола (нем. Falke). Этот род угас уже в XIV в., однако в XII в. он процветал: в 1118 г. ими была построена в Гарце крепость, получившую имя Фалькенштайн; они имели возможность чеканить собственную монету на монетном дворе Эрмслебена¹³. Изображение

Рис. 17.

Рис. 18.

Рис. 19.

на монете не имеет утвержденного канона, сидящий на камне сокол мог быть развернут как вправо, так и влево (Рис. 17).

По аналогичному принципу в XII в. зародился герб соседей и родственников Фалькенштайнов – графов фон Арнштайн. На монетном дворе Хеттштедт чеканились брактеаты Вальтера II (1135–1169) с изображением взлетающего орла (древнегерм. Aar) (Рис. 18)¹⁴. При том, что в целом гласными чаще бывали родовые гербы, следует отметить, что среди гласных встречаются

¹³ Stenzel T. Der Brakteatenfund von Freckleben im Herzogtum Anhalt. Halle, 1924. S. 53–54.

¹⁴ Idem. S. 44–47.

ся и гербы городов. Так, на брактеате города Линдау начала XIII в. видно схематичное изображение липы (нем. Linde) (Рис. 19).

У истоков гласного герба могло лежать не только название местности, но и личное прозвище основателя рода или его яркого представителя. Хрестоматийным

Рис. 20.

примером этого являются изображения льва на многочисленных брауншвейгских брактеатах Генриха Льва из рода Вельфов, герцога Саксонии (1142–1180) и Баварии (1153–1180) (Рис. 20). По мнению немецкого историка Э. Киттеля, лев мог являться и эмблемой династии (Welp – детеныш хищника)¹⁵.

Но скорее всего, в данном случае лев – личная какия правителя; большинство вариантов латинских надписей, помещенных на его монетах, гласят: «Heinricus leo dux» (герцог Генрих Лев). Сохранился даже памятник льву, воздвигнутый Генрихом в 1168 г. во дворе своей крепости в Брауншвейге (Рис. 21).

Лев на монетах Генриха изображался идущим влево или вправо, или стоящим на пьедестале, как на данной монете. Однако известен брактеат, где сидящий на троне правитель изображен с двумя львами, идущими у его ног (Рис. 22)¹⁶. Возможно они являются символическим образом сыновей Генриха, а возможно это связано и с об- европейской тради- цией того времени¹⁷. Нельзя исключать и того обстоя- тельства, что Генрих Лев был женат на сестре англий-

Рис. 21.

щей

¹⁵ Kittel E. Siegel. Braunschweig, 1970. S. 259.

¹⁶ Kühn W. Die Brakteaten Heinrichs des Löwen. Minden, 1995. S. 29, № 9.

¹⁷ См. Антонов В.А. Гербы представителей датского королевского рода Эстридсенов (XII–XIV вв.) // Signum. Вып. 3. М., 2005. С. 47–50.

ского короля Ричарда Львиное Сердце (1189–1199) Матильде, а короли Англии пользовались львами в своих гербах.

Рис. 22.

Рис. 23.

Рис. 24.

Впоследствии лев появляется как герб на монетах его наследников, в частности, его сына Оттона IV (1198–1218). В 1198 г., когда Оттон IV уже в качестве короля противостоял Филиппу Швабскому (1198–1208), возобновив старую борьбу между Вельфами и Штауфенами, на одной из его монет лев изображен в королевской короне. Возможно, что именно этот лев проник в гербы многих земель и владений, например, Брауншвейга (два золотых льва в червленом поле), а также Шверина.

Однако ранние геральдические эмблемы на брактеатах XII в. не обязательно являются гласными. Изображение всадника на брактеатах большого (от 40 до 50 мм.) диаметра было характерно для многих тюрингских династий – Орламюнде, Шварцбург, Ротенбург, которые все подражали монетам первых ландграфов Тюрингии – Людвига II и Людвига III (1172–1190), однако, в отличие от монет ландграфов, брактеаты других династий как правило анэпиграфичны (не имеют легенды). Таков один из брактеатов тюрингской группы графа Фридрих II фон Бейхлинген (1180–1220) (Рис. 23). Ранняя геральдическая эмблема в виде наискось взлетающего орла должна была помочь отличать монеты графов Бейхлинген. Появилась она не ранее 90-х гг. XII в.¹⁸, но в данном случае еще не может идти речи об устоявшемся родовом гербе, само число орлов на этих монетах варьируется от одного до трех.

¹⁸ Buchenau H. Der Brakteatenfund von Gotha. München, 1928. S. 41–43.

Рис. 25.

Рис. 26.

Рис. 27.

К четвертой группе относятся брактеаты, где на щите правителя помещено бесспорно геральдическое изображение. Подобные изображения в германских землях появились лишь в первые десятилетия XIII в. На монете графа Бурхарда I фон Мансфельд (1183–1229) на щите всадника отчетливо просматриваются ромбы (Рис. 24); возможно, это наиболее раннее изображение герба рода Мансфельд¹⁹. Представляет интерес также брактеат императора Оттона IV, выпущенный предположительно в Мюльхаузене (Рис. 25)²⁰. Изображение правителя выглядит в целом уже достаточно схематично и примитивно, с непропорционально огромной головой, однако щит со львом Вельфов выделяется своим весьма подробным и старательным исполнением. Этот щит – бесспорно главный элемент в поле монеты. Миндалевидная форма уже архаична для XIII в., не исключено, что резчик стремился изобразить реальный щит, принадлежащий представителю рода Вельфов, ведущих в это время острую борьбу за власть в Империи с Филиппом Швабским из рода Штауфенов.

Уникальным для XII – начала XIII вв. и достойным для вынесения в отдельную группу представляется брактеат, выпущенный Адольфом III фон Шауенбург, графом фон Хольштайн (1164–1225), имеющийся в собрании Эрмитажа (Рис. 26)²¹. Он, возможно, является первой немецкой монетой, где помещено изображение гербового щита отдельно от фигуры правителя, причем эмблема является ничем иным как небезызвестным

¹⁹ *Mertens E.* Der Brakteatenfund von Nordhausen. Halle (Saale), 1929. S. 71.

²⁰ *Nau, Op.cit.* Bd I. S. 138.

²¹ *Schlegel C.* De nummo comitis Blanckenburgensis epistola. Jenæ-Arnstadiæ. Tab. II. № 19; *Buchenau H.* Op. cit. S. 166, № 647.

«крапивным листом», ставшим впоследствии гербом Голштинии (Рис. 27).

Это лишь одни из немногих примеров, основанных большей частью на нумизматической коллекции Эрмитажа. Разумеется, для того, чтобы преодолеть фрагментарность материала и придать выводам большую закономерность, следует учесть и прочие собрания брактеатов. Однако даже на основе этих немногих примеров можно говорить о значительной роли реального щитового изображения на этих монетах в генезисе герба. Социальный уровень эмитентов был достаточно высоким и, соответственно, говорит о протекании процессов геральдизации на верхних иерархических уровнях общества XII–XIII вв. Некоторые брактеаты из-за отсутствия легенды нельзя было приписать определенному монетному сеньору²², но, учитывая, что они были нормальным платежным средством, роль гербового изображения на них как идентификатора оказывалась, судя по всему, необходимой и весьма высокой. С другой стороны они способствовали распространению самого принципа узнаваемости сеньора на основе изображения его герба.

²² Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1982. С. 28.

С.И. Луцицкая

**Воображаемая геральдика
сарацин: цвета и фигуры**

Принято считать, что геральдика Средневековья отражает систему использования геральдических символов, которые в действительности бытовали в обществе¹. Однако в настоящей статье мы обратимся к анализу гербов, которые не существовали и не использовались на практике. Речь пойдет о миниатюрах из иллюминированной хроники Гийома Тирского² – нашего главного источника по истории крестовых походов – и об изображенных на этих миниатюрах гербах сарацин – военных противников крестоносцев. Создавая эти изображения, европейские художники ничего не знали о реальной мусульманской эмблематике и, пожалуй, даже не интересовались ею, и те эмблемы, которые мы видим на этих миниатюрах, – не что иное, как плод воображения средневековых миниатюристов. Рисуя воюющих с христианами сарацин, художники наделяли их фантастическими чертами и по существу создавали образ врага, так что их произведения могли служить средством визуальной пропаганды. Рассматривая миниатюры из иллюминированной хроники Гийома Тирского, мы на самом деле

¹ О предмете геральдики и о западноевропейской геральдике в целом см.: *Арсеньев Ю.В.* Геральдика: Лекции, читанные в Московском Археологическом институте в 1907–1908 году. М., 2001; *Черных А.П.* Геральдика // Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990. С. 40–80.

² См.: *Willelmi Tyrensis Historia rerum in partibus transmarinis gestarum* (Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Occidentaux). P., 1844. T. 2. См. о нем: *Edbury P., Rowe J.* William of Tyre: Historian of the Latin East. Cambridge, 1988.

знакомимся с так называемой воображаемой геральдикой, о которой так много писал известный французский историк Мишель Пастуро в своих статьях. Ему также принадлежит термин «иконография Зла»³. К этой иконографии он относил изображения врагов Христа и христианской веры, иноверцев, отрицательных античных и ветхозаветных персонажей и др. Изучаемые в этой статье весьма своеобразные миниатюры вполне уместно отнести к описанной Пастуро «иконографии Зла». Специфика наших источников заключается также в том, что художники создавали свои миниатюры уже много лет спустя после того, как крестоносная эпопея закончилась. Речь идет главным образом о французских художниках и их произведениях⁴, дошедших до нас в составе французских и фландрских рукописей, датируемых преимущественно XIV в.⁵. Таким образом, художники, рисовавшие гербы сарацин как бы отделены от изображаемых ими персонажей, причем и в пространстве, и во времени – они не были ни современниками, ни свидетелями крестовых походов. Речь пойдет о том, как средневековые миниатюристы представляли себе мусульманскую геральдику – т. е. по существу о вымышленной, фантастической геральдике.

* * *

Итак, для начала поставим вопрос: что и как изображали средневековые художники в гербах сара-

³ *Pastoureau M.* Introduction à l'héraldique imaginaire (XII–XVI ss.) // *Revue française d'héraldique et de sigillographie.* 1978. № 8. P. 19–25.
Pastoureau M. Couleurs, images, symbols. *Etudes d'histoire et d'anthropologie.* P., 1989.

⁴ О художниках, создававших эти изображения, кое-что стало известно лишь в последнее время. См.: *Rouse R.H., Rouse M.* Manuscripts and their makers: commercial book producers in medieval Paris 1200–1500. Vol. 1–2. L., 2000.

⁵ См. список иллюминированных рукописей хроники, составленный Я. Фольдой: *Folda J.* Manuscripts of the *Histoire d'Outremer* by William of Tyre: A Handlist // *Scriptorium.* 1973. Т. 27. P. 90–95. Разумеется, этот список не исчерпал фонд имеющихся в нашем распоряжении манускриптов. Рукописи, изготовленные в Иерусалимском королевстве в последней четверти XIII в. и происходящие из художественного ателье Сен-Жан-д'Акр, в настоящей статье не рассматриваются. О них см. специальное исследование: *Buchthal H.* *Miniature Painting in the Latin Kingdom of Jerusalem.* Oxford, 1957.

цин? Даже беглый просмотр иллюминированных рукописей хроники Гийома Тирского убеждает нас в том, что чаще всего в гербах изображались: 1) фигуры животных – кабанов, леопардов, пантер и пр.; 2) различные геометрические фигуры – круги, полосы, линии и т.д.⁶ Не менее часто можно встретить изображения полумесяца (как знак ислама) и звезды (как обозначение Востока)⁷. Такие, условно говоря, «визуальные знаки»⁸ были характерны для изображений сарацин, и именно они позволяют нам, как, вероятно, и средневековым читателям, отличить сарацин от христиан на миниатюрах. Роль своеобразного группового идентификатора сарацин играл также цвет. Что это значит? Как хорошо известно, средневековая геральдика имела свои законы распределения цветов в гербах. Шесть геральдических цветов подразделялись на две группы: 1) желтый (золото) и белый (серебро); 2) красный (gueules), черный (sable), синий (azur), зеленый (sinople). Кроме того существовали меха (покрытия) – геральдические горностаи и белка. В соответствии с принципами геральдики нельзя было совмещать в одном гербовом поле два цвета, относящиеся к одной и той же группе⁹. Т. е., если поле было черным, то фигура должна была быть серебряной или золотой, но ни в коем случае ни синей, зеленой или красной. При рассмотрении цветовой гаммы геральдических эмблем сарацин обращает на себя внимание то обстоятельство, что именно в гербах сарацин чаще всего имеет место нарушение этого правила и наложение цветов¹⁰.

Попытаемся вычленить принципы изображения сарацин в иконографии хроники Гийома Тирского на примере нескольких миниатюр.

Первая миниатюра, которую мы рассмотрим, происходит из наиболее богато иллюминированного

⁶ См., напр., рукописи из Национальной библиотеки Франции (г. Париж): Ms.fr. 22495, ff. 19, 43, 229v, 154v; Ms.fr. 2824, f. 64; Ms. fr. 9083, ff. 145, 269 etc.

⁷ См.: Ms.fr., f.22495, ff. 11, 78, 115, 265v etc.

⁸ О термине «визуальный знак» см.: *Melinkoff R. Outcast. Signs of Otherness in Northern European Art of the Late Middle Ages*, Berkley; Los Angeles; Oxford, 1993. Vols. 1–2.

⁹ *Арсеньев Ю.Г.* Указ. соч. М., 1908. С. 155.

¹⁰ См.: Ms.fr. 22495, f. 147v, 154v; Ms.fr. 24209. ff. 89v, 225v etc.

кодекса 22495 и является своеобразным визуальным комментарием к рассказу Гийома об известном событии Первого крестового похода, произошедшем 21 октября 1096 г. – разгроме участников похода бедноты под Цивито неподалеку от Никеи. В хронике речь идет о том, что объединенный отряд французов и немцев, послушавшись вождей крестоносцев, захватил крепость Ксеригордон, а затем крестоносцы были окружены турками и перебиты¹¹ (Рис. 1). Присмотримся внимательнее к этой миниатюре. Она, как и примерно 4/5 миниатюр из этого кодекса изображает момент боевых действий, конфликта между сарацинами. Рассмотрим геральдические эмблемы сарацин. На сарацинских щитах и попоне мы видим черные головы мавров на красном фоне. Геральдически заведомо неверное наложение цветов в этой миниатюре, о котором говорилось выше, можно *ad hoc* рассматривать как один из приемов изображения иноверцев.

Рис. 1. Ms.fr. 22495, f. 19

Черные головы мавров – весьма распространенный в средневековой иконографии признак Востока,

¹¹ См.: Willelmi Tyrensis Historia rerum in partibus transmarinis gestarum... Lib. I, cap. XXV. Имеется в виду миниатюра из рукописи, хранящейся в Национальной библиотеки Франции: Ms.fr. 22495, f. 19.

визуальный знак иноверцев¹². На другом гербе мы еще видим на красном фоне черные головы кабанов. Кабан – также важный символ. В Ветхом Завете кабан рассматривался как нечистое животное (Втор. 14:8), а в христианской эзегетике – как символ моральной нечистоплотности¹³. Возможно, использование этой фигуры в геральдике сарацин является одним из способов обозначения принадлежности к не-христианской вере, т. е. к язычеству. И еще одна фигура, изображенная на щитах, привлекает внимание зрителя. Мы видим, что на одном из щитов на красном поле помещены белого цвета геометрические фигуры, а именно – три точки и хвостик (запятая). Но в христианской геральдике такой фигуры мы не встречаем, если только не предполагать в ней инверсию геральдического горноста. Что она означает? Учитывая, что геометрические формы, представленные на щитах сарацин, могут иметь культурный смысл, возможно, в этом изображении содержится аллюзия миниатюриста на то, что у сарацин нет настоящей геральдики и что на своих гербах они изображают произвольные или неправильные геометрические фигуры. Примечательно, что этим фигурам в гербах сарацин противостоят фигуры, изображенные в гербах христианских рыцарей. Это прежде всего черные раковины в красном гербовом поле. Как известно, в средневековой культурной традиции раковина – символ паломничества¹⁴. На статус паломника изображенных рыцарей указывают и изображения паломнических сумок. Рыцари-крестоносцы действительно рассматривались как пилигримы. Но использование вместо креста раковины как обозначения статуса крестоносца могло иметь и другое объяснение. В XIII в. в Западной Европе было немало фальшивых крестоносцев. Они объявляли себя паломниками, нашивая крест на одежду с тем, чтобы воспользоваться т. н. привилегией креста, т. е. специфическим правовым и имущественным статусом, которым наделялись люди, от-

¹² См. об этом: *Husband T. The Wild Man. Medieval Myth and Symbolism.* New York, 1980.

¹³ *Marillier B. Le sanglier héraldique.* P., 2003.

¹⁴ Раковина лишь предмет, который приносили с собой возвращающиеся из Сантьяго-де-Компостелла паломники. См.: *Péricard-Méa D. Compostelle et cultes de saint Jacques au Moyen Age,* P., 2000.

правлявшиеся в крестовый поход¹⁵. Со временем власти стали применять меры против таких фальшивых крестоносцев. В Регенсбурге в 1248 г. городские власти под страхом смертной казни запрещали нашивать крест. Истинные крестоносцы, как считалось, предпочитали кресту посох паломника и раковину¹⁶, подтверждение чему мы видим в наших миниатюрах.

Наконец, последнее наблюдение над этой миниатюрой. Мы видим, что на гербах крестоносцев черные ракушки изображены на красном фоне. Таким образом, и здесь принцип наложения цветов нарушается, как и в случае с изображением сарацин. Почему? Ответ на этот вопрос можно было бы поискать в самом тексте хроники Гийома Тирского. Ведь в нем говорится о неразумных крестоносцах, которые пренебрегли советом христианских вождей, – следовательно, о нарушающих принципы поведения крестоносцев. Возможно, изобразив их геральдические эмблемы похожими на гербы сарацин, художник таким образом выразил свое осуждение поведения неразумных христиан.

Другая миниатюра из того же самого роскошно иллюминированного кодекса 22495 (f. 43) изображает одно из важных событий Первого крестового похода – битву под Антиохией 1098 г.¹⁷ (Рис. 2).

Гийом Тирский подробно, на нескольких страницах своей хроники, рассказывает о сражении, в котором участвовали знаменитые вожди крестоносцев – герцог Лотарингии, графы Фландрии, Нормандии, Тулузы и Гуго Великий и др. В разгар битвы Яги-Сиан закрыл ворота цитадели, дабы христиане не спаслись бегством и не проникли внутрь крепости. Он стремился таким образом подбодрить своих воинов и поднять их дух, однако, как пишет хронист, тем самым совершил роковую ошибку, так как его действия породили сумятицу в рядах сарацин. Эта ошибка создала перевес в силах сражающихся и привела к победе христиан.

¹⁵ См.: *Villey M.* La Croisade, essai sur la formation d'une théorie juridique. Caen, 1942.

¹⁶ Об этом см.: *Pastoureau M.* La coquille et la croix: les emblèmes des croisés // *Histoire.* P., 1999. 1982, Vol. 47. P. 70-71.

¹⁷ *Willelmi Tyrensis Historia rerum in partibus transmarinis gestarum...* Lib. VI, cap. VI.

Рис. 2. Ms.fr. 22495, f.43

Вместо пространного рассказа Гийома Тирского на миниатюре мы видим изображение короткого эпизода – битвы двух групп рыцарей. Зафиксирован момент победы – на это указывают отрубленные головы и ноги сарацин, которые топчут лошади. Эта миниатюра – своеобразная психомеханика, так как контрастные изображения геральдических цветов и фигур, имеющие символическую нагрузку, имеют цель отразить борьбу христианства и язычества, сил Добра и Зла. Как и на предыдущей миниатюре, вместо настоящих геометрических фигур на щитах сарацин на красном фоне представлены три точки и хвостик – произвольное изображение, не имеющее отношение к реальной геральдике. На попоне лошадей мусульманских воинов на синем фоне изображены белого цвета полумесяцы. Как известно, полумесяц – наиболее распространенный визуальный знак, со времен Средневековья обозначающий ислам. Геральдические фигуры, изображенные на щитах христиан, противоположны по смыслу фигурам мусульманской геральдики. В частности, мы видим на щите христианского воина изображение на желтом фоне черного креста с крестиками в четвертях. Как известно, крест наиболее общий и значимый символ христианства и, конечно, не

случайно он появляется в христианских геральдических эмблемах. В гербах крестоносцев мы видим также изображение черного льва в красном поле. Лев – наиболее распространенная в геральдике фигура, символизирующая храбрость и мужество, в более широком смысле символ христианского воина¹⁸. Примечательно, что и в этой миниатюре важный для христианской геральдики принцип наложения цветов нарушается. Еще более удивительно, что на щитах христиан в красном поле изображены черные полумесяцы – типичный визуальный знак ислама. Можно было бы предположить, что так художники изображают примкнувших к христианам сарацин, о которых говорится в хронике, но вряд ли миниатюристы столь внимательно читали тексты. Возможно и другое предположение – система изображения иноверцев, как и впрочем христиан не была очень жесткой и стабильной и могла обновляться за счет заимствования чужеродных элементов¹⁹.

Продолжая рассматривать геральдические эмблемы сарацин, обратимся к еще одной миниатюре. Она также происходит из кодекса XIV в., хранящегося в Национальной библиотеке Франции (Ms.fr. 24209, f. 119). Художник проиллюстрировал военную кампанию 1122 г.²⁰ (Рис. 3).

В это время египтяне, воспользовавшись временным отсутствием иерусалимского короля, вторглись в границы государства крестоносцев. Знаменитый барон Эшташ Гарнье собрал войска около Цезарии и оттуда отправился в Яффу. В битве их сопровождал Честной Крест, присутствие которого воодушевляло рыцарей Христа. В результате крестоносцы одержали блистательную победу над сарацинами. Примечательно, что художник опять выбрал для иллюстрации связанный с победами крестоносцев эпизод. Этот момент запечатлен

¹⁸ О нем см.: *Fox-Davies A.C.* A Complete guide to heraldry. L., 1909. P. 180–185.

¹⁹ Подобное предположение в другой связи высказывал М. Пастуро. См.: *Pastoureau M.* Couleurs, images, symbols. Etudes d'histoire et d'anthropologie. P., 1989. P. 90.

²⁰ Willelmi Tyrensis Historia rerum in partibus transmarinis gestarum... Lib. XII, cap. XXI.

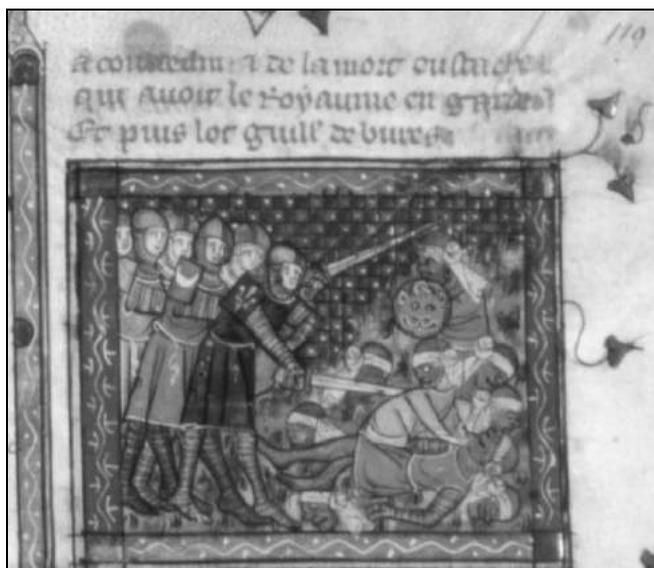

Рис. 3. Ms.fr. 24209, f. 119

в миниатюре: христианские воины, вооруженные мечами, повергают наземь сарацин; вокруг лежат их отрубленные головы. В руке одного из христианских рыцарей круглый щит, на котором анфас нарисован похожий на льва зверь. Прежде всего, обратим внимание на форму щита. С изображением такого щита связано множество иконографических и литературных параллелей. Из средневековых литературных памятников на старофранцузском языке – *chansons de geste* цикла Гильома и Роланда – нам хорошо известно, что круглый щит – своеобразный визуальный признак сарацин²¹. В средневековом изобразительном искусстве – как в живописи, так и в скульптуре, – круглый щит также является неизменным иконографическим атрибутом сарацин.

В частности, в иконографии крестовых походов – это тот визуальный знак, который позволяет отличить

²¹ *Bancourt P.* Les musulmans dans les chansons de geste du cycle du Roi. Aix-en-Provence, 1982. Vol. 2. P. 907–1009. См. также фундаментальное исследование по иконографии «Песни о Роланде»: *Lejeune R., Stiennon J.* La légende de Roland dans l'art du Moyen Age. Bruxelles, 1966.

сарацина от крестоносца²². Еще более интересно изображение на круглом щите в нашей миниатюре. Зверь, нарисованный на щите, как мы уже отметили, напоминает льва. Но, как известно, лев в христианской геральдике изображается в двух позах – вертикальной – лев восстающий (*lion rampant*) или горизонтальной – лев шествующий (*lion passant*)²³. Фигура на нашей миниатюре изображена анфас. Из исследований по средневековой геральдике известно, что похожая на льва фигура, изображенная с мордой анфас (геральдически «настороже») – это «плохой» лев, т.е. леопард²⁴. Так действительно изображали леопарда, которому приписывались различные негативные моральные черты – вероломство, хитрость, коварство и пр.²⁵ Дело в том, что как в bestiариях, так и в церковной литературе и зооморфной иконографии леопард всегда символ отрицательный. У некоторых отцов церкви леопард – образ дьявола или еще чаще – грешника, чья душа запятнана грехами, как шкура этого зверя²⁶. А в литературных памятниках на старофранцузском языке леопард весьма устойчивый символ воина-сарацина²⁷. Круглый щит оранжевого цвета в нашей миниатюре выглядит весьма экзотичным. Он представлен в виде зооморфного существа, в котором угадываются черты леопарда. Это, видимо, один из весьма распространенных визуальных цветовых призна-

²² См.: *Deschamps et Tibout M.* La peinture murale en France, le haut moyen âge et l'époque romane. P., 1951. P. 139: «Le bouclier rond paraît être l'emblème qui, mieux que tout autre, permet de distinguer les Sarrasins des croisés». См. также: *Лучицкая С.И.* Иконография крестовых походов // *Одиссей. Человек в истории.* М., 2002. С. 245–271.

²³ См.: *Арсеньев Ю.В.* Указ. соч. С. 222–223.

²⁴ *Luchitskaya S.I.* Muslims in the Christian Imagery // *Al-Masaq.* 2000. Vol. 12, P. 37–70.

²⁵ См., напр., описание леопарда в трактате Рабана Мавра: *Beati Rabani Mauri De universo // Patrologiae cursus completus. Series Latina.* T. 109. Col. 220.

²⁶ Считалось, что леопард мог менять цвет своих пятен и таким образом вводить противника в заблуждение. См.: *Beati Rabani Mauri De universo...* Ibid.

²⁷ См., напр., *Chansons de Roland: Pastoureau M.* Le bestiaire iconographique du diable. Animaux, formes, couleurs // *Démons et merveilles au Moyen âge.* Nice, 1990. P. 185–199.

ков сарацин, судя по количеству таких изображений в миниатюрах, происходящих из самых разных кодексов²⁸.

В целом же рассмотренные три миниатюры позволяют нам составить наиболее общее впечатление о геральдике сарацин в представлении европейцев. Мы могли убедиться в том, что как цвета, так и фигуры, использованные в миниатюрах для характеристики сарацин, нередко позволяют отличить иноверцев от крестоносцев. Разумеется, рассмотренные здесь приемы изображения сарацин не составляют какой-то последовательной и цельной системы: как мы видели, с нарушением принципа наложения цветов, например, мы встречались как в христианской, так и в мусульманской геральдике. Часто видим в геральдике сарацин изображения звезды как знака Востока и полумесяца как визуального знака ислама, хотя полумесяц вне всякой связи с исламом можно встретить и в гербах христиан. Более устойчивыми элементами сарацинской геральдики оказываются геральдические фигуры – изображения кабана, леопарда, которые присущи исключительно миниатюрам, посвященным иноверцам и в то время – в XIV в. никогда не встречаются в миниатюрах, изображающих христианских рыцарей-крестоносцев. Как видим, в целом система изображения сарацин в христианской иконографии нестабильна, лишена формализованного образующего единства, основанного на некоей регламентации. В то же время с уверенностью можно говорить о том, что отмеченные нами визуальные знаки не являются плодом индивидуального воображения художников, а отражением циркулировавших в обществе представлений. Да, мы имеем дело не с настоящей, а с фантастической геральдикой. Будучи воображаемой, она в силу этого является символичной, а значит, максимально соответствует задаче изучения христианских представлений об иноверцах. Как мы имели возможность убедиться, в наших миниатюрах, изображающих сарацин, по существу используются принципы христианской геральдики, в которой ее отдельные элементы инвертируются и наделяются отрицательным смыслом. Сарацины наде-

²⁸ См. другие изображения леопарда в рукописях: Ms.fr. 22495, ff. 229, 235v; Ms.fr. 9083, ff. 52, 109 etc.

ляются такими иконографическими атрибутами, которые в системе христианских ценностей интерпретируются как символы зла или язычества. Таким образом, описывая геральдику сарацин в наших изображениях, мы по существу анализируем не сарацинскую, а христианскую ментальность. Поскольку миниатюристы отделены от изображаемых персонажей и предметов как в пространстве – они жили за пределами Иерусалимского королевства, так и во времени – миниатюры созданы спустя долгое время – то неудивительно, что художники наделяют сарацин фантастическими чертами. Возможно, художники, жившие на латинском Востоке и являвшиеся свидетелями конфликтов между крестоносцами и сарацинами, изобразили бы военных противников крестоносцев более правдоподобно²⁹. Однако следует помнить, о том, что принципы изображения врага в эту эпоху всецело определялись идеологически заданной системой и были призваны отображать не саму действительность, а то, что соответствовало этой идеологической истине. Впрочем, ответу на этот вопрос следовало бы посвятить отдельную статью³⁰.

²⁹ См.: *Buchta H. Op. cit.*

³⁰ Автор статьи намеревается в будущем произвести сравнительный анализ рукописей, происходящих из ателье Сен-Жан-д'Акр и тех, что были созданы во Франции и Фландрии.

Н.П. Чеснокова

**Печати жалованных
грамот русских царей на
православном Востоке
(XVI–XVIII вв.)**

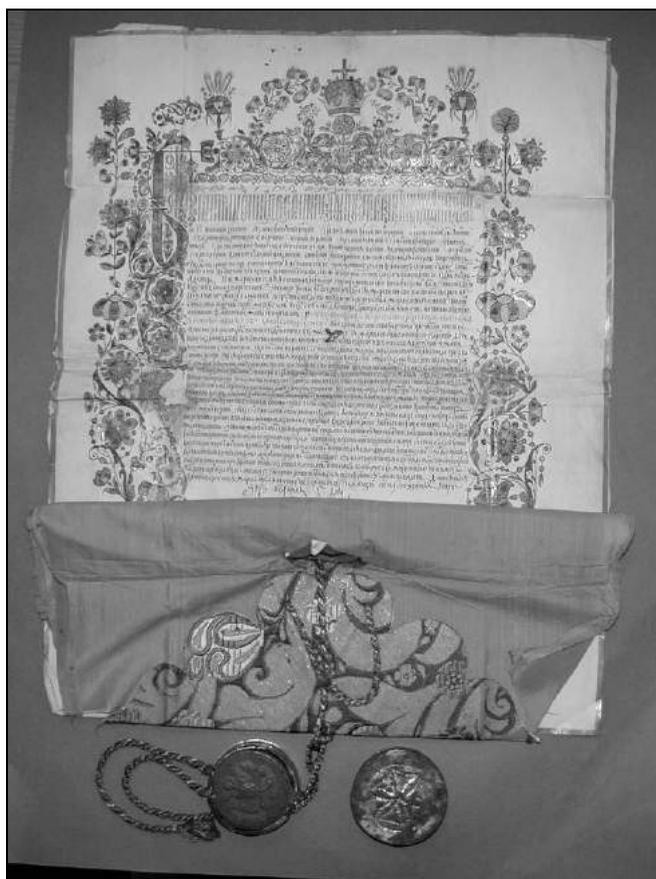
Жалованные грамоты, которые получали приезжавшие в Россию православные иностранцы, являются важными источниками по истории отношений Христианского Востока с Русским государством в XVI–XVIII вв. Они стали основным инструментом взаимодействия русского правительства с греческими, славянскими и арабскими монастырями и частными лицами, которые, благодаря этим документам, приобретали официальный статус, могли рассчитывать на аудиенцию в Кремле, а также получение материальной помощи.

С жалованными грамотами светские и духовные лица возвращались домой, где большая часть актов откладывалась в монастырях Греции, Балканского полуострова, Ближнего Востока и Египта. Обладание грамотами играло большую роль для проезда иноземцев в Россию, т. к. на протяжении XVII в. русское правительство несколько раз предпринимало попытки упорядочить приток просителей милостыни. В начале века в Москву в основном попадали либо представители духовенства в сане не ниже епископа, либо посланцы монастырей, объявлявшие, что везут с собой письма восточных патриархов или мощи святых. Остальные могли быть отправлены из пограничных городов, Путивля или Севска, с небольшим по объему жалованием.

Систематическое изучение царских грамот, сохранившихся на Христианском Востоке, началось еще в XIX в. Некоторым ученым и путешественникам, посетившим знаменитые греческие монастыри, удалось увидеть, скопировать или хотя бы описать их, давая представления о характере документов, практически недоступных широкому кругу исследователей¹. В последние десятилетия подлинные жалованные грамоты стали предметом новых научных изысканий². Часть подлинных грамот, дарованных некогда обителям православного Востока и греческим купцам, оказались в собрании Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Как правило, это происходило в тех случаях, когда монастырь получал новую грамоту, а прежнюю оставляли в Посольском приказе. Впрочем, каждый из этих документов имеет свою судьбу.

¹ См., например: *Флоринский Т.* Афонские акты и фотографические снимки с них в собрании П.И. Севастьянова. СПб., 1880; *архим. Антонин (Капустин)*. Заметки поклонника святой Горы. Киев, 1864; *Григорович-Барский В.* Второе посещение святой Афонской горы Василия Григоровича-Барского им самим описанное. СПб., 1887; *Успенский П.* Первое путешествие в афонские монастыри и скиты. М., 1846. Т. 2; *Он же.* Указатель актов, хранящихся в обителях св. Горы Афонской // ЖМНП. 1847. Ч. 55, № 7–9; *Он же.* Второе путешествие архимандрита Порфирия Успенского в Синайский монастырь в 1850 г. СПб., 1856; *архим. Леонид.* Историческое описание Сербской лавры Хиландаря и ее отношения к царствам Сербскому и Русскому. М., 1868. С. 100–101 (грамота Ивана IV 1571 г. Хиландарскому монастырю на подворье в Москве); *Actes de Chilandar. 2-ème partie: Actes slaves* // ВВ. 1915. Т. XIX. Р. 582–584.

² См., например: *Kämpfer F.* Die russischen Urkunden im Archiv des Klosters Hilandar // Хиландарски зборник (Recueil de Chilandar). Београд, 1986. № 6; Синай. Византия. Русь. Православное искусство с VI до начала XX века. Каталог выставки / Под ред. О. Баддлей, Э. Брюннер, Ю.А. Пятницкого. Лондон, 2000. Кат. № S–53; *Пятницкий Ю.А.* Жалованная грамота 1689 г. монастырю св. Екатерины на Синае // Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. II–III. С. 434–450. Там же упомянуты и другие царские грамоты, хранящиеся до настоящего времени в монастыре, а также жалованная грамота 1688 г., которая находится в Ватопедском монастыре (с. 435); *Чеснокова Н.П.* Жалованная грамота царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича афонскому Павловскому Георгиевскому монастырю 1683 г. из собрания Российского государственного архива древних актов // Монфокон: исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. I. М.–СПб., 2007. С. 472–479.

Илл. 1. Жалованная грамота царя Алексея Михайловича греческому купцу из Константинополя Михаилу Николаеву. 30 июня 1658 г. РГАДА.

Кроме подлинников, в распоряжении современных ученых находится значительный по объему пласт черновиков (отпусков) жалованных грамот греческому духовенству и купцам, отложившийся в фонде Посольского приказа (Ф. 52. Оп. 1. «Сношения России с Грецией»). Они имеют исключительное источниковедческое значение: в частности, эти документы позволяют судить о содержании подлинных грамот, которые уходили на православный Восток и до сего дня могли не сохраниться, а также содержат сведения о печатях. Кроме того,

отпуски грамот компенсируют малодоступность оригиналов. Изредка описания печатей встречаются не только в столбцах приказа, но и в приказных книгах, которые вносят ценные уточнения, например, об использовании большой царской печати, например, на грамоте афонскому Ватопедскому монастырю 1646 г.³

Описание государевых печатей сохранилось в источниках XVII в. Одно из них принадлежит подьячему Посольского приказа Григорию Котошихину⁴. В 1664 г. он бежал в Речь Посполитую, позже переехал в Швецию, где и составил для шведского правительства подробное описание русского двора и системы государственного управления России. Другое описание содержит Титулярник, вышедший в свет в 1672 г., там же помещено и изображение печатей⁵. В Русском государстве использовались большая и малая государственные печати. На большой печати в щитке на груди орла находилось изображение всадника, поражающего дракона (чудо Георгия о змие). После присоединения к России Украины по сторонам от орла возникли изображения крепостей, которые символизировали Великую, Малую и Белую Россию, а также восточные, западные и северные владения государства. Вокруг шла надпись с полным царским титулом.

На малой государственной печати изображения всадника и орла размещались на разных сторонах. Надпись включала краткий царский титул без перечня земель. Такая печать в документах называлась «кормленной», т.к. в свое время ее привешивали к жалованным грамотам на кормление. Котошихин писал: «Да в том же приказе (Посольском – *Н.Ч.*) ведомы печати: болшая государственная, которою печатаю грамоты, что посылают в окрестные государства; другая, что печатают грамоты жаловальные на вотчины всяких чинов людем; тою же печатью печатают грамоты х крымскому хану и х калмыкам...»⁶.

³ РГАДА. Ф. 52. оп. 1. Кн. 5.

⁴ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича /Подготовка публикации, вводная статья, комментарии и словарь проф. Г.А. Леонтьевой. М., 2000.

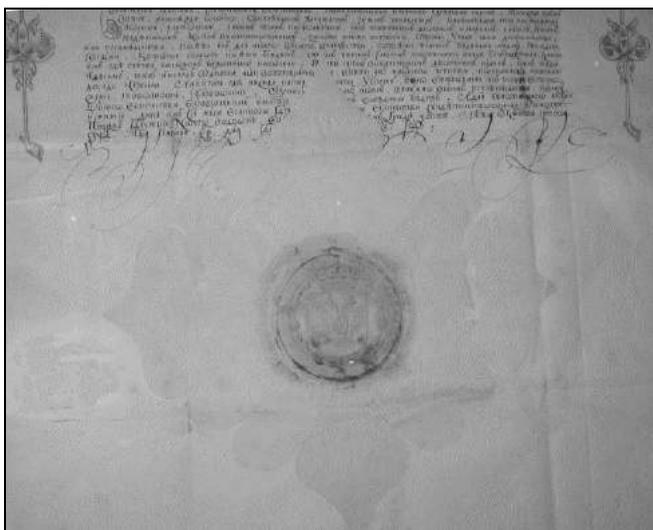
⁵ Титулярник. М., 2007.

⁶ Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 109–110.

Илл. 2. Малая восковая печать грамоты 30 июня 1658 г. РГАДА.

По свидетельствам документов, печати на жалованных грамотах были «отворчатые под кустодией», т.е. прикладные, закрытые для сохранности бумагой, «двойные» или «на обе стороны» (подвешенные на шелковом шнуре), и «кормленные», т.е. малые государственные печати. Для оформления грамот восточнохристианскому духовенству использовалась и большая государева печать, которая применялась в дипломатической переписке с иностранными державами и, казалось бы, не должна

Илл. 3. Отворчатая печать под бумажной кустодией грамоты Петра I. 22 января 1704 г. ГИМ. Экспозиция.

была использоваться в данном случае. Фигурный бумажный лист, наклеенный на отворчатую печать для ее сохранности, в терминологии источника называется кустодией. Бумажная кустодия прикрывала либо собственно печать, либо место прикрепления к грамоте шелкового шнура, на котором печать привешивалась. В западно-европейской традиции кустодией называется и «коробочка», куда для сохранности помещалась печать. В русских архивных документах XVI–XVIII вв. она именуется ковчегом. Если в документе описание ковчега отсутствует, он непременно существовал, чтобы сохранить непрочную восковую печать.

Обычно грамоты запечатывались красными восковыми⁷, точнее воскомастичными, печатями, но бывали и исключения. Отношение русского правительства к восточным архиереям отражалось не только на более торжественном, чем в грамотах монастырям и купцам, формуляре, но и на оформлении данных документов. Например, грамота бывшего вселенского патриарха

⁷ Каиштанов С.М. Русская дипломатика... С. 105 и сл.

Афанасия Пателара (константинопольский патриарх в 1634 и 1652 гг.) была скреплена золотой печатью. В источнике записано: «У подлинной государевой грамоты печать золотая»⁸. Сведения об изготовлении золотой печати для грамоты экс-патриарха Афанасия сохранилась в деле Посольского приказа о первом приезде в

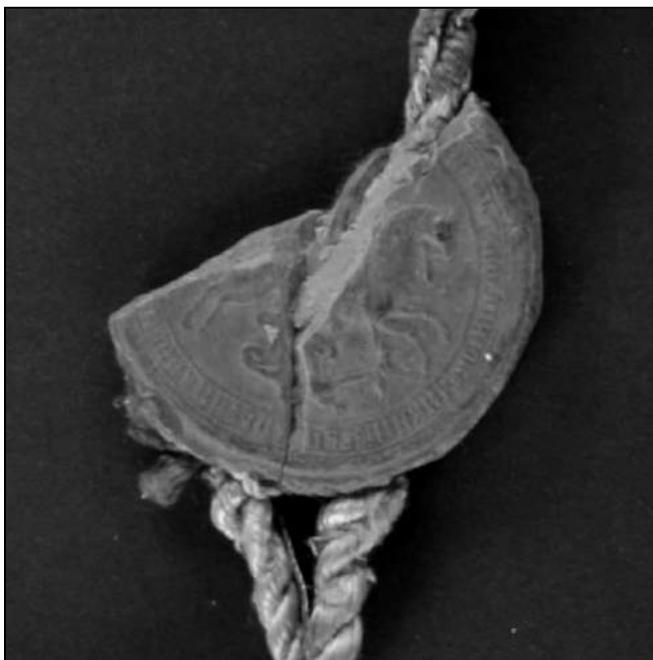

Илл. 4. Ковчег из жести грамоты 30 июня 1658 г. РГАДА.

Россию Макария Антиохийского (1654–1656 гг.)⁹. Царская грамота, выданная самому антиохийскому предстоятелю, также имела золотую печать.

⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1654 г. № 4. Л. 3.

⁹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1654 г. № 21(ч. 3). Л. 85.

Илл. 5. Остатки красной восковой печати жалованной грамоты царя Алексея Михайловича греку из Молдавии Ивану Алексееву. 31 июля 1665 г. РГАДА.

Оформление царских грамот золотыми или серебряными позолоченными печатями имело давнюю традицию. В XVI в. хрисовулы жаловались Иваном Грозным Хиландарскому монастырю на подворье в Китай-городе¹⁰ (1571 г.), Федором Ивановичем, подтвердившим данные права в ноябре 1585 г.¹¹, Борисом Годуновым той же обители на приезд хиландарских старцев

¹⁰ Об истории хиландарского подворья в Москве см.: *Шахова А.Д.* Греки в Москве в XVI–XVII вв. // *Россия и Христианский Восток.* Вып. II–III... С. 186–197.

¹¹ С.М. Каштанов, ссылаясь на публикацию подлинной грамоты, выполненной Ф. Кемпфером, датирует ее ноябрем 1585 г. (*Россия и греческий мир в XVI веке / Отв. ред. С.М. Каштанов. Подготовка к публ. С.М. Каштанова, Л.В. Столяровой, Б.Л. Фонкича. М., 2004. Т. 1. С. 22*). В книге Посольского приказа под документом стоит дата – сентябрь 7094 г. (1585 г.) (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 129).

за милостыней в 1603 г. Исследуя акты XVI в., С.М. Каштанов не исключал возможности оформления грамот золотыми печатями и в более позднее время⁴⁷, что прекрасно подтверждают документы Посольского приказа.

В марте 1624 г. из приказа в Серебряную палату принесли жалованную грамоту Федора Ивановича Хиландарскому Введенскому монастырю с привесной печатью из литого золота. Царь Михаил Федорович приказал изготовить такую же печать «на свое государево имя»¹². Золотая печать была на упомянутой выше ноябрьской 1585 г. грамоте Федора Ивановича на Хиландарское подворье в Москве. По всей вероятности, речь шла о подтверждении прав Хиландарского монастыря на двор в Китай-городе. Таким образом, печать, изготовленная мастером Афанасием Степановым, должна была скрепить грамоту Михаила Федоровича от 30 апреля 1624 г.¹³ В ноябре 1667 г. один из мастеров Серебряной палаты получил плату за изготовление государевой печати из драгоценного металла¹⁴. Возможно, что и этот заказ имел отношение к какой-либо жалованной грамоте, хотя и необязательно дарованной греческому монастырю. Золотые печати имели жалованные грамоты александрийских патриархов Паисия 1669 г. и Парфения 1683 г.¹⁵

Русские государи придавали большое значение оформлению жалованных грамот, дарованных православному подданному турецкого султана. Начало царствования Алексея Михайловича (1645–1676) ознаменовалось выдачей богато украшенных грамот с использованием большой государевой печати.

В конце XVII – нач. XVIII в., когда число вновь выданных жалованных грамот значительно уменьшилось в сравнении со временем Алексея Михайловича, все-таки появлялись новые акты как знак особого отно-

⁴⁷ Россия и греческий мир в XVI веке... С. 21–26.

¹² *Викторов А.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1613–1725. М., 1883. Вып. 2. С. 511–512.

¹³ Список с жалованной грамоты см.: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1624 г. № 6.

¹⁴ *Викторов А.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584–1725. М., 1883. Вып. 1. С. 136.

¹⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Книга № 12. Л. 31.

шения царя к конкретному лицу или обителю. Чтобы подчеркнуть важность пожалования, обычную восковую печать помещали в ковчег из драгоценного металла. Неудивительно, что грамота 1718 г. Петра I вселенскому патриарху Иеремии и его преемникам на ежегодную милостыню в три тысячи рублей (соболями), была запечатана большой государственной печатью в серебряном ковчеге¹⁶. Такой же серебряный ковчег был изготовлен и для грамоты 1701 г. сербскому Архангельскому монастырю¹⁷.

Посланец монастыря, иеромонах Григорий, в мае 1701 г. привез в Москву письма иерусалимского патриарха Досифея, содержащие политическую информацию о положении дел на юге в разгар войны с Турцией и подготовки мирного договора. Сам Григорий оказал активное содействие русским дипломатам, которые вели переговоры в Стамбуле. Заслуги иеромонаха были подтверждены русским источником, доносившем о нем в Посольский приказ. В качестве вознаграждения Григорий, не прося ничего лично для себя, хлопотал о жалованной грамоте в свой монастырь. Такая грамота и была дана сербскому Архангельскому монастырю. Для нее изготовили серебряный ковчег, на верхней крышке которого был «изображен двоголавый орел чеканом»¹⁸.

Грамота императрицы Елизаветы Петровны афонскому Павловскому Георгиевскому монастырю, пожалуй, единственное на сегодня обнаруженное свидетельство о выдаче новой жалованной грамоты в середине XVIII в. Видимо, благодаря хлопотам перед императрицей ее духовника, посланцу Павловского монастыря пожаловали новую грамоту с большой государственной печатью в золотом ковчеге. Этот дар был настолько значительным, что посланцы монастыря не без оснований опасались везти документ через турецкие заставы. В связи с этим был издан указ императрицы, согласно которому, грамоту отправили русскому посланнику в Кон-

¹⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1718 № 2. Л. 8 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1701 № 9. Л. 12, 65.

¹⁸ Там же. Л. 65.

стантинополе, и уже через него передали насельникам монастыря¹⁹.

Илл. 6. Серебряный позолоченный ковчег с печатью императрицы Елизаветы Петровны. ГИМ. Экспозиция.

Сохранившиеся до наших дней печати, например на подлинных грамотах из собрания РГАДА, представляют счастливое исключение из общего правила. Чаще всего печати, как восковые, так и выполненные из серебра или золота, до наших дней не дошли. Хрупкие воскомастичные печати получали повреждения во время дальних путешествий с православного Востока в Россию, как это было с грамотой афонскому Пантелеймонову монастырю 1626 г.²⁰ Печати из драгоценных металлов трудно было сохранить по другим причинам. На них покушались и османские чиновники, досматривавшие путешественников, и разбойники, которые действовали на дорогах. И все-таки посланцы греческих, славянских и православных арабских монастырей, пытались сохранить царские дары. Золотая печать грамоты Хиландарского монастыря на подворье в Китай-городе уцелела благодаря изобретательности афонитов. Чтобы не ездить с жалованной грамотой за золотой печатью, хиландарцы,

¹⁹ АВПРИ. Ф. 52. Оп. 1. 1754 № 1. Л. 41, 44.

²⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1660. № 15. Л. 18.

по-видимому, в монастыре сделали копию, или точнее имитацию, царской грамоты, с которой и приезжали в Москву.

Среди известных по документам жалованных грамот, отправленных на Христианский Восток, сведения о печатях сохранились далеко не для всех актов. Но даже небольшая выборка примеров показывает все разнообразие видов печатей, которые использовались при оформлении грамот²¹.

<i>Шифр архивного дела</i> РГАДА. Ф. 52. Оп. 1.	<i>Дата</i>	<i>Название монастыря или имя архиерея</i>	<i>Описание печати</i>
1588 г. № 1	1588	Благовещенский м-рь на р. Папороти (Папороч)	«Да у той же великого государя грамоты красная отворчета печать»
1592 № 1	1592	Тот же м-рь	«Да у той же государевой грамоты печать отворчета»
1607 г. № 1	1607	Тот же м-рь	«Да у той же великого государя грамоты отворчета печать»
1646 № 12 Книга № 5	1646	Афонский Ватопедский м-рь	«Да у той же великого государя грамоте печать вислая красная» «Печать государьственная большая двойная, привешена на снурке шолковом з золотом»

²¹ Описание печатей приводится в правописании оригинала.

Книга № 5	1646	Афонский м-рь св. Афанасия (Лавра)	«Печать государственная большая двойная привешена на шнурке шелковым»
Книга № 5		Афонский Хиландарский м-рь	«Печать государственная большая двойная привешена на шнурке шелковым з золотом»
1646 № 3 Посольская книга № 5	1645	Благовещенский м-рь на р. Папороти	«Да у той же великого государя грамоте красная отверчета печать. Печать государственная большая двойная привешена на шнурке шелковым золотном»
1647. № 14		Афонский Иверский м-рь	«Привешена печать государева болшая двойная на шнурке шелковым з золотом»
1649 № 2	1647	Редин м-рь г. Ларисы	«Привешена печать государственная большая двойная на шнурке шелковым з золотом»
1647 г. № 17. Книга № 5.	1647	Сербский Милешев м-рь	«Печать к ней привешена государева большая двойная на шнурке золото серебром» «Печать привешена»

			шена государева большая двойная на снурке золот- ном с серебром»
1648 г. № 27	1648	Синайский м- рь св. Екатерины	«Запечатана госу- даревою, кото- рая у печатника, кормленую»
1652. № 37	1652	Солунский м- рь Анастасии Узорешитель- ницы	«Печать приве- шена на гоитгане серебряная позо- лочена»
1652 г. № 38	1653	Сербский Ми- лешев м-рь	«Печать на сере- бренном снурку красная кормле- ная»
1653 № 10	1653	Афонский Фи- лофеев м-рь	(Печать кормле- ная)
1654 № 3	1653	Афонский Павловский Георгиевский м-рь	«Да в той же великого госуда- ря грамоте пе- чать вислая красная»
1654 № 4	1653	Бывший все- ленский патри- арх Афанасий Пателар	«У подлинной государевой грамоты печать золотая»
1654 № 21 (ч. 3)			«...(грамота) за золотою литою печатью»
1656 № 19	1656	Воплощенский м-рь на острове Милос	«Печать на снур- ке вислая»
1658 № 8	1658	Грек Михаил Николаев	«Запечатана госу- дарьской корм- ленной печат- тью»

1669 № 28	1669	Александрийский патриарх Паисий	«А печать к той жаловальной грамоте привешена золотая»
1683 г. № 3	1683	Афонский Ватопедский м-рь	«Запечатано в Печатном приказе вислою печатью, снур шолку красного з золотом, кустодия с фигуры бумажная»
1683 № 7	1683	Афонский Павловский Георгиевский м-рь	(Малая государева печать красного воска в медном ковчеге)
1683 № 8	1683	Александрийский патриарх Парфений	«А печать к той великих государей жаловальной грамоте привешена золотая»
1687 г. № 6	1689	Синайский м-рь св. Екатерины	(Малая государева печать)
1688 № 5	1688	Константинопольский Преображенский м-рь	«Запечатана государскою печатью вислою в Печатном приказе, свешена печать на снуру, снур шолк алой з золотом»
1688 г. № 7	1688	Афонский Ватопедский м-рь	«Запечатана государевою вислою печатью на снуру ниже письма в Печатном приказе печатью на обе страны: на одной орел, а на другой ездец, покрыто

			китайским отласом алым»
1688 № 13	1688	Сербский Милешев м-рь	«Запечатана государевою вислюю печатью в Печатном приказе»
1701 № 9	1701	Сербский м-рь архангелов Михаила и Гавриила	«Да к той же грамоте за... для печати ... серебряных ... ковчеге. На верхней кровле изображен двоглавый орел чеканом. ... того ковчега пошло серебра 8 ефимков»
Ф. 52. Оп. 3. № 96	1705	Греку Параскеве Федорову	«Запечатана та грамота государственною печатью в посольской походной канцелярии»
1710 г. № 19	1710	Греческой церкви в Нежине	«Место печати монаршей. Печать, м.б. походная, Петра I»
1710 г. № 21.	1710	Греку Параскеве Федорову	«... сей оборонительной лист за нашею царского величества печатью дать»
1718 № 2.	1718	Вселенский патриарх Иеремия	Запечатана большою печатью в ковчеге серебряном.

При Петре I для оформления грамот стала применяться печать его походной канцелярии. Ею была скреплена грамота 1705 г., пожалованная греческому купцу Параскеве Федорову. Иконография государевых печатей со временем менялась. Из несколько схематичных, напоминающих образы икон, времени Алексея Михайловича и его ближайших преемников, рисунки на печатях трансформировались в барочные изображения эпохи императрицы Елизаветы. В целом эволюция печатей на жалованных царских грамотах православным монастыря и частным лицам соответствовала изменениям, которым подвергались государевы печати на протяжении XVI–XVIII вв. В настоящее время образцы всех царских печатей можно увидеть в экспозиции Государственного исторического музея.

Е.В. Меланич

Сигнально-запретительная функция и будущее печати

Истории с древнейших времен известны специфические технические устройства, решающие многие практические задачи: контроля доступа; уведомления об определенных запрещениях (например, «не вскрывать, любые попытки будут обнаружены»); удостоверения подлинности объектов (сертификационная функция); удостоверение собственности на объекты; удостоверение определенного качества объектов; удостоверение конкретного производителя данных объектов; удостоверение прав на получение определенных товаров и услуг; учет содержимого объектов и самих объектов и др.¹ Они существуют под различными названиями: печати, пломбы, сигнальные устройства.

Истории с древнейших времен известны специфические технические устройства, решающие многие практические задачи: контроля доступа; уведомления об определенных запрещениях (например, «не вскрывать, любые попытки будут обнаружены»); удостоверения подлинности объектов (сертификационная функция); удостоверение собственности на объекты; удостоверение определенного качества объектов; удостоверение конкретного производителя данных объектов; удостоверение прав на получение определенных товаров и услуг;

¹ *Меланич Е.В.* Применение пломбировочных устройств в целях обеспечения безопасности. Современное состояние проблем // Современное пломбировочные устройства как объекты криминалистического исследования: Материалы международной научно-практической конференции. Под ред. А.Г. Сухарева // Судебная экспертиза. Приложение. Саратов, 2005. С. 35.

учет содержимого объектов и самих объектов и др.² Все эти функции можно объединить под единым названием – сигнально-запретительная функция. Описываемые технические средства существуют под различными названиями, в том числе печати, пломбы, сигнальные устройства.

В древности все эти устройства получались преимущественно посредством наложения разнообразных матриц на мягкий материал таким способом, чтобы образующееся в результате устойчивое соединение с изображением, часто на отвердевающем материале – оттиск – составлял в результате некое единое невосстанавливаемое после разрушения целое. Полное восстановление такого устройства могло быть осуществлено только при повторе всей технико-технологической процедуры, для которой требовалось, как минимум, использование оригинальной печати (матрицы). Этим обстоятельством обосновываются многочисленные требования к изготовителям печатей с одной стороны и к хранению готовых печатей пользователями с другой.

Печати и аналогичные им устройства известны человечеству уже около 6000 лет и появились задолго до возникновения письменности. Их изобразительной основой были знаки родовой, а впоследствии и индивидуальной собственности.

Древнейшими печатями-матрицами были цилиндрические ассирийско-вавилонские и египетские печати³, а затем и печати-геммы различных форм. Глиняные таблички с надписями начиная с 5000 г. до н. э. нередко помечали рисунком со штемпеля или цилиндрической печати. Эта надпись утверждала документ и отождествляла с автором. Глиняные таблички могли также быть расположены внутри глиняного конверта, опечатанного для обнаружения вмешательства. Ранние матрицы, исхо-

² Меланич Е.В. Применение пломбировочных устройств в целях обеспечения безопасности. Современное состояние проблем // Современные пломбировочные устройства как объекты криминалистического исследования: Материалы международной научно-практической конференции. Под ред. А.Г. Сухарева // Судебная экспертиза. Приложение. Саратов, 2005. С. 35.

³ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. Учебное пособие. Изд. 2-е. М., 1974.

дя из дошедших до нас свидетельств и памятников, делались в виде небольшого цилиндра из камня или металла. На них вырезались негативные изображения подчас достаточно сложных рисунков, геометрических изображений или надписей. Материалом для оттиска чаще всего служила глина. Уже в Древнем мире было много печатей-перстней, особенно с резными полудрагоценными камнями, были известны матрицы из металла.

Египтяне использовали печати для опечатывания папирусных документов, начиная с 2500 г. до нашей эры. Они применяли печати как своего рода запретительные знаки и в гробницах. Когда работы в погребальной камере заканчивались, и в нее помещалась мумия, дверь замазывалась глиной или штукатуркой и наносилась печать. Открывание двери было невозможно без нарушения печати. Она механически не препятствовала этому (это вообще не входит в функции печатей – это задача замков и прочих запирающих устройств), но делала очевидным факт проникновения или попытки такового. Целостность или нарушение запретительных знаков и в наше время при археологических раскопках могут, вероятно, служить указанием на то, было ли ограблено захоронение.

Емкости (такие, как амфоры, горшки или кувшины) защищались слоем глины или смолы, нанесенным на крышку, горлышко, отверстие или заглушку. После этого применялась печать для выдавливания рисунка на глине нажатием на штемпель или качением цилиндра по глине. Затем глину сушили, иногда на солнце. Любая попытка открытия емкости должна была привести к разрушению материала оттиска. Восстановление рисунка для повторной закупорки (и утаивания факта его открытия) требовало значительного времени и умения, если у нарушителя не было оригинальной печати. Широкое распространение печати получили в Древнем Риме, где они применялись для опечатывания писем, документов и предметов (шкафов, сундуков, ларцов и проч.). С точки зрения истории печатей определенный интерес представляет и монетная чеканка. Древнейшие монеты вполне можно рассматривать как небольшие слитки благородного металла, снабженные печатями, удостоверяющими их качество и вес.

В Средние века матрицы изготавливались преимущественно из металла, но известны примеры матриц из камня, кости, дерева, стекла. История печати сопровождается историей подделок привешенных или приложенных к документам печатей. Поэтому для определения аутентичности актов необходима была экспертиза печатей. Центрами проверки их становятся средневековые суды, государственные и духовные учреждения, т.к. они же и выдавали документы. На первое место выдвигается канцелярия папы римского, где были созданы специальные списки возможных способов подделки удостоверительных устройств. В письме папы римского Иннокентия III 1198 г. к архидьяконам, архипресвитерам и каноникам Милана приводится десять возможных примеров подделки вислых и прикладных печатей, начиная от случаев прикладывания примитивно рубленых фальшивых печатей и заканчивая мастерским способом снятия печатей с оригинальных документов и прикрепления их к сфальсифицированным актам⁴. Папское послание сегодня воспринимается двояко: оно не только информировало ответственных клириков о возможных способах подделки удостоверительных знаков, но в принципе вполне могло и послужить известного рода руководством для производства собственных фальшивок. Интересно отметить, что средневековые монастыри, будучи основными хранилищами актов, были и основными центрами фальсификации удостоверительных знаков на документах.

Для получения оттиска в Средние века использовались и такие металлы как золото, серебро, свинец и олово. Правда, за исключением папских булл и булл суверенов высшего уровня, говорить о массовом распространении таких печатей не приходится. Наиболее массовым материалом оттиска средневековой печати был воск.

По способу крепления к документам печати делились на две большие группы: вислые и прикладные.

⁴ Innocentii III PP. Regestorum Lib. I. CCCXLIX. Archidiacono, archipresbytero, et canonicis mediolanen. *Quot medis crimen falsi circa bullas apostolicas committatur.* (Spolet., II Non. Septemb.) // *Patrologiae cursus completus. Series Latina* / Ed. J.P. Migne. P., 1855. T. 214. Col. 321–324.

Вислые печати наибольшее распространение получили в Западной Европе, в Италии, Византии, балканских странах и на Руси. Они подвешивались к документам на шнуре или узких полосках из различных материалов. Вислые печати-оттиски, к которым относятся и буллы, были чаще двусторонними и делались из свинца, золота, изредка серебра, а в большинстве своем из воска, а с XVI в. из сургуча. Воск для печатей с XII в. подкрашивался специальными добавками в красный цвет, красно-коричневый, зеленый, а иногда и в другие. С конца XIV в. для некоторых светских (королевских) или духовных (орденских) канцелярий наличие печати определенного цвета часто было особой привилегией или признаком времени действия документа.

Форма матриц была различна: круглые, овальные и др. Применявшиеся для оттиска двусторонних вислых печатей матрицы представляли скрепленные между собой диски (для булл – снабженные удлинителями наподобие клещей или ножниц – буллотиири). Со временем матрица прикладных печатей стала снабжаться рукояткой, что облегчало пользование печатью при увеличении количества производимых оттисков.

Примерно с IV в. н. э. до настоящего времени используются буллы, представляющие собой хорошо известные и в современной практике свинцовые пломбы⁵. Свинцовые пломбы состоят из небольшого кусочка свинца с отверстиями для пропуска опечатывающей проволоки или струны. Проволока (или струна) пропускается через опечатывающий засов емкости или двери, или даже оборачивается вокруг скрученного документа. Затем проволока пропускается через отверстия в свинце перед обжатием свинца для фиксации проволоки. Часто при обжатии свинца на него наносится буквенно-цифровая информация, логотип или номер. В последние годы популярность свинцовых пломб снизилась из-за нетехнологичности их установки и связанных со свинцом как материалом изготовления угроз здоровью и окружающей среде.

⁵ Зуев Е.И. Экспертное исследование железнодорожных пломб. М., ВНИИ МВД СССР, 1980.

Начиная с XII в. в Европе широко использовались восковые печати-оттиски. Постепенно прикладные печати, получаемые в результате того, что на пергамент наносили расплавленный воск, к которому прикладывалась матрица, вытеснили вислые печати. Впоследствии вместо воска чаще стали применять сургуч, или как его называли, «испанский воск». В XVII–XVIII вв. весьма распространенной в частном пользовании матрицей было кольцо-печатка с выгравированным рисунком.

Практике хорошо известны накладываемые вручную или при помощи специального устройства (пломбира) глиняные, металлические, восковые, сургучные, мастичные или даже пластилиновые оттиски печати. Печати могут наноситься и на полоски бумаги с подписью и печатью, устанавливаемые с помощью клея (т.н. опечатывание). Материалы изготовления матрицы или штемпеля тоже могут варьироваться и использоваться те, что допускает технология времени – от камня и металла до каучука, резины и пластмассы. Печати различны по типам и существуют в истории под разными названиями в зависимости от времени и региона. Известные под различными наименованиями и видами печати – цилиндры, буллы, моливдовулы, геммы с врезанными (инталио) или выпуклыми (камео) изображениями и др. – появились тысячелетия тому назад, но сущность их на протяжении этих тысячелетий оставалась одной и той же, несмотря на преобладание в различные времена тех или иных функций.

Удостоверительная или запретительная способность печатей и других оставляемых знаков проявлялась в двух группах признаков: подлинности и оставлении следов при любых доступных времени способах распечатывания. Оставление следов достигалось достаточно высокой пластичностью используемых материалов в сочетании с известной хрупкостью, которая позволяла без затруднений вскрыть опечатанное владельцем или получателем и в то же время легко обнаружить попытки несанкционированного доступа. Подлинность печатей во все времена, обеспечивалась сложными технологиями их изготовления, ограниченностью и подконтрольностью мастеров, а также контролем за хранением матри-

цам печатей (например, хранителями печатей русских царей часто были их духовники).

Что же является общим, объединяющим для них признаком, и в какой мере современные и, возможно, будущие технологии влияют на развитие печатей? В какой мере современные сигнальные устройства можно считать печатями?

В XX веке, в связи с развитием социальных и производственных отношений, появилась необходимость в применении более технологичных устройств, обладающих не только родовыми, но и индивидуальными признаками. Потребовалось ускорение всех процессов и, как следствие, возникло желание пользователей сократить время установки (и снятия) сигнальных устройств. Потребовалось также получение большего удобства при установке этих устройств. Одновременно с трудностями выявления несанкционированного вскрытия сигнальных устройств появилась потребность в автоматизации учета сигнальных устройств и их показаний.

На основе новых технологий и материалов произошло расширение контрольных функций сигнальных устройств в виде нанесения дополнительной информации, с использованием сложных изображений (голограммы), специальной маркировки, варьирования цветом устройств и др. Одновременно расширился диапазон механических возможностей сигнальных устройств, противодействующих «силовыми» методами их нарушению (болтовые, тросовые пломбы для контейнеров и транспорта). Не последнюю роль сыграла и необходимость ухода от вредных для здоровья материалов.

Оказывает свое влияние и такой фактор как расширение методов подделки контрольных устройств. От пломбировочного или опечатывающего устройства потребовалось и усиление контроля ответственности технологического персонала, т.е. тех лиц, которые в силу своих служебных обязанностей являются контролерами и инспекторами. Усиление контроля над инспекторами предполагает лишить инспектора возможности переустановить уже однажды установленное номерное сигнальное устройство на объект, в отличие от такой возможности, например, со свинцовыми безномерными

пломбами. У номерных сигнальных устройств отсутствуют дубликаты, т. к. новые сигнальные устройства обладают не только родовыми, но и индивидуальными признаками уже при их заводском изготовлении. Таким образом, новые номерные сигнальные устройства уникальны.

Таковы основные причины появления устройств современного вида.

На современном этапе применяются тысячи различных видов устройств, аналогичных печатям по отдельным функциям или по целому их комплексу. Анализ показывает, что в настоящее время отсутствует единый терминологический аппарат по рассматриваемой теме, как отсутствует и термин, объединяющий все роды и виды таких устройств.

В России современные сигнальные устройства начали применяться с начала 1990-х гг. Российской практикой был воспринят термин «пломба» и «пломбировочные устройства» для нового рода объектов по аналогии с широко применяемыми свинцовыми пломбами⁶. Для большинства из них общий термин «пломбировочные устройства» (применяемый, в том числе, и в ГОСТ 31282-2004) не совсем подходит, поскольку никакого свинца они зачастую не содержат.

В последнее десятилетие начали появляться новые устройства с электронными компонентами. Такие устройства изготавливаются с источниками питания или без них. В связи с дальнейшей необходимостью повышения технологичности процессов материального оборота, все чаще наблюдается совмещение нескольких функций в одном устройстве. Так, появились комбинированные устройства с дополнительными функциями силовой преграды, т. е. запирающего устройства или замка, упаковки, затяжки горловины мешков и др.

В современной юридической теории и практике вполне обосновано рассмотрение всех видов описываемых в статье специальных устройств как единого класса

⁶ Пломба (от лат. *plumbum* – свинец), сплюснутый кусочек свинца, мастики и т.п. с оттиском печати (клейма), привешиваемый к различным предметам, приборам, дверям помещений, вагонов и т. п. в качестве запретительного знака.

«сигнальных устройств»⁷. Содержание термина предполагает, что это «сигнальные устройства» и не в широком (учитывая, что и светофор, и звуковая и световая сигнализация, семафор, сигнальные лампы, телефонные аппараты, сигнальные приборы, сигнальные ракеты и мн. др. являются сигнальными устройствами), а в узком смысле. Исследования специальной литературы, теории и практики применения сигнальных устройств, открывают их практическую направленность к выполнению функций по сбору, хранению, обработке, передаче важной для контролируемых ими процессов информации по удостоверению неприкосновенности, усилению способности активной подачи информационного сигнала, в том числе дистанционно и автоматически. Этот термин одновременно является более точным отражением активной информационной сущности таких устройств и нередко используется в специальной литературе⁸.

Все сигнальные устройства, в том числе и свинцовые пломбы, как частный случай, обладают способностью быть источником криминалистически значимой информации. Она выражена в таких признаках сигнальных устройств как сопротивление подделкам и появление характерных следов при любых способах распечатывания⁹ и потому эти устройства являются объектом трасологической экспертизы замков, запирающих механизмов, пломб и закруток (Приложение № 2 к Приказу МВД России от 29.06.2005 № 511)¹⁰.

Претерпели изменения основные материалы отпечатавшихся от глины и воска к синтетическим пленкам, оптоволокну, различным пластикам, а также вспомогательные материалы крепления от полосок пергамена, бечевы, шнуров к использованию проволоки, нитей,

⁷ Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Россинской. М., 1999. С. 305.

⁸ *Россинская Е.Р.* Криминалистика. Вопросы и ответы: Учеб. пособие для вузов. М., 2000. С. 94; Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Россинской. М., 1999. С. 305.

⁹ *Меланич Е.В.* Экспертные исследований сигнальных устройств: современное состояние и перспективы развития. // Актуальные проблемы российского права. № 1 (3). М., 2006. С. 388, 397.

¹⁰ Криминалистические экспертизы, выполняемые в органах внутренних дел: Справочное пособие / Под ред. И.Н. Кожевникова, В.Ф. Статкуса. 2-е изд. М.: ЭКЦ МВД России, 1992. С. 44.

клея, струн и стальных тросов. Вспомогательные средства для установки сигнальных устройств: цилиндры, геммы (инталио, камео), буллотории, различные матрицы, штампы, штемпели, пломбиры тоже проделали эволюцию и сегодня сигнальные устройства обладают индивидуальным внутренним механизмом самоопечатывания, а также существуют сложные инструменты как для опечатывания (специальные прессы), так и для снятия таких устройств (болторезы, тросорезы).

Наряду с простыми индикаторными, как правило, пластмассовыми или ленточными, пломбами универсального применения для опечатывания небольших объектов (мешков, огнетушителей, счетчиков и другой контрольно-измерительной аппаратуры) существуют силовые тросовые и болтовые пломбы для контейнеров. Наряду с этим есть голограммы, номерные наклейки защитные ленты с проявляющейся надписью (для коробок и упаковок). Отдельный вид составляют секьюрити-пакеты и сумки для перевозки документов и ценностей. Есть механические средства контроля доступа к врезным замкам, индикаторные браслеты для контроля посетителей в офисах, развлекательных комплексах, на конференциях и фестивалях, которые можно снять только нарушив их целостность, не говоря уж об ультрафиолетовых средствах скрытой маркировки; существуют многоцветные индикаторы удара, падения и даже переворачивания груза, что повышает ответственность грузоперевозчиков и помогает в разрешении вопросов при наступлении страхового случая.

Одним словом, их очень много и они довольно разнообразны.

Тем не менее, мы можем попытаться дать определение понятия сигнального устройства, сузив его до необходимого содержания. Сигнальное устройство (в узком смысле) – это преимущественно одноразовое техническое средство, предназначенное для контрольно-информационной цели в виде специфических информационных носителей криминалистически значимой информации, выраженной в устойчивой совокупности двух групп признаков, обеспечиваемых конструкцией и технологией производства: подлинности и целостности

механизма (системы), обеспечивающей преграждение несанкционированного вскрытия и повторной установки. Сигнальные устройства нового поколения отличаются уникальными индивидуальными признаками подлинности и целостности.

Сигнальные устройства применяются для обеспечения многофункционального контроля, с возможностью получения доказательственной и ориентирующей информации. Исторически сложилось, что сигнальные устройства применяются как устройства по контролю доступа к объектам, подтверждают качество объектов, удостоверяют подлинность объектов, удостоверяют изготовителя объектов, подтверждают собственника объектов, подтверждают права на предоставление определенных товаров и услуг, предупреждают о запретах, являются носителями учетной информации. Наряду с этими задачами, комбинируясь в единое устройство, сигнальные устройства могут выполнять и принципиально другие задачи: силовой преграды – запирающего механизма или замка, механического стягивания, упаковки, специальной маркировки и др.

Итак, в любом случае наличие печати является определенным свидетельством подлинности. Печать служит знаком удостоверения документа, придания ему юридической силы. Если все признаки рассматриваемой печати соответствуют признакам других печатей того времени, то, следовательно, можно говорить не только о подлинности самой печати, но и о подлинности документа, который сопровождается этой печатью. Напротив, если признаки печати не соответствуют признакам других печатей того времени, то это дает основания сомневаться в подлинности и самого письменного источника¹¹.

Если мы будем рассматривать печати как картинки, как носители определенных изображений-оттисков, то, разумеется, многие современные устройства, и в еще большей степени устройства будущего, не могут считаться в полной мере печатями. Но если критерием полагать не изображение или материал, а функцию, то все

¹¹ *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. Изд. 2-е. М., 1974. С. 9.

становится далеко не так однозначно и появляется пространство для дискуссии. Если рассматривать печать как носитель информации, то восковой или мастичный оттиск печати вполне ею обладают. Но, если носитель не столь архаичный, а, допустим, электронный, и информация тоже внесена в электронном виде, то оказывается, что разница только в носителе и виде записи информации, а функциональная суть печати от этого не меняется и сохраняется полностью.

Поэтому можно предположить, что совпадение функций дает основания рассматривать все печати начиная с древнейших как сигнальные устройства, а с другой стороны современные устройства для контроля за целостностью и аутентичностью объекта можно рассматривать как печати. Не всегда возможно представить, какие технологические перемены ожидают в будущем, и вполне можно допустить появление таких технологий, о возможности которых сегодня трудно даже строить предположения, но если брать за основу анализа и классификации не изображение, а функцию на основе определенной информации, то и их вполне можно будет считать полноценными печатями и исследовать их как таковые, как в криминалистическом, так и в историческом плане.

В.А. Антонов

Дворянские и гербовые грамоты в скандинавских странах позднего Средневековья (по поводу кн.: Adels- og våbenbrevne udstedt af danske (unions-) konger indtil 1536 / Udgivet af Nils G. Bartholdy. – København: Selskabet for Udgivelse af Kilder til dansk Historie, 2007. 231 s.)

В 2007 г. «Общество по изданию источников датской истории» (г. Копенгаген) опубликовало документы под названием «Дворянские и гербовые грамоты, составленные от имени датских (союзных) королей до 1536 года». Издание подготовил к печати Нильс Бартольди, многолетний архивариус Государственного архива Дании, член Международной академии геральдики, один из ведущих исследователей истории датской геральдики.

Публикация грамот произведена в соответствии с обычаями и правилами издания исторических документов, установившимися в датской и в целом европейской дипломатике. Большинство представленных документов сохранилось или в подлиннике, или в списках. Но о содержании некоторых документов известно только по реестровым записям, произведенным в позднейшее время (XVI–XVIII вв.). Эти записи, которых насчитывается 26, вошли в число собранных в книге грамот в соответствии с обычаями дипломатики. Все тексты документов

переданы на том языке, на котором они написаны в обнаруженном источнике. Как правило, то был датский язык позднего Средневековья в его разных диалектах. Но есть также документы, составленные на немецком (средненижнемецком) языке (15) и по-латыни (3).

Все документы расположены в хронологическом порядке, согласно времени их составления. Каждый письменный памятник имеет свой номер и сопровождается указанием на дату и место его написания. Сохранившиеся грамоты или позднейшие известия о документах предваряются кратким изложением их содержания на современном датском языке. Ниже текста памятника сообщается о подлинности грамоты или ином ее состоянии, о месте ее хранения или обнаружения (книжные и документальные собрания), указываются сведения о печатях при их наличии, прежние публикации документа и литература о нем. Здесь же, по возможности, предоставляемой источниками, дается краткая справка о лицах, поименованных в документе, и описания их гербов, если оно отсутствует в самом документе. Те оригинальные грамоты, в которых наличествуют словесные описания гербов и их художественные изображения, представлены с этими последними в виде отдельных фотографических цветных снимков. Прочие документы, заключающие описание гербов, которые не сохранились в подлиннике, также в большинстве своем сопровождаются изображениями этих гербов (цветными или черно-белыми), если таковые издателю удалось обнаружить. Надо, однако, иметь в виду, что последние изображения созданы в более позднее время (XVI–XVIII вв.), а потому несут на себе печать художественных понятий иных эпох в истории искусства, что с неизбежностью влияло на стиль передачи отдельных элементов герба, в особенности щита и шлема.

Публикация документов предваряется списком принятых в ней сокращений и кратким обзором грамот, с указанием даты и места их составления, а также их содержания. Вслед за публикацией помещены описания гербов или упоминания о них, которые обнаруживаются в документах, с указанием номера грамоты, времени ее составления и имени получателя герба. Всего таких

грамот насчитывается 87. Далее следует «геральдический регистр» (*heraldisk register*), заключающий алфавитный перечень «фигур» (*figurer*), называемых в описаниях гербов, а также регистры имен лиц и географических названий, находимых в грамотах. Все эти указатели сопровождаются сообщением о годе составления грамоты и ее номером в публикации. В регистре имен еще добавлены титулы, должности и места проживания перечисляемых лиц. Весь этот вспомогательный и нужный для читателя материал также подготовлен издателем грамот.

Свою публикацию Н. Бартольди хронологически привязывает к определенной эпохе. Во «Введении» он оговаривает верхний временной рубеж, которым ограничиваются издаваемые им источники. Таким рубежом поставляется год 1536, ознаменовавшийся провозглашением в Дании лютеранской Реформации, окончанием в Датском королевстве внутренней междоусобицы и фактической утратой Норвежским королевством независимости. Однако не Реформация, о которой упоминает Н. Бартольди, и политические события, о которых он не вспоминает, выставляются издателем в качестве основания для выбора избранной даты. Главным исходным моментом для него здесь является преобразование службы герольдов королей Дании и Норвегии¹. В этой связи он обращается к фактам, освещающим историю становления и развития института герольдов в Западной Европе периода Средневековья, а вместе с тем и к истории герольдов датских королей. В этом ему помогают труды историков геральдики².

В частности, Н. Бартольди отмечает, что с раннего времени герольды должны были «идентифицировать гербы и знамена» (*identificere våbener og faner*), а также на них возлагалась «задача по организации турниров», что с «необходимостью» предполагало «знание эмблем гербов и знаков шлемов участников»³ этих турниров. С

¹ *Bartholdy N.G.* Indledning // *Adels- og våbenbreve udstedt af danske (unions-) konger indtil 1536*. S. 21.

² *Ibid.* S. 21–24.

³ «Herolderne fik tidligt til opgave at organisere turneringer, hvor kendskab til deltagernes våbenmærker og hjelmtegn var nødvendig» (*Ibid.* S. 21).

середины XIV в. герольды являлись непременно среди придворных должностных лиц европейских государей. Вскоре затем при дворах различных правителей служба герольдов начинает упорядочиваться иерархически посредством распределения их обязанностей между гербовым королем, собственно герольдом и младшим герольдом с их особыми должностными именами, производившимися от «географических областей и геральдических фигур»⁴, а также от орденов, если они были орденскими герольдами. Вместе с тем герольды различных областей находились часто в контакте друг с другом, что «несомненно, способствовало развитию однородной геральдической терминологии и общих правил»⁵.

В XV столетии в различных странах появляется ряд сочинений, в которых характеризуется должностное предназначение герольдов. Н. Бартольди называет произведения двух авторов-герольдов из числа «других теоретиков, особенно французских и английских», которые «внесли вклад в то, чтобы геральдика стала системой»⁶. В первом, вышедшем из-под пера герольда арагонского короля с именем Сицилия (около 1435 г.), сообщается «об обязанностях герольдов и об искусстве блазонировать гербы»⁷. Другое в том же духе было написано гербовым королем герцога Бургундского Золотое руно (Toison d'Or). К этому можно добавить, что к ранним сочинениям, в которых уделено значительное внимание герольдам, в том числе их иерархии, принадлежит трактат о военном деле (De Studio Militari) англичанина Николаса Аптона (до 1446 г.), хотя последний сам герольдом не был.

Но еще раньше, чем проявить себя на литературном поприще, герольды прославились как составители особых книг, заключавших изображения гербов. Эти

⁴ «...der dannes et embedshierarki: våbenkonge, herold, persevant... De havde som regel embedsnavne efter geografiske områder eller heraldiske figurer; enkelte var knyttet til fyrstens orden og havde derfor embedsnavn svarende hertil» (Ibid. S. 21).

⁵ «Herolder var ofte i kontakt med herolder fra andre områder, hvilket tvivlsomt befordrede udviklingen af en ensartet heraldisk terminologi og fælles regler» (Ibid. S. 21).

⁶ «...teoretikere, især franske og engelske, bidrag til, heraldikken blev et system» (Ibid. S. 21).

⁷ «Kongen af Aragoniens herold "Sicilien" skrev ok. 1435 om heroldernes pligter og om kunsten at blasonere våbener» (Ibid. S. 21).

средневековые «гербовники», созданные в «Англии, Франции, Нидерландах, Германии, Австрии, Северной Италии и Испании», часто представляющие собой замечательные памятники книжного искусства и в целом художества, «могут рассматриваться в качестве образующих норму геральдического изобразительного стиля». Поэтому неслучайно, что именно герольды в некоторых странах (в Англии, Франции, Германии и др.) уже с XIV в. имели или, предположительно, могли иметь отношение к составлению гербовых грамот, в том числе и как лица, способные провести геральдическую экспертизу⁸.

Первые известия о существовании герольдов в скандинавских королевствах восходят к XIV в. При Эрике Померанском (1396–1437) была учреждена должность герольда уже «трех королевств», – Датского, Шведского и Норвежского, – в которых этот государь царствовал. При другом короле Дании, Швеции и Норвегии, Кристиане I (1448–1481), по иноземным образцам создается «организация герольдов». Она состояла, как и у других государей этого времени, из гербовых королей, герольдов и персевантов, которые носили имена стран (Дания, Швеция, Норвегия) и датских земель (Зеландия, Ютландия и Лолланн), добавлявшиеся, по обыкновению, к личным именам. После смерти в 1524 г. одного из датских герольдов, которого звали Ханс Ютландия (Hans Jylland), среди его имущества была обнаружена «книга с гербами, которую обычно имеют герольды»⁹. Данный факт, как считает Н. Бартольди, позволяет предполагать, что в Средневековье герольды скандинавских королей, как и государей других стран Западной Европы, помимо иных своих должностных обязанностей, занимались геральдическим искусством и вместе с тем «создавали и устанавливали правила и особый язык геральдики», что влияло на «письменные пожалования гербов государя»¹⁰.

На таких началах служба герольдов «союзных» скандинавских королей просуществовала приблизительно

⁸ Ibid. S. 21–22.

⁹ «Item en bog mett woffnn wtj, som herolldher plege att haffue» (Ibid. S. 23–24).

¹⁰ «...herolder... skabte og fastholdt heraldikkens regler og særlige sprog og i større eller mindre udstrækning prægede fyrsternes skriftlige våben-tildelinger...» (Ibid. S. 24).

до 1536 г., а именно до того времени, когда при дворе короля Дании и Норвегии Кристиана III (1534/36–1559), а затем и его преемников, стали упоминаться лишь два герольда, которые носили уже только свои личные имена и фамилии. Ко времени этой реформы Н. Бартольди и приурочил верхний хронологический предел своей публикации¹¹, чем, несомненно, подчеркнул причастность герольдов скандинавских королев позднего Средневековья, по крайней мере, к геральдической составляющей тех грамот, которые представлены в настоящем издании.

Но можно ли согласиться с таким обоснованием верхнего временного ограничения публикации дворянских и гербовых грамот? Думается, что нет. И вот по каким основаниям. На первое указывает сам же Н. Бартольди. Все опубликованные им грамоты, составленные от имени королев, вышли из королевской канцелярии и не содержат каких-либо упоминаний о герольдах. Отсутствуют такие упоминания и в тех нескольких документах, включенных в настоящее издание, которые были написаны от имени частных лиц. К этому добавим, что служба герольдов скандинавских королев, как бы она ни была организована, продолжала существовать и после 1536 г., а вместе с тем продолжало существовать и геральдическое искусство в Дании, Норвегии и Швеции. Более того, именно на середину XVI в. и последующее время приходится создание всех ныне известных в этих странах гербовников, не считая других многочисленных памятников, на которых присутствуют изображения гербов. Поэтому, следуя логике Н. Бартольди, приходится допустить, что и после указанного года датско-норвежские и шведские герольды имели отношение к геральдическому искусству своих стран и определяли характер словесных описаний и художественных изображений гербов в дворянских и гербовых грамотах королев Дании–Норвегии и Швеции. Но в таком случае непонятно, чем 1536 год важнее года, скажем, 1660 в деле составления дворянских и гербовых грамот.

Следует также иметь в виду, что, хотя в названии книги говорится о грамотах, составленных до 1536 г., на самом деле издание завершается тремя документами,

¹¹ Ibid. S. 24.

которые датированы другими годами: два – 1532 и один – 1546. Причины опубликования документа 1546 г. Н. Бартольди объясняет тем обстоятельством, что в нем содержатся сведения о «дворянской» грамоте, составленной в царствование Кристиана I (1448–1481). Среди представленных грамот обнаруживаются еще документы, написанные в 1570 г. (№ 47) и 1580 г. (№ 79). Но, в отличие от грамоты 1546 г., они помещены под соответственно 1430 и 1458 гг., и сделано это на том основании, что в них содержатся сведения о грамотах, составленных в эти годы от имени короля Эрика Померанского, в первом случае еще как царствующего государя, во втором – в бытность его королем-изгнанником. Так или иначе, но сам факт, что все отмеченные только что документы не датированы 1536 г., также позволяет усомниться в правомерности отнесения именно к этому году окончание публикации.

Кроме того, непонятно, как соотносится приурочивание завершения публикации к 1536 г. с выражением «датские (союзные) короли», смысл которого, кстати сказать, никак не объясняется издателем. Поэтому нам остается только догадываться, что здесь имеется в виду тот исторический период, когда скандинавские страны (Дания, Швеция и Норвегия) часто имели одного короля на основе заключения или подтверждения союза (унии) руководящими лицами этих стран. Поскольку в этот период, в историографии известный как «эпоха Кальмарской унии» (1397–1523), «союзные» короли сначала избирались в Дании, где затем в основном и пребывали, то их в просторечии, по обыкновению, называли королями «датскими». И Н. Бартольди, вероятно, хотел подчеркнуть то, что он публикует только грамоты «союзных» королев, которые являлись непременно королями Дании, или лишь были королями Дании в тот исторический период, когда датские короли, как правило, становились и королями «союзными». Но здесь-то обнаруживается ряд противоречий и в самом названии книги, и в отношении этого названия, в целом и в отдельных его частях, к датировке документов и к тому, от имени кого они были составлены.

Действительно, из представленных в книге 148 документов 135 относятся к эпохе Кальмарской унии, как-то: документы за 1401–1520 гг. (№ 2–136). Прочие 13 были составлены до или после этой эпохи. Один из них (№ 1) восходит к 1396 г., когда у датчан, шведов и норвежцев уже был один король – Эрик Померанский, но он еще не стал королем «союзным», поскольку сама уния еще не была заключена. Другие 9 (№ 137–145), датированные 1524–1529 гг., были составлены от имени короля Дании и Норвегии Фредерика I (1523–1533). Но он, строго говоря, не был «союзным» датско-норвежским королем, ибо в его царствование союзный договор не заключался, да и его права государя в Норвежском королевстве ставились под сомнение; во всяком случае, он не был венчан короной Норвегии, а стало быть, не являлся ее вполне законным королем. Следующие две грамоты (№ 146–147) в 1532 г. выдал ранее низложенный «союзный» король Кристиан II (1513–1523), который, правда, и в изгнании, и после повторного признания королем норвежцами (1531–1532) использовал титул «король Дании, Швеции и Норвегии». Наконец, еще один документ (№ 148), помеченный 1546 г., был написан по приказу Кристиана III (1534/36–1559), который, как и Фредерик I, являлся королем Дании и Норвегии, хотя при нем Норвежское королевство фактически утратило независимость. Тем не менее, традиционно считается, что Дания и Норвегия состояли в унии и после 1523 г., вплоть до 1814 г., но их короли этого периода могут называться «союзными» лишь условно, как и Эрик Померанский в 1396 г.

Нельзя также не заметить, что в сборник вошли грамоты, которые в эпоху Кальмарской унии были составлены от имени не только царствующих (коронованных) королей, но и королей лишь «избранных» в Дании, Швеции и Норвегии.

В самом деле, король Дании и Норвегии Ханс (1481–1513) в грамотах, составленных с 1484 и вплоть по 1493 г., когда он был венчан на царство шведской короной, представлялся как «избранный королем Швеции». При жизни Ханса его сын, Кристиан (II), в своих грамотах 1505, 1506 и 1508 гг., обозначался титулом

«избранный королем Дании, Швеции, законный наследник Норвегии» или «законный наследник королевства Норвегии, избранный король Дании и Швеции». Дядя Кристиана II, ставший его преемником в Датском и Норвежском королевствах, Фредерик I (1523–1533), издавал грамоты в качестве «короля Дании» и «избранного короля Норвегии».

Кроме того, в книге представлены дворянские (гербовые) грамоты, которые были составлены от имени Фредерика (Фридриха) I как еще только «наследника Норвегии» и правящего герцога Шлезвига и Гольштейна (1493, 1497, 1504, 1507, 1513, 1516 гг.); причем первый из этих документов исходил и от его матери Доротеи, вдовствующей «королевы Дании, Швеции, Норвегии».

Наконец, среди лиц, чьи грамоты опубликованы Н. Бартольди, обнаруживаем датского рыцаря Андерса Уффесена аф Бьёрнхольм (1418 г.)¹², братьев Кристена Нильсёна «в Борупе» и Олофа Нильсёна (1430 г.)¹³, гофмейстера короля Кристиана I в Швеции Эрика Аксельсона аф Лагнё (1463 г.)¹⁴ и шкипера на службе Кристиана II Клауса Книпхофа (1524 г.)¹⁵. Помимо того, в книге помещены два документа, исходившие одновременно от нескольких лиц. Один из них представляет собой свидетельские показания шведских дворян (рыцаря и шести «а варн») в Финляндии (№ 52), другой – постановление судебной комиссии в Норвегии (№ 79). Включение этих документов в настоящую книгу Н. Бартольди объясняет тем, что почти во всех речь идет о гербах и дворянских правах, ранее пожалованных королями Дании, Норвегии и Швеции эпохи Кальмарской унии. Исключением является только грамота рыцаря Андерса Уффесена. В ней ее издатель объявляет, что получателям настоящей грамоты, Свеннингу Андерсену и Миккелю Андерсену, «которым я помог, чтобы они получили их вольность от государства», т. е. от короля, «ради родства и верности я даю

¹² «Anderss Offyssen riddher aff Biørnholm» (№ 39).

¹³ «Christen Niellson i Buorup och Olloff Nielss. brödre» (№ 47).

¹⁴ «Erich Axilsson af Lagnö Riddere... konungh Christiars hoffmester i Sverige» (№ 94).

¹⁵ «C Kniphoff» (№ 139).

и позволяю им щит и шлем моей матери со мной [носить]»¹⁶.

Таким образом, относительно названия книги имеем основание для заключения, что оно не вполне выражает содержание опубликованных в ней документов как со стороны хронологической, так и в части лиц, от которых эти документы исходили.

В книге представлены все известные дворянские и гербовые грамоты, которые были составлены в период с 1396 по начало 1530-х гг. от имени королей (коронованных, «избранных» или титулярных) одновременно Дании, Швеции и Норвегии (1396–1437, 1442–1446, 1457–1511, 1519–1520, 1532 гг.), Дании и Норвегии (1450–1457, 1524–1529, 1546 гг.), Дании и Швеции (1505, 1506, 1508 гг.) и единственно Дании (1440 г.). Исключением стал только один документ, датированный 10 февраля 1447 г., в котором король Кристофер Баварский (1440–1448) жалует «льва» на печать жителей датского херреда¹⁷ Лё, или Лёве (Lø, Løve). Чем обусловлено отсутствие этого документа в настоящей книге, ее издатель не объясняет, ограничиваясь лишь сообщением о том, где и когда ранее он был опубликован.

Н. Бартольди также оговаривает, что в книгу не вошли грамоты на дворянские права, которые в указанный период были составлены от имени архиепископов Лундского (Дания), Упсальского (Швеция) и Тронхеймского (Норвегия), правителей Швеции, противостоявших в эпоху Кальмарской унии королям Дании, и герцога Адольфа Шлезвигского (умер в 1459 г.), вассала датской короны. Будет, однако, не лишним заметить, что в Средневековье скандинавские архиепископы (и в целом епископы) и герцоги, а также другие владельцы областей с королевскими полномочиями имели право давать дворянские вольности своим «мужам» только в своем «государстве» (*dominium*). В Дании, включая герцогство Ютландское (Шлезвигское), этот обычай был

¹⁶ «...Swænningh Anderssen och Michel Anderssen huilke iegh hawer tilhwlpn ath the hawe fanghet theres frijhedh aff hærskabyt tha for frændskab schyld och troskabskyldh tha giwer iegh och wndher them myn moders skiodh och hiælhm met migh» (№ 39).

¹⁷ Херред (*herred*) – административно-территориальная единица Дании в Средние века и Новое время.

даже закреплён законодательно в Ютландской Правде (1241 г.). Но дворянские вольности, пожалованные архиепископами и герцогами, признавались только во владениях этих государей¹⁸. Поэтому чтобы ими можно было пользоваться в королевстве (т.е. в непосредственных владениях короля), на то требовалось королевское постановление. А оно могло состояться лишь в том случае, если какой-то человек становился «верным» (вассалом) самого короля. То же касалось и тех лиц, которые обладали дворянскими правами за пределами земель, подвластных датской короне, или какого-либо другого скандинавского королевства. Отсюда уже в Новое время развилась идея «натурализации» иностранных дворян в Датско-Норвежской монархии и Шведском государстве через посредство королевских жалованных грамот.

В сборник вошли грамоты (или известия о них), получателями которых были датчане, шведы, в том числе жившие в Финляндии, норвежцы, исландец, немцы, испанец и голландец. Все они были связаны служебными отношениями с «датскими (союзными) королями». Грамоты выдавались отдельным лицам, городской общине Мальмё и соборным пробстам из Роскилле. Города и замки, в которых составлялись грамоты королей и других лиц, находились в Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии, подвластной шведской короне, в герцогстве Шлезвигском, Померании, на балтийских островах Готланд и Фемарн, т.е. в тех землях, где «датские (союзные) короли» являлись государями, а также одним частным лицом в нидерландском Антверпене. Но в ряде документов места их составления не указаны, хотя из контекста можно догадываться, что эти места находились в том или ином скандинавском королевстве.

Некоторые дворянские грамоты, в том числе заключавшие пожалования гербов, короли выдавали по представлению знатных особ, которые желали сословно возвысить своих слуг и вассалов за их верную службу, а также королевских должностных лиц (канцлер, гофмейстер). Ряд грамот «дан» по совету и с согласия Государ-

¹⁸ *Jørgensen P.J.* Dansk Retshistorie: Retskildernes og Forfatningsrettens Historie indtil sidste Halvdel af det 17. Aarhundrede. 2. Udgave. København, 1947. S. 382.

ственных советов Швеции (грамота 1396 г.)¹⁹ и Дании (с 1526 г.). В последнем случае основанием являлись письменные обязательства (хондфестнинги) королей Дании и Норвегии, которыми они связывались при вступлении на престол (последний раз в 1648 г.). Одно из положений этих «конституций» XVI–XVII вв. (начиная с 1513 г.) прямо предписывало королям жаловать дворянство только с согласия Государственного совета, состоявшего из прелатов церкви (до Реформации 1536 г.) и представителей аристократических родов.

Кроме того, во «Введении» Н. Бартольди обращается к истории дворянских и гербовых грамот в Западной Европе, опираясь на труды историков геральдики.

Вошедшие в книгу грамоты называются «дворянскими» и «гербовыми» условно, или, как оговаривается Н. Бартольди, выражения «*adelsbrev*» и «*våbensbrev*» «используются здесь как технические термины» (*anvendes her som tekniske termer*)²⁰. И в самом деле, в то время, которым датированы опубликованные в сборнике документы, подобные наименования еще не были известны. В скандинавской историографии и дипломатике они традиционно стали употребляться только в XVIII–XIX вв. для обозначения документов определенного содержания и назначения.

В дворянских грамотах непременно речь идет о наделении получателей этих грамот титулами и правами, которыми обладали лица, принадлежавшие к дворянскому сословию. Такого рода актами одновременно могли жаловаться гербы, которые описывались словесно и представлялись в виде красочных изображений. В последнем случае «дворянская» грамота являлась вместе с тем и грамотой «гербовой». Но некоторые документы предполагали пожалование лишь одного герба с его словесным описанием и художественным представлением. Такие документы вошло в обыкновение именовать уже непосредственно «гербовыми грамотами».

¹⁹ В этой грамоте «совет и согласие» королю Эрику Померанскому дает также его двоюродная бабка королева Маргарета, принимавшая деятельное участие в управлении скандинавскими королевствами в период с 1375 по 1412 г.

²⁰ *Bartholdy N.G. Op. cit. S. 11.*

Следует также иметь в виду, что, если имя герба (våben, wapn, varn, waben) присутствует в опубликованных Н. Бартольди грамотах с 1420 г. (№ 40), то слово «дворянство» (adel) обнаруживается лишь в двух из них, составленных в 1527 г. (№ 143) и 1532 г. (№ 147) по-немецки и не для жителей скандинавских королевств. Поэтому и со стороны использования определения «дворянские» в отношении жалованных прав название «дворянские грамоты» в настоящем издании тоже является преимущественно условным.

Появление дворянских и гербовых грамот в скандинавских странах Н. Бартольди рассматривает на общеевропейском фоне, в связи с историей знати (adel) и геральдики в Западной Европе. Это позволяет ему отметить как общее, что характеризовало такие грамоты в западноевропейских странах средневековой эпохи, так и особенное, выражавшееся в отдельных странах, в том числе скандинавских.

Средневековое «дворянство» характеризуется им как военное сословие и как носитель общественных и экономических привилегий, при этом организованное на началах иерархии. Здесь же отмечается, что использование гербов (våbenføring) связано с «дворянством». Возникновение геральдики относится к 1130-м годам. Ранее всего ее зримые следы обнаружили «в области между Луарой и Рейном и уже на исходе 1100-х гг. в остальной Западной Европе». Первые гербы зародились там, где быстрее развивался феодализм, который Н. Бартольди понимает как правовые отношения государя с его военными слугами. Поэтому поначалу гербы вассалов (vasaller) часто являлись производными от гербов их ленных государей (lensherren). Можно предполагать, что такой герб «с бризурой или как часть разделенного щита» (i form af en brisure eller som en del af et delt skjold) создавался вследствие договора или по приказу государя. Но нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о том, что возникновение ранних бризур предполагало письменную процедуру²¹.

Поначалу гербы являлись личными знаками (personlige kendetegn), но уже со второй половины XII в. они

²¹ Ibid. S. 11–12.

стали рассматриваться как наследственные, передаваемые из поколения в поколение. «Эта практика, которая укрепляла чувство рода, не требовала какого-либо письменного подтверждения»²². Со временем от наследуемых гербов (*nedarvede våbener*) также стали производиться бризуры, особенно в Северо-Западной Европе. При этом господствовало понимание, что сами наследуемые гербы, через посредство письменной договоренности или без нее, могли передаваться кому угодно, но при взаимном согласии сторон. В XV в. утвердилось «понимание, что последний в роде мужчина мог передавать герб тому, кому он хотел, без участия публичной власти»²³. Это правило распространялось и на женщин. Например, в 1405 г. во Франции жена грамотой передала своему супругу герб и имя ее угасшего по мужской линии рода²⁴.

В XIV–XV вв. с появлением трактатов первых известных геральдических теоретиков на письме начинают закрепляться обычаи и правила по созданию и юридическому признанию гербов.

Один из таких теоретиков, итальянский юрист Бартоло ди Сассоферрато (ок. 1354 г.), утверждал, что каждый может брать и носить герб в качестве собственности. Вместе с тем он приводил четыре довода в пользу того, что лучше использовать герб, пожалованный государем. Такой герб, во-первых, более ценен, поскольку его можно сравнить с завещанием, написанным в присутствии государя. Во-вторых, никто не может запретить его носить. В-третьих, если двое взяли один герб, тот, кто получил герб от государя, имеет преимущество. В-четвертых, если в войске или ином месте возникло сомнение, кто первейший, предпочтение отдается тому, чей герб, утвержден государем²⁵.

²² «Denne praksis, der styrkede slægtsfølelsen, krævede ikke nogen skriftlig tilkendegivelse» (Ibid. S. 12).

²³ «Endnu i 1400-tallet træffer man den opfatelse, at det sidste mandlige medlem af en slægt kunne overdrage våbenet til, hvem han ville, uden en offentlig myndigheds medvirken» (Ibid. S. 12).

²⁴ Ibid. S. 12.

²⁵ Ibid. S. 12. См. русский перевод *Черных А.П.* Трактат Бартоло ди Сассоферрато «О знаках и гербах» (вступ. статья, перевод). //Средние века. Вып. 52. М., 1989.

Столь же высокое значение гербам, пожалованным государями, придавали француз Оноре де Боне (Honoré Bonet), в 1382–1387 гг. написавший сочинение о праве войны, известное как «Древо Битв» (*L'Arbre des Batailles*)²⁶, и англичанин Николас Аптон, около 1446 г. завершивший трактат о военном деле. Так, Аптон утверждал, что герб, который кто-то взял для себя и своих наследников, может носиться свободно и законно, если этот герб не носится кем-то другим; однако такой герб по своей ценности уступает гербу, который утвержден властью государя. В то же время земляк Аптона, Ричард Стренгуейс (Richard Strangways), в рукописи под названием «Благородный трактат о законе и изъяснении гербов» (*Tractatus nobilis de lege et exposicione armorum*), датируемой приблизительно 1440 г., утверждал, что человек не может брать герб «без герольда или младшего герольда» (*witowt an herowd or percuyant*)²⁷. Эти должностные лица, добавив от себя, представляли особу английского короля.

К тому времени значение короля или его уполномоченных лиц как источника законного ношения герба в Англии уже нашло выражение и в виде правового акта. В 1417 г. король Генрих V указал в послании некоторым шерифам о том, что никто во время похода не должен носить герб, если только этот герб не был унаследован от родителей или получен в битве при Азенкуре (1415 г.), а также пожалован кем-то, кто для этого имел властные полномочия. В Английском королевстве такими полномочиями в XV в. была наделена Геральдическая коллегия (*The College of Arms*), состоявшая из иерархически упорядоченных гербовых королей, герольдов и младших герольдов с особыми должностными наименованиями²⁸.

Вместе с тем «особый геральдический специальный язык для описания содержания фигур герба – блазонирование, стал рано развиваться, в особенности

²⁶ См. русский перевод *Черных А.П.* «Древо Битв» как источник по истории геральдики. Вступ. статья и перевод // Нумизматика на рубеже веков. Нумизматический сборник. Часть XV. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 125. М., 2001.

²⁷ *Bartholdy N.G.* Op. cit. S. 12–13.

²⁸ *Ibid.* S. 13.

французскими герольдами»²⁹. В XIII в. он уже оформился, в том числе в отношении порядка блазонирования, о чем свидетельствует последовательность описания щитов в английском гербовнике, созданном приблизительно в 1254 г., который известен как Гербовник Гловера (Glover's Roll): поле, главная фигура, дополнительные фигуры.

Что касается письменного подтверждения статуса дворянина, то в Англии самый ранний случай такого документа датируется 1389 г., причем грамота была составлена по-французски. Поскольку в XV в. и другие дворянские грамоты в Англии часто писались на французском языке, язык английского блазонирования с тех пор характеризуется широким использованием французской специальной терминологии.

Как и в других странах, в Англии поначалу гербы брали, «какие хотели» (*som man ville*). Среди них были и гербы, которые являлись «выражением вассалитета» (*udtryk for vasallitet*), о чем свидетельствует случай, произошедший в начале XIV в., когда граф Линкольнский позволил представителю рода Скруп (Scrope-familien) дополнить свой герб «маленьким львом» (*en lille løve*), который присутствовал в гербе самого графа. Известен также случай, произошедший в 1370 г., продажи с письменным подтверждением одним англичанином другому своего герба. Первое письменное утверждение герба в Англии относится к 1398–1399 гг., будучи произведено через посредство герольда. Известно также, что при рассмотрении одного судебного дела в Англии о праве на определенный герб, имевшего место в 1395 г., «двумя гербовыми королями» было определено, что герб не подлежит дарению или отчуждению другому лицу (*que armes ne poient estre donez ou alienez*). Но только в 1440-е гг. окончательно утвердилась практика, согласно которой только одни герольды присуждали и удостоверяли гербы в Англии. К этому времени относится появление и первых английских «патентов», в которых дворянское достоинство жалуется за верную службу государю. В

²⁹ «Et særligt heraldisk fagsprog til beskrivelse af våbeners figurindhold, blasonering, var tidligt blevet udviklet af især franske herolddere» (Ibid. S. 13).

Англии «господствовало понимание, что получатель герба, который был присвоен формальным образом, считался дворянином»³⁰.

От себя присовокупим, что прецедентное право, на котором с древности основывается английская юриспруденция, несомненно, оказало влияние на традиционные особенности «гербового права» в Англии. Этим обстоятельством, думается, следует объяснять и тот факт, что английские короли со времени позднего Средневековья жаловали гербы в большинстве случаев не сами, а, как было заведено в XV в., через посредство гербовых должностных лиц (*de heraldiske embedsmænd*). Впрочем, как отмечает Н. Бартольди, и за пределами Англии такой обычай мог развиваться. Так, например, в Савойском герцогстве гербовый король Савойя (*Savoye*) в 1522 г. по приказу своего государя составил грамоту, в которой даровался герб³¹.

Однако Англия не была первой страной в Западной Европе, где геральдические знаки стали жаловаться посредством письменных определений. От 1187 г. известна грамота, в которой король Арагона в качестве привилегии дал право на использование своего знамени (*vexillum postrum*) южно-французскому городу Мийо (*Millau*). В 1315 г. король Франции Людовик X позволил госпиталю слепых в Байё использовать тот же герб, что и местный епископ, но с добавлением одной геральдической лилии (знака из королевского герба) поверх щита; причем это свое постановление король основывал на просьбе самого епископа. Позже, в 1429 г., подобный герб, а именно «с бризурой из своего собственного» герба, Жанне д'Арк с ее братьями пожаловал король Карл VII. Один из вассалов короны Франции, герцог Бретани, в 1332 г. «актом, который был подтвержден королем год спустя», дозволил своему вассалу носить «четверочастный щит» (*firdelt skjold*), заключавший герб Бретани и герб получателя грамоты. Такие композиции, составленные из герба знатного вассала французской короны и его подданного, в чем, добавим от себя, выра-

³⁰ Ibid. S. 13–14.

³¹ Ibid. S. 14.

жались феодально-иерархические отношения, по воле коронных вассалов создавались вплоть до конца XV в.³²

К исходу XV в. во Франции, в отличие от Англии, только король имел право жаловать гербы, равно как и дворянство. С XIV в. это делалось через посредство документов, написанных на французском или латинском языке, иногда, особенно в конце XIV в., с использованием пространных «формул» (*formler*) с подтверждением грамот большой печатью на красном и зеленом шнуре. Но лишь в XVI столетии во Французском королевстве окончательно установился обычай, согласно которому возведение в дворянское достоинство сопровождалось и дарованием герба; причем «текст гербовой грамоты сохранил блазон герба»³³.

Первые грамоты с изображением герба во Франции восходят к началу XIV в. Считается, что гербы в таких грамотах изображались по указанию гербового короля или герольда. В 1407 г. гербовые должностные лица короля Франции были организованы в коллегии (*kollegium*), но они никогда не имели самостоятельного значения, с каким представляли английские герольды, поскольку право на пожалование герба во Франции было закреплено только за королем. Правда, когда он даровал какому-либо лицу право на ношение уже существующего герба, происходило это непременно с согласия того рода, которому герб принадлежал, если, конечно, род к тому времени не угас. Лишь за королями Франции сохранялось право на пожалование гербов городам, обычно в связи с дарованием им привилегий.

На исходе Средневековья некоторые государи, например, герцог Савойский (1430 г.) и король Португалии (1476 г.), запрещали употребление гербов лицами, которые не принадлежали к дворянскому сословию; но такие запреты обычно не исполнялись³⁴.

Кроме того, известно, что император Фридрих III (1467 г.) и некоторые его преемники на императорском престоле пытались законодательно препятствовать бюргерам в том, чтобы они брали гербы самостоятельно,

³² Ibid. S. 14–15.

³³ «Et våbenbrevs tekst indeholdt en blasonering af våbenet» (Ibid. S. 15).

³⁴ Ibid. S. 15.

хотя тоже безуспешно. Н. Бартольди полагает, что такого рода указы в имперских владениях вызывались фискальными интересами императоров, а именно их стремлением взимать денежные пошлины за составление гербовых грамот. Вообще поначалу в «Священной Римско-Немецкой Империи» (Den Hellige Romersk-Tyske Rige) гербы или части их передавались, а также, от себя заметим, брались, без санкции со стороны императора, хотя и при посредстве письменного утверждения. Из таких грамот наиболее ранняя датирована 1294 г. В ней Рудольф, пфальцграф Рейнский и герцог Баварский, подтвердил право его вассалов, фогтов Плауенских (fogdene von Plauen), позднее графов Реусских (grever af Reuss), носить «пфальцграфский щит и знамя, которые рассматривались как связанные с леном». Отсюда проистекало понимание, что в Германии ленный государь мог распорядиться гербом вассала из угасшего рода как леном, жалую его другому вассалу. Так, например, в 1377 г. герб, который «в нашем государстве стал выморочным и свободным» (in vnsern herrschaft anerstorben vnd ledig worden), граф Гольштейна Генрих II передал по грамоте рыцарю Берхтольду фон Франкенроде. Еще в первой половине XIV в. в Германии гербы могли также наследоваться после умерших родственников без санкции государя, о чем свидетельствует письменное объявление в 1337 г. трёх членов рода фон Франкенштейн об использовании ими в качестве ближайших наследников «щита» пресекшегося рода фон Штернберг. Известно еще, что поначалу в немецких землях гербы или их отдельные элементы могли становиться предметом различных письменных сделок, как, например, в том случае, когда в 1317 г. Леутольд фон Регенсберг продал «знак своего шлема» (hjelmtegn) бургграфам Нюрнбергским из рода Гогенцоллерн³⁵.

Две первые императорские гербовые грамоты были составлены от имени Людвига Баварского в 1338 г. Ее получателями являлись итальянцы. В одной грамоте, выданной братьям Бонифацио и Эгезио Карбонези ди Сан Джованни, речь шла о пожаловании четверочастного щита, заключавшего знаки гербов императора (орел)

³⁵ Ibid. S. 15–16.

и герцога Баварского (ромбы). В другом документе говорилось, что братьям Джакопо и Фенцио де Прато дозволяется дополнить нашьлемник (*hjelmtegn*) предков (льва) «короной нашего герцогства Баварского». В обоих случаях, по справедливому замечанию Н. Бартольди, имелись в виду «знаки милости» (*nådestegn*), которые жаловались одновременно императором и герцогом Баварским лицам, уже обладавшим дворянским статусом³⁶.

Первая же императорская «дворянская грамота» была составлена в 1360 г. по приказу Карла IV. Ее получил императорский капеллан в Майнце Викар Фрош. Правда, в этом документе дворянские права даровались еще без герба³⁷. Но в дальнейшем император Карл жаловал дворянство (*adelskab*) и с гербом, обычно по формулярам, которые в 1366 г. были записаны императорским регистратором Иоганном фон Гельнхаузен. Н. Бартольди безоговорочно считает, что Карл IV стал давать дворянство по грамоте «под влиянием Бартоло де Сассоферрато»³⁸. Это свое суждение, однако, он не подкрепляет историческими фактами, если только не считать таким фактом близость итальянского геральдического теоретика ко двору императора Карла.

В 1316 г. викарий папы дал городу Витербо право дополнить льва в его гербе «знаменем и знаками Римской Церкви» (*vexillum et insignia Romanæ Ecclesiæ*). В этой грамоте, которая является одним из древнейших документов такого рода, Н. Бартольди усматривает причину, вызвавшую появление императорских гербовых грамот: учитывая известное противостояние пап и императоров за верховенство, последние могли возыметь желание подражать понтификам Рима. При этом Н. Бартольди соглашается с мнением Фридриха Бока, который в 1932 г. оспорил подлинность гербовой грамоты³⁹, датированной 1305 г.: в ней император Альбрехт I «улучшил» герб епископа Гуркского (*Gurk*) и его епи-

³⁶ *Ibid.* S. 16–17.

³⁷ *Ibid.* S. 17.

³⁸ «...keiser Karl IV under indflydelse af Bartolus de Saxoferrato begyndte at tildele adelskab ved brevydstedelse» (*Ibid.* S. 18).

³⁹ *Bock Fr.* Der älteste kaiserliche Wappenbrief // *Archivalische zeitschrift.* Bd. 3. Folge VIII. München, 1932. S. 48–55.

скопства⁴⁰. Но оспорить подлинность исторического документа, еще не означает обнаружить истину. К тому же выводы Ф. Бока основаны на предположениях. Поэтому нельзя с точностью утверждать, что «грамота императора Альбрехта» – это позднейшая подделка, а стало быть, суждение Н. Бартольди о первичности папских гербовых грамот по отношению к подобным грамотам императоров нуждается в дополнительных аргументах.

Более правдоподобным следует признать другое утверждение Н. Бартольди относительно духовной почвы, на которой происходило становление понятий об императорских гербовых и дворянских грамотах. Речь идет о росте влияния римского права на определение статуса императора и, как следствие, на императорское делопроизводство в XIV–XV вв. Знатоки этого права, особенно итальянские юристы, которые в XIV в. находились часто в числе ближайших императорских советников, проводили мысль об императоре как «источнике доказательства всех милостей» (*kilden til alle nådesbevisninger*). «Отсюда основой для составления дворянских и гербовых грамот было не ленное право, а представление об императорской прерогативе»⁴¹, которая, как очевидно, проистекала, прежде всего, из положений именно римского права.

Императорские гербовые и дворянские грамоты, получателями которых являлись немцы, в XIV в. писались обычно на латинском языке, но позднее преимущественно по-немецки. Именно в Германии зародился обычай помещать изображение герба в тексте документа, как можно заключить из содержания грамот императоров Людвиг Баварского (1338 г.) и Венцеля (1392 г.), снимки с которых представлены в качестве иллюстраций в статье Н. Бартольди⁴². Но со стороны словесного блазонирования гербов императорские грамоты испытывали влияние «французской классической манеры» (*klassisk fransk manér*), предполагавшей в первую очередь сообщение об «основном цвете щита» (*skjoldets*

⁴⁰ *Bartholdy N.G.* Op. cit. S. 18.

⁴¹ «Grundlaget for udstedelsen af adels- og våbenbreve var derfor ikke lensretten, men forestillingen om et kejserligt prærogativ» (*Ibid.* S. 18).

⁴² *Ibid.* S. 17, 19.

bundfarve), а затем описание фигур (figurer). Характерной особенностью немецких текстов было то, что в них при описании герба иногда использовались слова той эпохи, трудные для понимания, а также порой отсутствовало «соответствие между блазоном и изображением герба» (overensstemmelse mellem blasonering og våbengengivelse). Как правило, обоснованием для составления дворянских и гербовых грамот становилась «верная служба» их получателей императору и империи (Reich) – формула, которая обнаруживается в подобных грамотах и других европейских государей, в том числе датских⁴³.

На основании приведенных фактов из истории развития гербовых (и дворянских) грамот в Западной Европе Н. Бартольди делает вывод, что первоначальные пожалования гербов государями «часто предполагали бризуры их собственных гербов или гербов, которые, как и в случае с ленами, рассматривались в качестве выморочных»⁴⁴. Напротив, с конца XIV в. речь уже шла об утверждении гербов «без связи» (uden sammenhæng) с гербами государей. Правда, представление о свободном «обороте» (omsættelige) гербов или их элементов «между частными лицами» сохранялось еще в XV столетии. И можно отметить, что такой обычай, очевидно, существовал и в средневековой Дании, как можно заключить по содержанию упоминавшейся выше грамоты рыцаря Андерса Уффесена (1418 г.). Но уже, как пишет Н. Бартольди, «многие увидели выгоду» в том, чтобы «любая передача» герба была «официально подтверждена», или «находили желательным, чтобы герб был формально пожалован верховной общественной властью». Отсюда неизбежным следствием явилось то, что письменная форма получила решающее значение. При этом «растущая бюрократизация внесла вклад в то, чтобы государи постепенно стали полагать, что они только

⁴³ Ibid. S. 19–20.

⁴⁴ «...ofte drejet sig om brisurer af deres eget våben eller om våbener, der, ligesom det var tilfældet med len, betragtedes som hjemfaldne» (Ibid. S. 20).

имеют право регулировать ношение гербов народом и возвышать сословно»⁴⁵.

Сделав этот вывод, Н. Бартольди переходит уже непосредственно к рассмотрению дворянских и гербовых грамот в скандинавских странах.

Исследовательский интерес к таким грамотам в Дании и Швеции зарождается в XVIII в., когда они начинают публиковаться и комментироваться. В последующие два столетия в странах скандинавского мира были выявлены все ныне известные такого рода грамоты, а также собраны сохранившиеся свидетельства о тех из них, которых не удалось обнаружить. Причем почти все эти документы к исходу XX столетия были преданы печати, а также многие из них становились предметом специального изучения, обычно в связи с историей дворянства⁴⁶.

К сожалению, Н. Бартольди не останавливается на времени и культурно-исторических обстоятельствах зарождения дворянских и гербовых грамот в скандинавских странах, ограничившись лишь указанием на литературу об этих грамотах. Поэтому, не вдаваясь в подробности, от себя добавим, что в скандинавских королевствах дворянские грамоты являлись прямым продолжением сначала устных, затем письменных распоряжений королей об освобождении земельных имений их подданных, связанных с ними узами личной службы, от государственных повинностей и вторжений должностных лиц государя. В XIII–XIV вв. грамоты такого «иммунного» содержания часто выдавались конкретным лицам, отдававшим себя под «защиту и покровительство» короля, но предполагавшиеся в них вольности без подтверждения государем не могли передаваться по наследству, что подкреплялось законами. Например, в Ютландской Правде короля Вальдемара II (1241 г.), положения которой сохраняли силу в позднее Средневеко-

⁴⁵ «Men mange så efterhånden en fordel i at få en overdragelse officielt bekræftet eller fandt det ønskeligt at få våbenet formelt tildelt af den højeste offentlige myndighed. En uundgåelig følge heraf var, at den skriftlige form fik afgørende betydning... den stigende bureaukratisering bidrog til, at fyrsterne efterhånden mente at have eneret til at regulere folks våbenføring og til at foretage standsophøjelser» (Ibid. S. 20–21).

⁴⁶ Ibid. S. 28–31.

вье, говорилось, что сын «государева мужа» может получить отцовские льготы только при условии, что он тоже будет нести личную службу государю. Иными словами, вначале «дворянский» статус не считался наследственным по праву. Однако в действительности он таковым часто являлся, поскольку сыновья королевских мужей, как правило, шли по стезе отцов, становясь также «верными» людьми короля. В результате к середине XIV столетия во всех скандинавских королевствах по факту уже имелось в наличии так сказать «родовое дворянство», а именно известное число знатных родов, представители которых, особенно в Дании и Швеции, и в последующие три-четыре века составляли наследственную аристокрацию этих стран. А вместе с тем постепенно утвердилось вполне представление о дворянстве как отдельном сословии, что стало закрепляться законодательно. Сначала это делалось через посредство определений некоторых прав и вольностей дворян в целом, как, например, в хондфестнингах (обязательствах) королей Дании XIV в., а затем стало находить выражение и в грамотах на наследственные дворянские права, которые жаловались лицам, происходившим из других сословий⁴⁷.

Именно такие грамоты, думается, и следует называть собственно «дворянскими», ибо в них речь идет не только о даровании льгот с иммунитетом от притязаний должностных лиц государя, а уже о наделении наследственными вольностями, которые были закреплены обычаем и законом за дворянским сословием. Появление же таких грамот в скандинавских странах относится к рубежу XIV–XV вв., т. е. к тому времени, когда подобные грамоты стали фактом и в других странах Западной Европы.

Действительно, если мы обратимся к содержанию грамот, опубликованных Н. Бартольди, то в большинстве их обнаружим выражения и определения, которыми ха-

⁴⁷ *Jørgensen P.J.* Op. cit. S. 376–383. О скандинавском дворянстве позднего Средневековья также см.: *Den nordiske Adel i Senmiddelalderen: Struktur, funktioner og internordiske relationer. Reporter til det nordiske historiemøde i København 1971, 9–12 august.* København, 1971.

рактируются иммунные грамоты прежнего времени. Все они предполагают предоставление «вольности и защиты» (frihed og frelse) относительно повинностей в собственных имениях получателей грамот, и одновременно во многих из них под угрозой немилости короля его должностным лицам или кому-либо другому воспрещается нарушать эти королевские установления. Вместе с тем данные грамоты существенно разнятся в части того, кому предоставляются вольности. Так, в первой грамоте (1396 г.) «вольность и защита» пожалована «мужу» по имени Свен Дьекн (Swene Diækn) и его супруге, а в четвертой (1406 г.) – одному лишь «клирику господину Магнусу Олефсону» (clærik her Magnus Olefson). Оба упомянутые получателя грамот были шведами. В остальных же грамотах речь идет о даровании «вольности и защиты» как получателю грамоты, так и, за редким исключением, его законным потомкам. Замечаем также, что в одном документе, составленном в 1413 г. (№ 30), датчанин Карл Нильсен (Karll Niellssen) получает от короля Эрика «вольность и защиту» в своем отцовском и материнском имении от «jñne stud och leding»⁴⁸ и «всякого такого тягла, которое нам по праву причиталось от него и его законных потомков» (al sadan thynge som oss met rete deraff burde hannem och hans ecte affkommende). Именно от названных здесь повинностей, в последующих дворянских грамотах уже не упоминавшихся, и освобождались, по обыкновению, получатели в Дании иммунных грамот XIII–XIV вв.

Основанием для выдачи дворянской грамоты какому-либо лицу и «его потомкам и истинным наследникам», как в ней непременно указывалось, являлась «верность и служба» (troskab og tjeneste) или «верность и усердная служба» (troskab og villig tjeneste) королю. При этом получатель грамоты за полученные «на вечное время» права обязывался «нам и королевству» (os og riget)⁴⁹, а именно одному из трех королевств – Дании,

⁴⁸ Inne – разного рода работы, stud – подати, leding – участие в народном ополчении.

⁴⁹ Германскому слову «rige» (rike, Reich) в документах, написанных на латинском языке, соответствовало слово «regnum» (королевство, государство).

Швеции или Норвегии, – «нам и короне» (*os og crone*) или «нам и нашим преемникам королям и короне» и дальше с верностью служить, «пока он живет». В грамотах короля Эрика Померанского (1396–1437), начиная с 1416 г., получатель «вольности и защиты» должен был служить также «нашей дорогой супруге королеве Филиппе и законному сыну нашего отцовского брата герцога Бугислава Померанского, если мы сами после себя не оставим детей»⁵⁰. Тем самым король Эрик старался связать узами верности своих «мужей» с предполагаемыми своими наследниками в скандинавских королевствах.

Но не только династическая политика короля Эрика отражалась в выдаваемых им дворянских грамотах. В них (с 1416 г.) обеспечивались также фискальные интересы государства – (кроны и короля), на что указывала обычная оговорка, согласно которой дворянские вольности не распространялись на имения кроны, бондов (податных земельных собственников) и городов. Такую оговорку обнаруживаем и в грамотах последующих королей Дании, Швеции и Норвегии.

Поначалу, при короле Эрике Померанском, в грамотах, выдававшихся шведам, несомненно, в согласии с канцелярской традицией Шведского королевства, освобождение от государственных (королевских) податей и повинностей имения получателя грамоты представлялось как «такая вольность и защита, какие другие наши подзащитные мужи в государстве по праву используют и имеют». За такую льготу «подзащитный» швед и его наследники обязывались «быть готовыми с панцирем и оружием для службы нам и государству», так, как предписывалось «в книге законов государства»⁵¹. Впоследствии, с 1410 г. (№ 23), выражение «с панцирем и оружием» перестало употребляться, и в то же время «подзащитные мужи» стали именоваться «свободнорожденными мужами» (*frijborne män*). На исходе же царства-

⁵⁰ «...oss och wore kære husfrue drotningh philippe itcetera oc wor father brothers hertugh buggislafs aff pommen ækte son vm wy jke syelue barn eftir oss lade» (№ 31).

⁵¹ «...sådana frijheett och fralse som andre wære frelses män i rikket wetterlige niuthe och haffua mz sådana wilkor att hans affkommande och arffwinnga i therä lijffzdagh wære färdige mz harnisk och wärio till wår och rijksens tienist effter tij som Rijksens lagbok uthwijsar» (№ 2).

ния Эрика (1435 г.) в одной его грамоте, составленной для шведа по имени Хенрик Классон (Hnrik Clausson), впервые встречаем определение: «мы пожелали и дали ему и его истинным законным потомкам и наследникам такую вольность и защиту на вечное время, которые другие наши рыцари и свены имеют и используют в Швеции»⁵².

Именно такая канцелярская формула в дальнейшем станет традиционной не только для шведских, но и для датских и норвежских дворянских грамот, а также дворянских грамот, составленных от имени герцогов Шлезвига и Гольштейна.

Самая ранняя в скандинавских странах дворянская грамота, которая предполагала пожалование герба, датирована 1420 г. Сохранившаяся в списке, она была выдана от имени короля Эрика шведу Бьёрну Польссону. В ней говорится, что «за верность и службу, которую... нам любезный Бьёрн Польссон нам и государству до сих пор делал и нам и государству... с верностью должен делать пока живет... мы желаем и даем ему и его законным потомкам такой герб, щит и шлем, как в этой нашей открытой грамоте написано и нарисовано, как мы ему дали, и сверх того, мы желаем и даем ему и его истинным потомкам на вечное время вольность и защиту на всё то его земельное имение, которое ему ныне по праву принадлежит»⁵³. Каким, однако, был упомянутый здесь герб, неизвестно. Можно только догадываться вместе с Н. Бартольди, что подлинник документа, как и в последующих документах такого рода, заключал художественное изображение композиции из щита и шлема с

⁵² «...haffue wy vnt oc giffuat hanum oc hans retta echte affkomma oc arwingha swadane frihet oc frelse til ewich tidh som andre woro riddare oc swene haffue oc nydhe j swerighe» (№ 53). «Свенами» (лат. *militares*) в скандинавских странах позднего Средневековья называли дворян, которые не были посвящены в рыцари.

⁵³ «...att För trosskap och Thienste Säm... oss Elsskielig byören Pålssån oss och Rikiett här till giort haffwer och han oss och Rikiee... Effter at Troligien göra skall Så lengie han leffuer... wne wij och giffwe hånnom och hanss echte afkomma sådant wapn Skiold och hielm Säm härwti dhette wårt opne breff Skriffne ähre och Målatte Ståhr Säm wij hånnom thår wppå giffwit haffwe och thår till wne wij och giffwe honnom och hanss Egte affkomme till Ewig tidh Frijhet och Frällsse vpå alt thet hanss Jordegodz Säm honnom Nu Rettelighen Tillhörer» (№ 40).

переданными на них «геральдическими» знаками⁵⁴. Оно помещалось, как это было принято при короле Эрике, под текстом документа. Но словесное описание знаков герба вряд ли имело место в этом документе, поскольку слова «писать» и «описать» употреблялись в последующих дворянских (гербовых) грамотах, составленных от имени Эрика Померанского (№ 48–50), в смысле именно художественного начертания герба, или оружия (щита и шлема).

Первая из ныне известных грамот короля Эрика, содержащая словесное описание герба, и вторая на предмет пожалования герба была составлена для датчанина Поуля Йенсена (Poffuel Jenssen) в 1426 г. (№ 42). Она тоже сохранилась в списке. Кроме того, от 1600-х гг. известно красочное изображение представленного в ней герба, которое, однако, не является копией оригинального рисунка, что легко определяется по его стиливым особенностям, характерным именно для геральдического искусства XVII столетия. В дворянской грамоте Поуля Йенсена, в отличие от предыдущей грамоты, сначала жалуются «вольность и защита», а затем только говорится о «щите и шлеме» с их красочными знаками. Такой формальный порядок затем будет характерен для большинства дворянских (гербовых) грамот XV–XVI столетий.

В частности, его обнаруживаем в самой ранней из уцелевших в подлиннике дворянских грамот с пожалованием герба, составленных в канцелярии королей Дании, Швеции и Норвегии. В этой грамоте, в 1433 г. выданной от имени короля Эрика датчанину Паулю Маттиссёну (Pauel Mattissøn), последний «за верность и усердную службу» и «его по праву истинные потомки» получают «вольность и защиту... на вечное время... и... щит и шлем... как-то: два белых рога буйвола в синем поле и на шлеме два белых рога буйвола, согласно тому, как здесь ниже посредством рисунка описано», в доказательство чего король скрепляет «эти выше писанные вольность и герб» своей печатью⁵⁵.

⁵⁴ *Bartholdy N.G.* Op.cit. S. 36.

⁵⁵ «...for troscap ok willich thieniste... vnne wy ok giue... och rette echte affkome friheet ok frelsse... til ewich tiidh... och... Schiold och hielm... Suasom ær tw huide wesene horn vti eet blaet feld och vppa

В другой подлинной дворянской грамоте, в том же году составленной для датчанина Нильса Нильссёна Харбо (Niels Nielssøn kaldedh Harbo), король жалует «вольность и защиту... с таким гербом, щитом и шлемом, который здесь ниже на рисунке описан... в шите половина желтой звезды с пятью зубцами и половина красной луны в синем поле и на шлеме желтая звезда с пятью зубцами», в подтверждение чего «эти выше писанные вольность и герб» скрепляются королевской печатью⁵⁶.

В обоих документах гербы действительно изображены под текстом, и они соответствуют словесному описанию. Но со времени короля Кристофера Баварского (1440–1448) изображение герба станет помещаться в самом тексте, так, как это было принято делать в императорской канцелярии еще в XIV в.

Таким образом, дополняя наблюдения Н. Бартольди, можно утверждать, что в скандинавских странах лишь в 1420-е гг. утвердился обычай, согласно которому пожалование дворянских вольностей непременно предполагало и пожалование герба. А это, в свою очередь, свидетельствовало о том, что к указанному времени в скандинавских королевствах, как и в других государствах Западной Европы, образ и статус дворянина уже характеризовался, среди прочего, через посредство герба. Другими словами, в дворянских грамотах с гербами только словесно и художественно выразились те понятия о правах и внешних качествах лиц, принадлежавших к дворянскому сословию, которые утвердились еще в предыдущее время, датируемое преимущественно XIII–XIV вв. Именно тогда в скандинавских странах вошло в обыкновение, чтобы королевские «мужи», наделенные дворянскими вольностями, представлялись

hielmen tw huide wesene horn effter thy som the her fomethen maledh beskreen stande til witerlicheet och stadhfestelsse thenne forskreffne frihets ok wapns haue wy wort Secret budhet henges for thzte breff» (№ 49).

⁵⁶ «...vne oc giue hanum ok hans rette echte affkumme friiheet oc frelsse... mz suadane wapen Schyold oc hielm som her vnder nedhen vt maledh beskreen sta til ewich tiid... j Schiolden en halff gull stierne mz fem tagger oc en halff rødh mane vti et blat feld oc vpa hielmen en gull stierne mz fem tagger Til witerlichem oc stadhfestilsse thenne forskreffne friheet ok wapne haue wij wort Secret Jncigle buthet hengis for thzte breff» (№ 50).

с гербами, о чем заключаем, прежде всего, по иконографии их печатей. Поскольку же средневековое умозрение любое понятие, в том числе юридическое, как правило, определяло через зримые явления (образы, знаки-символы, аллегории) и символические действия, то и правовое состояние дворянина не могло не выразиться наглядно – через посредство особых культурных признаков, как очевидно, предполагавших и герб. Вместе с тем пожалование в грамотах дворянских вольностей одновременно с гербом явственно свидетельствовало о том, что в скандинавских королевствах позднего Средневековья дворяне разных иерархических степеней (рыцари и свены) понимались как единый культурно-правовой слой общества. Более того, в культурном отношении, в том числе в части ношения гербов, к этому слою принадлежали и сами государи.

Но в Западной Европе позднего Средневековья гербы представляли уже не только дворян и государей, но и лиц иного общественного статуса, прежде всего клириков высоких степеней, церковные учреждения, а также именитых бюргеров и их общины. В эту же эпоху уже прочно установился обычай, согласно которому правители на письме утверждали за указанными лицами и учреждениями отдельные знаки в уже существовавших эмблемах или новые гербы. Скандинавские страны здесь не были исключением, что подтверждается двумя, сохранившимися в подлиннике, гербовыми грамотами, которые опубликовал Н. Бартольди. Одна из них была выдана бургомистрам и общине города Мальмё (1437 г.), вторая – соборному пробсту в городе Роскилле Эрику Валькендорфу и его преемникам в той же должности (1508 г.). Формуляр этих документов и выражения, в которых они были составлены, с очевидностью обнаруживают, что образцом для них являлись дворянские грамоты. Оба пожалования произведены «за верность и (многообразную) усердную службу», которые выказывались прежде и должны выказываться в будущем, королю и государству. Затем следует описание герба (щита и шлема), которое в грамоте 1437 г., ниже текста, дополнено его красочным изображением, представляющим собой, как и дворянский герб, композицию из щита и

шлема. В документе 1508 г. еще даруется «вольность на имение и службы на вечное время, которую другие почетные прелаты имеют в государстве Дании»; кому-либо нарушать эту «вольность», которая, как «дворянская вольность», предполагала освобождение от государственного тягла, строго воспрещается. Подобие формуляра и определений этих и дворянских грамот, в которых отлились тождественные правовые понятия, как можно догадываться, и стало основанием для наделения горожан Мальмё и соборных пробстов из Роскилле гербами, подобными дворянским гербам. Иначе говоря, «датскими (союзными) королями» XV и начала XVI в. «дворянская» эмблема как символ известных культурно-правовых понятий стала использоваться в качестве знака отличия лиц, принадлежавших к различным общественным слоям.

Н. Бартольди справедливо считает, что грамоты с описанием гербов, сохранившиеся в подлиннике, иногда дополнялись изображениями этих гербов несколько позже, о чем с очевидностью свидетельствует факт несоответствия по времени особенностей геральдического художества рисунка написанию документа⁵⁷. От себя добавим, что ярким примером тому служит «дворянская» грамота Йенса Бруна (Jenss Brwn) 1487 г. (№ 104). Она была составлена еще в эпоху господства в скандинавских странах готического искусства, которое характеризовалось, в том числе в изображениях гербов дворянских грамот, передачей типических качеств зримых природных и культурных явлений. Представленный же в упомянутом документе герб исполнен в ренессансном стиле середины – второй половины XVI в., когда гербовые щит и шлем, как это и обнаруживается в красочном рисунке дворянской грамоты Йенса Бруна, уже являлись не типическими образами «живого» доспеха, а отвлеченно-художественными фигурами.

Следует также согласиться с Н. Бартольди в том, что в скандинавских странах позднего Средневековья утвердилась мысль относительно того, что герб получателя дворянских вольностей должен быть на письме «авторизован» (auteriseret) королем, что «королевская

⁵⁷ *Bartholdy N.G.* Op. cit. S. 25.

грамота была гарантией распоряжения» (det kongelige brev var en garanti for dispositionen) этим гербом. Однако его безоговорочное утверждение, что представленные в грамотах словесно и художественно гербы создавались только самими получателями этих гербов, что королевское пожалование герба было «формальным» (formelt), т. е. имело «форму регистрации» (en form for registrering)⁵⁸, полностью принять нельзя. Конечно, нет оснований для отрицания того, что некоторые получатели грамот могли сами предлагать гербы на утверждение в королевскую канцелярию или участвовали в их создании. Но в целом ряде случаев, как это отмечает и сам Н. Бартольди⁵⁹, новый герб являлся производным от герба государя, а, следовательно, как можно догадываться, воля короля при определении состава знаков этого нового герба, вероятно, была решающей и, в конце концов, выражалась как настоящая королевская милость. К таким производным гербам, например, несомненно, надо отнести: герб общины города Мальмё, ибо он включает в себя голову грифа герба герцога Померанского, коим являлся король Эрик, и королевскую корону; и герб датчанина Стаффена Нильсена (Staffen Nielssen) (№ 68), поскольку в нем представлена «половина синего льва», явно произведенного от синих львов герба короля Дании. В этой связи вспомним и герб соборных пробстов из Роскилле, который включал золотого слона с башней – знак ордена «датских (союзных) королей» и королевскую корону на шлеме.

Наконец, нельзя согласиться с подходом Н. Бартольди к определению характера словесных описаний гербов в опубликованных им документах и в целом в скандинавской письменности XIV–XVI столетий. Здесь он исходит из того, что в указанное время в Западной Европе уже якобы существовали установленные правила «вербального» (verbale) представления гербов, которые предполагали описание сначала поля щита, а затем заключенных в него фигур, а также гербовые цвета и металлы. И поскольку в скандинавских дворянских и гербовых грамотах «нормальная практика блазониро-

⁵⁸ Ibid. S. 37.

⁵⁹ Ibid. S. 39.

вания» (normal blasoneringspraksis)⁶⁰, по обыкновению, не находила применения, как-то: сперва говорилось о фигурах, употреблялись слова «желтый» и «белый» и прочие «негеральдические цвета» (uheraldiske farver), то описания гербов в этих грамотах производились «без профессионального знания геральдического предмета» (uden professionel heraldisk sagkundskab)⁶¹.

Но такое понимание «геральдического предмета» позднего Средневековья явно противоречит умозрению людей этой эпохи, в том числе умозрению первых геральдических теоретиков, имена которых выше уже назывались.

В самом деле, в трактатах XIV–XV вв. определение «нормальной практики блазонирования» основывалось на традиции, к тому времени уже бытовавшей в повседневной действительности, а не на отвлеченно-теоретических понятиях, что будет иметь место в формальной геральдике XVII–XXI вв., от положений которой, как очевидно, отталкивается в своих рассуждениях Н. Бартольди. Вместе с тем всякая традиция в Средние века претерпевала изменения, а потому и «нормальная» практика словесного описания герба, равно как и его художественная образность, была подвержена переменам. В то же время при всей универсальности понятий духовно-исторического мира Западной Европы, к которому принадлежали и скандинавские страны, в этом мире традиция какой-либо земли всегда считалась «нормальной», что можно объяснить ее обусловленностью особенностями местной культурно-общественной жизни. Отсюда даже сама постановка вопроса о признании обычая какой-то одной или нескольких стран средневековой Западной Европы «классическим», в том числе «геральдически классическим», следует признать неверной.

В завершении подчеркнем, что настоящая публикация дворянских и гербовых грамот представляет большую ценность для исследователей истории дворянства и геральдики скандинавских стран.

⁶⁰ Ibid. S. 25.

⁶¹ Ibid. S. 27.

А.П. Черных

**Небезопасный «кларен-
секс» с «семьей перевязей»**

Издательство АСТ перевело и опубликовало книгу британского гербоведа Стивена Фрайера, созданную им в соавторстве с художником Джоном Фергюсоном (*Фрайер С.* Геральдика. Гербы – символы – фигуры. М., АСТ-Астрель, 2009. – 208 с.). И в связи с этим – две новости: хорошая и плохая. Первая состоит в том, что отечественному читателю стал доступен в переводе нормальный, популярного уровня, образчик современного мирового гербоведения, а вторая касается уровня самого перевода. Начнем с хорошей.

Еще в 1990 г. я говорил о трудах Ст. Фрайера в области гербоведения¹. В своем словаре Фрайер писал об использовании в школьном образовании геральдики, которая представляет собой благодатный материал для подобного преподавания. Он предлагал несколько уровней такого обучения: от «узнавания» гербов самыми младшими до изучения геральдических памятников и собственно геральдики старшеклассниками. В некотором смысле настоящая книга², выбранная российским издательством для перевода, представляет собой реализацию этого тезиса.

Еще тогда было очевидно, что хронологические рамки геральдики Ст. Фрайер понимает очень широко. Свое повествование он начинал с древности, говорил о

¹ A New Dictionary of Heraldry / Ed. by St. Friar. London, 1987. 384 p. См. *Черных А.П.* Новые книги по геральдике (Обзор) // Средние века. Вып. 53. М., 1990. С. 254–259.

² *Friar St.* A Basic Heraldry. London, 1993; 2 ed 1999.

визуальных обозначениях власти, с чем нельзя не согласиться, и фактически продлевал их существование вплоть до наших дней. В настоящей книге его позиция в этом отношении не изменилась. Потребность в символах он связывает с уровнем развития социальной организации. Естественно, что он говорит о знаменах, поскольку речь идет о визуальных признаках. Однако это лишь беглое упоминание, потому что сразу же он переходит к VIII–IX вв.

Изложение истории и проблем исторической геральдики сопровождается многочисленными примерами европейской и чаще, что вполне естественно, английской геральдики. Причем эти примеры органично включены в ткань повествования. Книга – не научное исследование, но основана на ряде таковых. Поэтому упоминание драконов в тексте о раннем генезисе британской геральдики не случайно: оно вводит в контекст раннего, трудно реконструируемого эмблематического пространства догеральдического периода, но исходя из особенностей формирования корпуса визуальных образов это вполне логично и правильно³. Говоря о т. н. «негеральдических фигурах» Фрайер дает соответствующее времени христианское наполнение распространенных эмблем льва, орла и других. Эти пояснения очень кратки, но они привлекают внимание читателя к бытованию этих образов и их «объяснению» в культуре своего времени⁴. Он точно замечает, что «большинство средневековых фигур пришло в европейскую геральдику из средневековых бестиариев, а корни очень многих из них лежат в классической мифологии»⁵. Поэтому когда он говорит как о возможном генезисе дракона в английской геральдике через римскую эмблематику⁶, с ним нельзя не согласиться.

Ключевым критерием оценки умственного потенциала любого автора, пишущего о геральдике, является отношение к проблеме ее возникновения. Для позиции Фрайера характерна известная деликатность в сочетании

³ Фрайер С. Геральдика. Гербы – символы – фигуры. М., 2009. С. 14.

⁴ Там же. С. 182–185.

⁵ Там же. С. 183.

⁶ Там же. С. 186.

с определенностью. Например, он упоминает о гобелене из Байё, отмечает дискуссионную историю его оценки, но в то же время занимает однозначную позицию, отвергающую этот памятник как свидетельство ранней или протогеральдики⁷. Принципиально более конструктивна его позиция, когда он говорит, что корни британской геральдики нужно искать не в Нормандии, а в системе обозначений, использовавшейся представителями родов посткарولينгской империи. Он полагает, что использование определенных знаков было связано с родовыми или феодальными объединениями⁸. Фрайер уже не подвергает критике теорию возникновения герба, имеющую в основе закрытое шлемом лицо рыцаря. В словаре он писал, что именно с позиции «узнавания» в бою, с военной точки зрения, щит является чрезвычайно неудобным предметом для помещения каких-либо способствующих опознанию знаков⁹. Теперь он не считает нужным тратить на это время, а лишь мимоходом замечает, что эта теория «сомнительна с точки зрения своей достоверности». Он предпочитает связывать гербы со статусом и принадлежностью к высшему сословию¹⁰. Причиной обзаведения гербом и флагом и последующего стремительного распространения геральдики он считает локальное Возрождение XII в. с повышением внимания к собственному «я»¹¹. Абсолютно правильна более чем скептическая оценка Фрайером связи геральдики с крестовыми походами и его критика мнения, что крест присутствует в гербах родов, связанных с крестоносными предками. Она не только справедлива, но и заставляет с большим доверием и вниманием относиться ко всем прочим мыслям, высказываемым автором¹².

Автор очень деликатен при изложении такого сложного и, в сущности, очень мало исследованного в целом вопроса, как геральдика и отражение в ее формах феодальных и родственных связей. К ней в какой-то сте-

⁷ Там же. С. 9–10.

⁸ Там же.

⁹ Черных А.П. Новые книги по геральдике (Обзор) //Средние века. Вып. 53. М., 1990. С. 254–259.

¹⁰ Фрайер С. Указ. соч. С. 10.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Там же. С. 19.

пени примыкает тема «говорящих» гербов, и очень хорошо, что Фрайером она рассматривается именно в главе о возникновении геральдики, а не в разделе классификаций и всяких особенностей гербов. Фрайер прав, когда помещает всегда представляющие интерес гласные или «говорящие» гербы в раздел возникновения геральдики, структурно подчеркивая единство и близость этих сюжетов, из взаимовключенность¹³. Отмечая связь изображения с родовым именем¹⁴, он пишет: «Обилие «говорящих гербов» в XIII и XIV вв. позволяет предположить, что существует множество подобных эмблем и символов, которые еще ждут своего исследователя – потому как заложенные в них иносказания не слишком понятны человеку XX столетия»¹⁵. Фрайер справедливо видит ранний генезис геральдики в установлении традиции наследования феодального имущества и прав¹⁶, хотя, разумеется, это уже тот этап развития, на котором гербы приобрели черты общественного института. Непосредственный механизм появления герба у индивида или рода Фрайер не затрагивает. Он пишет, что представители знати сами создавали гербы и сами «даровали» их себе¹⁷. Если механизм дарования герба сверху вниз более или менее понятен, то наши представления о механизме усвоения природного (самобытного) герба столь же далеки от идеала, как времена начала геральдики от наших дней.

В историческом отношении представляет интерес высказывание Фрайера, касающееся геральдической практики, а именно то, что «влияние и могущество феода определялось количеством вассалов, которые носят его гербовые цвета»¹⁸. Из текста неясно, относится ли это автором лишь к XIV–XV вв., или может быть распространено на более раннюю эпоху, но в любом случае наблюдение весьма примечательное. Действительно, в эту эпоху всеобщей и всепроникающей визуализации,

¹³ Там же. С. 26–27.

¹⁴ Там же. С. 22.

¹⁵ Там же. С. 27.

¹⁶ Там же. С. 29.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 64.

чем еще можно было обозначить вассальную связь? Не возить же с собой договор оммажа!

Фрайер изящно, одной фразой касается целого ряда проблем, касающихся различных уровней связей (родовых, феодальных) и их зримого отображения, и отмечает возможность визуализации отсутствия таковых – и при этом в пределах ограниченного выбора визуальных средств¹⁹. Стилю Фрайера вообще свойственна мягкая, но по-настоящему интеллектуальная ирония. Это особенно чувствуется в разделе, посвященном «воображаемой геральдике»²⁰.

Фрайер рассматривает геральдику на фоне европейской истории: начиная от зарождения геральдики и чисто геральдических сюжетов он переходит к «веку рыцарства», геральдическим перипетиям Столетней войны, в том числе и связанным с городскими гербами, а затем к войнам Роз. Да, по всей вероятности, поэтическое название этого противостояния – Война Роз – возникло только в конце первой трети XIX в. Но происхождение названия оказывается несущественным при изложении истории использования бэджей алой и белой роз задолго до описываемой Шекспиром сцены²¹ – Ст. Фрайер бегло излагает эту историю с XIII в. Здесь заслуживает внимания не только попытка объяснения причин, побудивших герцога Йоркского воспользоваться в качестве изобразительного девиза белой розой, но и подчеркивание того, что тот избрал ее из *многих* имевшихся у него эмблем²².

Не случайно Фрайер уделяет значительное внимание институту средневекового турнира. Для его позиции в отношении геральдики принципиальна фраза: «...честь быть рыцарем и демонстрация принадлежности к этому сословию посредством ярких гербов и пышного убранства турнира сыграли гораздо более важную роль в развитии геральдики, чем ее использование на поле боя»²³, и далее, когда он подчеркивает «исключи-

¹⁹ Там же. С. 30.

²⁰ Там же. С. 31–33.

²¹ Там же. С. 63.

²² Там же. С. 64.

²³ Там же. С. 38.

тельность круга избранных, допущенных к участию в турнирах»²⁴.

В изложении Ст. Фрайера геральдика всегда является частью исторического контекста, составляющим элементом истории Англии. Всей английской истории он придает геральдическое измерение, касается это церковной геральдики или других тем. Понимание Ст. Фрайером геральдики вполне современно – он прекрасно представляет себе, что одними классическими гербами эта эмблематическая реальность не исчерпывается и, например, повествуя об эпохе Генриха VII, говорит о самых разных «визуальных символах»²⁵, встречающихся в качестве элементов декора архитектуры, мебели и проч. На примере гербов жен короля Генриха VIII²⁶ Фрайер показывает эмпирическую жизнь герба – возможные добавления, сочетания гербов и т. п.; рассказывая об отношении Елизаветы I и Марии Стюарт к эмблематической пропаганде, Фрайер демонстрирует вариативность и изменяемость гербов самого высокого уровня²⁷. Здесь показана та высокая политическая роль, которую стала играть геральдика во второй половине XVI – нач. XVII вв., выражая не только притязания на «иностранные» владения, но и обозначая приоритеты в наследовании трона в пределах правящего дома и риторически подкрепляя законность этих притязаний. В полемике эмблем того времени было уже немало ренессансной моды на игры со смыслами, но в отношении к эмблемам по-прежнему оставалось еще очень много средневекового.

Особый интерес вызывают замечания Фрайера в отношении заката геральдики. Автор относит его к XVI – нач. XVII вв. и пишет, что «к XVI в. герольды приучили всех людей к мысли, что гербовый щит является символом благородства»²⁸. Процесс был несколько сложнее, и не столь однозначным, как можно подумать в связи с этим коротким высказыванием, но действительно, в

²⁴ Там же. С. 41.

²⁵ Там же. С. 90.

²⁶ Там же. С. 90–92.

²⁷ Там же. С. 98–100.

²⁸ Там же. С. 100.

XVI–XVII вв. обладание гербом в сознании общества уже прочно связывалось с благородным статусом, в отличие от средневекового восприятия гербов. Но статус герба в обществе не понизился: Фрайер пишет, что количество фальшивых гербов измерялось тысячами²⁹, а это говорит в первую очередь о тысячах стремившихся к обладанию гербом. Разве не в пользу того же самого говорит и приводимый пример арестованного в 1557 г. жулика У. Доукинса, выдававшего себя за королевского чиновника и торговавшего гербами и фальшивыми родословными³⁰? И разве это специфика исключительно XVI в.? Автор пишет применительно к более позднему периоду: «Промышленная революция породила новую элиту из числа промышленных магнатов и сталелитейных королей, жаждущих приобрести атрибутику аристократии и проявляющих волчий аппетит ко всему, что относится к генеалогии и геральдике»³¹.

Чтобы представить себе уровень информативности книги, достаточно обратить внимание на упомянутое Фрайером систематическое сознательное уничтожение геральдических памятников в ходе перипетий исторического процесса, как это было в Англии после 1649 г., когда королевские гербы были или сбиты и стерты со стен, или – в лучшем случае – сняты и спрятаны³². С точки зрения сохранности геральдических памятников аналогичную роль сыграл послереставрационный указ 1660 г. с требованием ликвидации гербов Английской республики и восстановления геральдических изображений королевского герба в храмах, на кораблях и проч.³³ Ссылаясь на Б. Берка, автор пишет о вскрытии гробницы Кромвеля, в которой была обнаружена медная пластина с гербом, представлявшим собой личный герб Кромвеля в соединении с английским королевским³⁴. Мне не приходилось ранее встречать такого, геральдически выраженного, дополнения к политической характеристике Кромвеля.

²⁹ Там же. С. 101.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 147.

³² Там же. С. 123.

³³ Там же. С. 125.

³⁴ Там же. С. 124.

На примере истории гербов Ричарда Невилла, графа Уорика, и некоторых других Фрайер показывает кратко и доступно принцип формирования герба, его составления, совмещения с другими гербами – целый комплекс формальной геральдики на конкретном примере³⁵. Показательны примеры из Шекспира, Дрейтона и Коллингборна, которые демонстрируют включение геральдической составляющей в текст художественного произведения³⁶. Расшифровка геральдических иносказаний Коллингборна – яркий пример бытования этого материала у современников³⁷.

В то же время следует добавить, что Фрайер не может, оставаясь на почве исторического источника, испытывать уверенность за пределами исторически обоснованных данных и, когда, например, говорит о происхождении щитодержателей, он пишет «существует предположение»³⁸.

Эрудиция автора касается многочисленных проявлений исторической геральдики в повседневности раннего Нового времени, в частности, траурной церемонии, обряда погребения и визуализаций, связанных с идентификацией *post mortem*³⁹. Приводимая Фрайером возможность прочтения визуальной информации в таком почти исключительно британском геральдическом изобретении XVII в., как изготавливавшиеся из дерева или холста мемориальные доски с гербами (*Hatchment*)⁴⁰, и интересна, и полезна. Даже сохранившиеся 4,5 тыс. английских досок – это огромное количество памятников национального культурного наследия, каковым является геральдика. А автор полагает, что в XVII–XVIII вв. их число было значительно больше. В то же время – и это уже претензии скорее к переводу – непонятно, почему мемориальная доска представляет собой извращенное представление о символах чести (подпись к изображению на с. 108); что в ней такого извращенного?

³⁵ Там же. С. 73–75.

³⁶ Там же. С. 75 и др.

³⁷ Там же. С. 77–78.

³⁸ Там же. С. 94.

³⁹ Там же. С. 107–109.

⁴⁰ Там же. С. 109–111.

Автор затрагивает такой достаточно редкий в гербоведческой литературе сюжет, как колониальный вариант развития геральдики метрополии⁴¹. Я с огорчением вынужден признать, что места для этого отведено до обидного мало; однако он все же присутствует, и это еще больше украшает книгу.

Что касается источников, то в оценке этой проблемы автор отмечает тесную связь геральдики и сфрагистики и справедливо отмечает важную роль печатей в генезисе геральдики⁴². Рассказывая о гербовниках, Фрайер предлагает некоторое изменение классификации Э. Уагнера. Он отмечает гербовники «по случаю» и институциональные, но выделяет и региональные, и иллюстративные⁴³ – и справедливость такого подхода нельзя не отметить. Кроме того, он говорит об «общих» гербовниках, представляющих собой сочетание различных их типов. Однако изучение гербовников вряд ли берет начало в XIII в., т. к. в это время они только появляются; автор явно хотел сказать что-то другое⁴⁴. А то, что предлагается читателю под названием «перечень гербов», на самом деле не что иное, как упорядоченный гербовник.

Заслуживают внимания «узлы-кокарды»⁴⁵: этот материал редко появляется в геральдических работах, и в основном фигурирует в них как дополнительный элемент герба позднего Возрождения и раннего барокко, да и то в несколько другом качестве; ни в тексте, ни в подписях Фрайер не дает ни хронологических уточнений, ни подробностей, а жаль (есть только маленькое упоминание об узле Стаффордов на с. 67).

Рассказывая об английской Геральдической коллегии, Фрайер излагает историю института герольдов в Англии и заодно повествует о ряде интересных сторон геральдической практики⁴⁶. Кратко и точно охарактеризованы геральдические визитации, названные инспекционными поездками герольдов⁴⁷.

⁴¹ Там же. С. 105.

⁴² Там же. С. 21–22.

⁴³ Там же. С. С. 58.

⁴⁴ Там же. С. 58.

⁴⁵ Там же. С. 65.

⁴⁶ Там же. С. 78–85.

⁴⁷ Там же. С. 61.

Далее автор переходит к освещению региональных вариантов английской геральдики – геральдики Уэльса, Шотландии и Ирландии. На региональном материале Фрайер затрагивает интереснейшие проблемы: например, на примере геральдики Уэльса он касается ситуации, когда генеалогически не связанные между собой семейства (хотя и претендующие на это) носят один и тот же герб⁴⁸. А ведь это – островная Англия, один из регионов ранней классической геральдики, а не Польша или Италия, где подобное – норма. Ситуация особого внимания к родовой знатности, которая приводится Фрайером в качестве объяснения, оставляет ощущение неудовлетворенности – эта ситуация не уникальна. Меня даже более заинтересовало замечание, что определенная система геральдики была связана только с началом правления Тюдоров и визитациями английских герольдов⁴⁹. Т. е. скорее всего мы имеем дело с наложением по меньшей мере двух – валлийской и английской – исторических традиций, двух вариантов развития геральдики. Фрайер говорит о различиях региональных вариантов в пределах Соединенного Королевства: «если в Англии девиз можно менять сообразно с волей обладателя герба..., то в Шотландии... оговаривается грамотами и подлежит подтверждению последующими поколениями обладателей герба и девиза»⁵⁰. На примере шотландской геральдики Фрайер рассказывает о знаках различия членов одного рода – бризурах⁵¹. Это – основательный подход, который позволяет избежать в изложении формальной геральдики теоретического абстрагирования, которое делает формальную геральдику обобщением, теряющим не только национальные, но и подчас вообще исторические черты.

Явными плюсами книги являются исторические примеры удачных и не вполне удачных дополнений к гербам Нового времени⁵², освещение современной английской практики личных и родовых гербов, касаю-

⁴⁸ Там же. С. 111.

⁴⁹ Там же. С. 112.

⁵⁰ Там же. С. 181.

⁵¹ Там же. С. 114–116.

⁵² Там же. С. 143–145.

щейся послебрачного использования герба супругами⁵³. Заслуживает внимания упомянутая Фрайером отмена в Англии после 1660 г. права передачи нашлемника по женской линии⁵⁴.

Есть у автора и утверждения, с которыми трудно согласиться. В какой мере шлем олицетворял сословное превосходство рыцарей⁵⁵ – вопрос спорный, и вряд ли он может быть решен без детального, возможно с элементами статистического анализа, исследования, которое пока, увы, никем не сделано. Это же пожелание в полной мере относится и к шлемовым эмблемам, режиму их усвоения, наследования и предпочтениям при возможности выбора из унаследованных. Когда Фрайер говорит об обладании гербом как признаке принадлежности к рыцарскому сословию⁵⁶, он исходит из более поздней по сравнению со Средневековьем общественной практики. Это дополняется и утверждением, что право на герб исходит исключительно от монарха, что еще в XIV в. было дискуссионным. В то же время Фрайер пишет: «право иметь нашлемник когда-то считалось привилегией и большой честью, гораздо более высокой, чем право на герб»⁵⁷. Это очень интересное высказывание заслуживает внимания и требует развернутой аргументации. Далее Фрайер пишет «Первый принцип геральдики заключается в правиле: «один человек – один герб»⁵⁸. И это утверждение тоже вовсе не бесспорно.

Возможно, более точным названием книги было бы «Английская геральдика», но автор создавал свою книгу для английского читателя, которому порой не столь важно, существует ли какая-нибудь еще, кроме английской. И хотя книга представляет собой сжатое изложение истории геральдики в целом, ее английский облик проявляется во всем, в том числе и в упоминании таких не слишком известных сюжетов, как уже упомянутые геральдические визитации⁵⁹ – это явление, воз-

⁵³ Там же. С. 202.

⁵⁴ Там же. С. 175.

⁵⁵ Там же. С. 39.

⁵⁶ Там же. С. 152.

⁵⁷ Там же. С. 174.

⁵⁸ Там же. С. 204.

⁵⁹ Там же. С. 96.

можно, не только английское, но бесспорно, что наиболее явные следы оно оставило именно в английской геральдике. Книга создана на английском материале, основана на примерах из английской геральдики и отражает особенности именно английского варианта этого общеευропейского явления. Это не умаляет ее достоинств и при этом не делает ее исключительно региональной; Фрайеру через английское гербоведение удается показать и историю, и структуру всей геральдики.

К несомненным достоинствам книги, редким в популярной геральдической литературе, относится также то, что у многих изображений гербов, приводимых в книге, есть датировка, т. е. хронологическая привязка. Книга и иллюстрирована хорошо, поскольку создатель иллюстраций (практически – соавтор Ст. Фрайера) Джон Фергюсон – профессиональный геральдический художник, обладающий существенными знаниями и вкусом. Вообще, английской геральдике, которая насчитывает немало хороших, умных, интеллигентных книг, опять повезло.

А нам повезло чуть меньше. Это касается особенностей перевода на русский язык.

Претензии к переводу книги Ст. Фрайера можно разделить на две основных группы: в первую отнесем отступления от принятой исторической терминологии, во вторую – упущения, касающиеся собственно геральдики.

Не хотелось бы углубляться в переводы внешнегеральдических понятий, но, встретив некоторые, просто трудно пройти мимо.

Так, термин «ублюдочный феодализм», несмотря на примечание редактора (с. 64), вряд ли можно отнести к вершинам переводческого мастерства. Далее: в отечественной литературе область Пиренейского полуострова, где нашла свое завершение Реконкиста, давно именуется Гранадой, так что лучше в написании этого топонима не ориентироваться на стихотворение Михаила Светлова (с. 90). И «Великий раскол» (с. 91) – во избежание излишних параллелей с отечественной историей – корректнее по традиции называть схизмой. Не было никакого смысла изобретать Ангевинских королей, тем более, что они, как оказалось, тому же редактору пре-

красно известны как Анжуйские (с. 12). К чему без нужды умножать сущности и называть короля Хлодвига – Кловисом (с. 44)? Мать Черного принца по-русски зовут Филиппа *де Эно* или *Геннегау*, но уж никак не Филиппа Геннауская (с. 46). Жаль, конечно, что под пером переводчика известные средневековые суверены плодятся, как мыши в амбаре, но еще более грустно, что это историко-филологическое плодородие поддерживает редактор.

Встречаемая в русскоязычном тексте «Бретонь» (с. 200) более известна как Бретань – несмотря на существование прилагательного «бретонский». Сомнение вызывает перевод названия «Draper's Companu» как «Компания торговцев мануфактурными товарами» (с. 146), да и 1348 год – не слишком ли ранняя для мануфактуры дата? Вероятно, вкралась опечатка: эта фирма (одна из старейших среди семи десятков лондонских ливрейных компаний) была основана только в 1361 г., а в 1438 г. королевской хартией ей был дарован герб.

Зачем изобрели Святого Георга (с. 121) – чем Святой Георгий не угодил? Ведь обычно Георгам в нашей литературе именуют английских королей – как раз для отличия от святых. А когда потом в русском переводе появляется Св. Георгий (с. 139) – то это всё тот же святой? Или уже другой? Но на с. 135 опять Св. Георг... Что за напасть! Ведь удалось же поименовать святого правильно в названии орденов Св. Михаила и Св. Георгия! А почему? Потому что рядом шла речь об учреждении ордена при Георге III – и требовалось дать имя короля.

Можно ли рассматривать тружеников науки и образования (я добавил бы к ним и переводчиков с редакторами) как своего рода воинов в борьбе с неослабевающим погружением человечества в трясины невежества? Уверен, это польстило бы многим из них, особенно если сочетать это с одновременным присвоением научно-воинских званий – вроде доктор-полковник, или лаборант-ефрейтор. Но прошлое не переделаешь – поэтому совсем напрасно переводчиком изобретен «рыцарь-бакалавр» (с. 50, 69, 133, 134), давным-давно известный отечественной медиевистике как башелье (или шевалье-башелье).

Подобных дефектов изложения в издании много, но на них придется закрыть глаза, потому что в сугубо геральдическом плане «русскоязычный Фрайер» разговаривает с читателем еще более причудливым языком.

Например, для знамени тамплиеров, которое читавшим «Айвенго» школьникам известно как «босеан» (baussant, beaucéant), переводчиком зачем-то предлагается термин «босон» (с. 21). Вместо английской Геральдической коллегии предъявляется то «Геральдическая палата» (с. 83 и др.), то «Коллегия герольдов» (с. 80). Замечу тут же, что глава шотландской герольдии – он все же Лорд Лев (или, если угодно, Лорд Лайон), но превращает его просто в «лорда-льва» (с. 153) неверно: ведь это должностное имя гербового короля Шотландии, а потому должно даваться с прописной (забавно, что тридцатью страницами ранее переводчик осмелился предложить читателю совершенно бессмысленное «Лорд герольдмейстер льва» (с. 114)). Главу ирландских герольдов лучше так и именовать, а не превращать его в «шеф-герольда» (с. 118). К слову, ни в Бретонском герцогстве (с. 59), ни в Ордене Подвязки (с. 60) верховный герольд никогда не именовался германизмом «герольдмейстер», поэтому переводить название их должностей с французского и английского следовало бы дословно – «гербовый король» (King of Herald, Roy d'armes). Зато – добавлю ложку меда! – введение переводчиком термина «младшие герольды» (с. 80) для обозначения персевантов мне лично нравится. В соответствии с принципами научного перевода один и тот же термин по возможности следует переводить по всему тексту одним и тем же словом – и жаль, что на этой позиции переводчику удержаться не удалось: четыре страницы спустя персеванты возникают снова, но уже как «помощники герольда» (с. 84), что неправда: они были вполне самостоятельными должностными лицами.

Откровенную досаду вызывает незнание авторами перевода термина «гербовник», из-за чего такой, в сущности, элементарный термин, как roll-of-arms, превращается в некие «геральдические свитки» (с. 57). В относительно редких случаях передача этого английского термина словосочетанием «*гербовые свитки*» возможна

– но только тогда, когда нужно подчеркнуть особенность внешнего вида рукописи. А у переводчика «под свитком понимаются полосы пергамента, переплетенные в тетради» (с. 58); но ведь тогда это уже не свиток, а кодекс! Так или иначе, но в «свитки» превратились и Конный гербовник Золотого Руна, и Гельдернский гербовник (последнему – наряду с Вийнбергенским гербовником (с. 117) – оказана особая «честь»: оба зачем-то именуется «армориалами»). Не хотелось бы прослыть совсем уж несносным ригористом: если Матвея Парижского переводчику больше нравится величать Мэтью Пэрисом, то это, в некотором роде, дело вкуса, но чтобы Гельдернский гербовник составил некто Хейжнен (с. 59)... Да разве не Хейнессон? В принципе, возможны – хотя и не очень желательны – разночтения в названиях гербовников. Но сами источники обязаны быть узнаваемы, а конструируемая в области исторической геральдики реальность должна описываться общим языком (если, конечно, почитать историческое знание именно знанием, а не разделом художественной литературы ближе к фэнтэзи). С этой точки зрения «свитку Балиоля» (с. 61) все же лучше и впредь существовать в исторической литературе под именем Гербовника Бэлиола.

«Звукопередача» – одна из самых непростых задач письменного перевода: она еще больше усложняется, когда вмешиваются посторонние факторы и влияния. Прочитав, что Роберт Кук, именем которого называется упорядоченный Гербовник Кука (а отнюдь не «Перечень Кука»), оказывается, был «главным герольдом провинции Кларенсекс» (с. 61, 80), я подумал – а кого именно хотят этим рассмешить? И почему именно здесь? Да, в Англии и правда много топонимических «-сексов» (Уэссекс и пр.), но создать из привычного Кларенса или Кларенсо столь современное «изделие» – при том, что «секса» в Clarenseux (в отличие от, напр., Sussex) даже не звучит!.. Что-то отвлекло, или наоборот, привлекло переводчика в этот момент? А о чем задумался, напорвшись на «Кларенсекс», редактор – да так задумался, что пропустил? А почему не о том, чтобы грамотно отредактировать книгу?

Со «значком герольда» (с. 62) опять попали в «за-саду»: ну не значок это, а бэдж – бесконечно более интересная вещь! Тем более, что речь здесь идет о знаменитых Алой и Белой Розах, визуализировавших Ланкастеров с Йорками в их противостоянии. Да, словом badge в англоязычном мире нынче называют и более знакомый нам значок для повседневного ношения. И что с того? Или строки из пушкинского «Графа Нулина» – «Наталья Павловна раздета. // Стоит Параша перед ней...» – тоже будем понимать в терминах отечественных реалий XX века?

Вообще, складывается впечатление, что авторы русскоязычного перевода Фрайера только-только открыли для себя увлекательный и не вполне ведомый им мир геральдики (впрочем, за пределами геральдических премудростей вселенная, в которой обитают переводчик и редактор, тоже странная: например, печати в ней – «чеканят» (с. 68), а не вырезают как обычно). Английскому crests у них соответствуют «петушиные гребни» (с. 39): конечно, можно было б дать банальные «нашлемники» или «шлемовые эмблемы»... Но чтобы дать – нужно взять, а откуда – если русская геральдическая терминология авторам перевода вообще неведома, а обиходного запаса слов не хватает? Одно тянет за собой другое: путаница с терминами не дает возможности понять, где изобразительные девизы, где личные эмблемы, – а ведь речь идет о сложном, интересном и относительно мало исследованном пласте визуальных признаков.

Даже в описании самых базовых гербовых форм царит дикая путаница. Осмелюсь заметить, что quarterly – это вовсе не «рассеченный на четыре части» (с. 46, 50): можно быть или рассеченным, или четверчастным (это последнее и есть quarterly). Упрощая в одном месте, усложняют в другом: герб Бирмингемской епархии не «рассечен надвое по линии зубцов», а всего лишь «зубчато рассечен»; герб Линкольн-Колледжа в Оксфорде не «рассечен натрое», а просто «дважды рассечен» (с. 150–151). Невнятный «шестичастный пересеченный щит» на деле оказывается всего лишь чередованием шести поясов, а «шестичастный щит, скошенный справа» – чере-

дованием шести правых перевязей; то же самое – с чередованием столбов и стропил (с. 163).

Можно сетовать на недоступность современной литературы по актуальной русскоязычной геральдической терминологии, но ведь «русскоязычный Фрайер» обнаруживает незнание даже с терминологией, которая дана в арсеньевской «Геральдике», изданной впервые век назад (а в новейшее время переизданной немалым тиражом!). Неужели переводчику вообще никто не намекнул на то, что по-русски о геральдике писали и до него? Видимо – так. И на правах «творца русской геральдической вселенной» он порождает не отдельных «адама» и «еву», а сразу целую «семью перевязей»(!), которая при пристальном рассмотрении оказывается обозначением тривиальных трех малых правых перевязей (с. 164 3а). Зато без нужды плодить синонимы переводчик умеет: крест у него получает имя «Х-образного» (8), а вилообразный – «У-образного» (9,10). Тут бы призвать ответственного редактора прочитать книгу один раз от начала до конца целиком, чтобы один и тот же крест на протяжении одной книги не назывался то так, то этак. Или книгу переводили два человека? А редактировали – тоже двое?

О примечаниях редактора (надеюсь, что он все-таки один) хочется сказать особо. Они неоднозначны. Иногда вполне корректны, разумны и более чем уместны – особенно когда справедливо поправляют текст автора (см., напр., комментарии о происхождении лилий в гербе Шотландии (с. 43) или о юбилее Хлодвига (с. 44)). Но иногда их очень не хватает. Вообще, соотношение текста перевода и редакционно-переводческих ремарок порой вызывает вопросы. Так, на с. 54 даны русские эквиваленты английских идиом. Получается что Ст. Фрайер – фанатичный приверженец русской лексикологии, раз приводит в своей книге русские выражения? Или же все проще: переводчик и редактор самовольно включили свой текст в авторский, вместо того чтоб скромно написать в скобочках – *(аналогично русскому «сидеть как на иголках».* – Прим. пер. или Прим. ред.)?

Рискуя навлечь на себя недовольство читателя, продолжу все же скорбный перечень утраченных смыслов.

После всего сказанного, вполне ожидаемо, что блazoны даются авторам перевода особенно тяжело: «три веретена, смыкающиеся в средней линии» (с. 73) – это «три веретена поясом»; у Диспенсеров не рассеченный четверочастный щит, а «четверочастный, серебряный и червлeный», потому что поле герба может быть, повторяю, или рассеченным, или четверочастным, и во 2 и 4 четвертях не золотые просветы, а «переплетенные золотом», а черная перевязь overall – это буквально «поверх всего», так и переводится, только она не левая, а правая – так написано (англ. bend) и так нарисовано (с. 74–75). Не повезло, как всегда, злосчастным мерлеттам: они обозваны – и многократно – то мартлетками (с. 14), то мартлетами (с. 24, 39, 186). И, как ни приятно видеть латиницей fleur-de-lis в тексте, слово это по бытованию уже давно стало вполне английским и легко может переводиться как «геральдическая лилия» (с. 46, 193). Т. е. везде, где в переводе прописана «королевская лилия», подразумевается просто геральдическая лилия. Называть ее королевской – произвольное толкование, далекое от истины: эта фигура очень широко распространена и никогда не была (и не является) привилегией монархов. «Обратных» цветов (с. 46) в блазонировании не существует – есть «переменные». В этом окружении превращение небезызвестного Симона де Монфора в Саймона выглядит даже мило.

Геральдический лев «вздыбился» по всей книге – нет нужды приводить страницы. Текст гласит, например, что на ранних этапах «всякий лев, который не был львом вздыбленным, описывался как леопард» (с. 182). Это нововведение переводчика следует читать – «всякий лев, который не был львом восстающим...». Ни лев, ни грифон не могут быть «вздыбленными» (с. 189), они оба «восстающие» (gamprant). Ведь и сам переводчик уже успел узнать, что «вставший на дыбы – употребляется применительно к лошади» (с. 188).

Во фразе «отстоящая от границы щита двойная контурная линия с цветочным орнаментом с обеих ее сторон» (с. 114, 142) трудно угадать элемент шотланд-

ского герба, в котором, строго говоря, присутствует даже не двойная кайма, а двойная внутренняя кайма, и не обремененная лилиями, а процветшая (с. 43). Я подозреваю, что фраза «В шотландской геральдике правом носить герб, в котором отсутствуют символы, обозначающие положение того или иного человека в семье (indifferenced arms), обладает только глава клана» – на самом деле должна звучать так: «В шотландской геральдике правом носить родовые гербы без дополнительных различий (undifferenced arms) обладает только глава клана». Есть у меня и другое подозрение – в том, что мера свободы истолкования, невольно присутствующая в любом переводе, здесь исчерпана и роковая черта перейдена.

Глуповатая возникла ситуация с двусмысленными и странными «компаниями в мантиях»? (с. 53). Когда это член ремесленной гильдии имел право носить мантию? Разве речь идет не о «ливрейных компаниях» – т. е. ремесленных корпорациях, которые визуально самоидентифицировались через цвет своих церемониальных одеяний (ливрей)? Прав редактор, они действительно дословно так и переводятся.

Досадные двусмысленности, присутствующие в переводе, заставляют читателя постоянно быть в напряжении. Так, «русскоязычный Фрайер» говорит: «В XVI в. практическое значение личного герба как средства защиты стало терять свою первостепенную роль...» (с. 157). Что это значит – непонятно. Может быть, имелся в виду боевой щит? Или что-то другое? В названии раздела, звучащем как «Гражданская и корпоративная геральдика» (с. 146) под словом *civic* имеется в виду городская: «гражданская» – близко по этимологии, но неверно. Наличие доминионов у Ричарда III (с. 117) – явный анахронизм; *dominion* в этом значении – из исторического лексикона гораздо более позднего времени. С выражением «герб доминиона» (с. 155) следовало быть осторожнее, чтобы читатель не путал доминион Новейшего времени со средневековым «владением». *Marks of distinction* – это, скорее, различительные знаки, а не «знаки отличия». У знаков отличия все же другое значе-

ние, и знак незаконнорожденности вряд ли может считаться таковым (с. 206).

Словом, блазон не получился. Невнимание же к переводу блазона грозит геральдике опасностью навечно остаться в картинках. Это, в свою очередь, чревато тем, что анализ, существующий преимущественно в вербальных формах, из-за постоянного появления новых названий для одних и тех же форм приобретет черты безумия чисто поэтического.

Что касается иллюстраций, то в целом они соответствуют цели книги, но остается непонятным, почему к цветным иллюстрациям применен сугубо технический типографский термин «вклейка» (после с. 144), хотя можно было назвать их таблицами или, в крайнем случае, рисунками. Понятно, что на с. 55 подписи к гербам 3 и 4 перепутаны местами, да и на с. 136 – тоже. Претензии есть в отношении пояснительных подписей к рисункам структуры герба (с. 160). Они, к сожалению, не очень «пояснительны» и таковы, что вообще нельзя понять, что рассеченный, пересеченный и четверочастный – три разных деления гербового поля. Не все в порядке и с переводом названия точки С, обозначенной как «середина щита» – даже без сложной измерительной аппаратуры очевидно, что она расположена отнюдь не в середине.

«В соединенных гербах правая сторона щита всегда описывается (провозглашается) раньше левой, а в рассеченных гербах каждая часть с гербом описывается независимо от остальных...» (с. 159). Внешне эта фраза выглядит более или менее «гладко» – до тех пор, пока вы не попытаетесь понять ее смысл. Что значит «провозглашается»? Может, блазонируется? Вторая часть фразы, вероятно, пытается нам сказать, что в гербах, разделенных на несколько полей (а не только в рассеченных) каждое поле описывается как самостоятельный герб. Причина столь приблизительного перевода – слабое представление о предмете. Говоря современным сленгом – «не в теме». Отсюда и все прочие неуклюжие, неточные и неверные фразы.

Никто, разумеется, и не мечтает переводить на русский такие геральдические чудеса как элфин (или

альфин), йейл (он же – йель), виверн или рожденный из петушиного яйца кокатрис (кокатрикс), но и в переводе других слов остается еще значительный резерв для его улучшения. В частности, на с. 134 имеется в виду исходный рисунок, а не «оригинальный»; не следовало бы воротную решетку называть порткулисом (с. 126); *Arms of Office* (с. 152, 155, 159) – не «гербы канцелярии», а должностные гербы... Далее читаем в переводе – «геральдическая фигура – это объект или геометрическая фигура» (с. 159). В данном случае слово *object* должно переводиться как «предмет». Что-то мне подсказывает, что «олень идущий в естественном цвете» (с. 168), это «идущий олень естественного цвета». Достаточно широко употребляемая фигура «миллринд» (с. 170, 197) – это всего лишь «мельничное железко» (что, кстати, соответствует объяснению в тексте – с. 197). «Античные» короны – это «древние» короны, а «астральные» – просто «звездные»: ничего астрального в них нет, а звезды видны (с. 177).

Мне осталось непонятным, почему «в отличие от геральдических фигур ни главное, ни второстепенное поля не изображаются рельефными» (с. 161)? И это не единственное, чего я не понял. Что такое «четверочастный щит, рассеченный на серебряные и червленые поля с золотыми решетчатыми просветами по всем полям щита» (герб Спенсеров) (с. 143)? В действительности он просто четверочастный, серебряный и красный. И перевязь в нем обременена не «фестонами», а раковинами. Что за «бобышки и другие украшения, выступающие над поверхностью щита» (с. 157)? Может быть, имеется в виду умбон? Но из текста этого не ясно. Что такое «рыцарские реестры» (с. 172)? Гербовники? Если не они, то в каких «реестрах» находили свое отражение нашлемники?

Разработанная английская детализация не всегда хорошо воспринимается русской блазонной терминологией. Там, где устоявшегося эквивалента еще нет – там и вопрос критики стоит по-другому. Когда речь заходит о диминутивах (с. 161) – уменьшенных версиях геральдических фигур – я не придираюсь к «диминативам» (все же это перевод английской книги!), но сильно со-

мневаюсь, что пояснение «в русской геральдике они именуются узкими» принадлежит Ст. Фрайеру. Это уже не изъясн, а известная неряшливость перевода. Табличку «Фигуры деления» (с. 167) надо было назвать «Виды линий деления» (все же это не фигуры); не «большое число определенного вида фигур» (с. 170), а «большое число фигур одного вида». Вполне можно было пренебречь английской разницей между «безантированным» и «безантованным» полем, оставив только английские термины, все равно по-русски оно будет «усеянным безантами». То же самое в отношении дисков и шаров – надо было либо оставить их по-английски, либо дать примечание, не наделяя читателя «хартами», «пеллетами» и «усеянными караваями». А вот «гутты» вполне переводимы как «капли», с той только разницей, что *goutty de sang* – капли никак не черные, а червленые (с. 171). Очень сомнительно, что «армигер – лицо, имеющее право владеть оружием» (с. 172): в контексте это обладатель герба (обычно это слово так и переводится).

В семью геральдических цветов неожиданно как равноправный пролез пресловутый «гюльз», с которым, как я надеялся, давно покончено; для обозначения зеленого появился неведь зачем «верт». Да, для бытующих в английской геральдике цветов *sanguin* и *tingey* непросто подобрать удачные русские эквиваленты. Но это не основание для изобретения цвета «мюррей». А «тенне» – это просто оранжевый (с. 168–169). При том, что есть региональные особенности английской геральдики, более чем уместны были бы компетентные редакторские комментарии.

Но и это еще не всё – со с. 188 начинается словарь. Не скрою, это самое сложное для перевода. Хорошо, что нередко в скобках приведены английские термины, которыми пользуется Фрайер; достойно сожаления лишь то, что иногда их русские переводы в смысле соответствия оставляет желать много большего. В дополнении к словарю замечу, что двуглавый орел должен быть не с «расправленными», а с «распростертыми» крыльями (с. 183); «спина к спине» – это «противообращенные» (с. 188); «во всеоружии» означает «с (таким-то) вооружением» (с. 189); *langued* – не «положение

языка», а «с (таким-то) языком» и применяется тогда, когда язык геральдической зверюги отличается цветом или металлом (например, «с серебряным языком»); то же самое и в отношении «queued» – не «наделенный хвостом», а «с хвостом» (с. 190). Про каменную кладку (masoned) обычно говорят «мурованный», а не «сложенный» (с. 190); «коромысло» более известно как «водонос» (с. 195); «феон» (rheon) – это геральдический «наконечник дротика» (с. 199). «Горжет» – это просто «воротник», а таинственный «гарб» – просто «сноп» (с. 190). Также и «манш» (с. 195) – просто «рукав», пришедший в английский язык из французского. Но вряд ли это может быть основанием для транслитерации. Ну зачем, зачем нам новые «гарбы» и «манши»? Мало с нас бризур и блазона? Этот путь уже проходило немецкое гербоведение в XIX в., когда, пусть и с благой целью систематизации, вводились для всех, хотя бы единожды встречающихся в гербах изображений, свои особенные наименования. Ничего, кроме перенасыщения терминами, это не принесло.

Позволю себе напоследок еще два слова в защиту русского и геральдического языка.

В сельском хозяйстве поле может быть засеяно клевером, а в геральдическом – нет: в геральдике поле – усеяно (напр., гонтами, а не гонтом (с. 141); гонт – один, а гонтов (или геральдических лилий, безантов и т.д.) – много: настолько много, что ими усеяно всё гербовое поле).

Термин «бризура» – вероятно не лучшее, но пока необходимое слово в переводах западноевропейской геральдической литературы. В настоящей книге важность его подчеркивается наличием двух примечаний к одному и тому же слову (с. 116, 204). Но при этом пусть всё же оно будет в традиционной форме, и притом желательно женского, а не мужского рода (с. 116, 205). «Бризура» в мужском роде – это смелее, чем надо бы. Переводчик пишет: «правда, от него (бризура) можно было освободиться». Согласен – неплохо бы. Тем более, что в следующем абзаце сказано: «система бризур». Совершенно неожиданные проблемы возникли и со скло-

нением слова «щитодержатели» (с. 135, 137, 139, 149). Понятно, что русский язык знать «немодно», но всё же...

С одной стороны, это большое удобство, что ныне компьютерные программы умеют переводить «сами», но, с другой стороны, надо всё же за ними слегка и подправлять (пожалуй, пора признаться: я не верю в то, что технический перевод книги Фрайера осуществлял живой человек: издание не оставляет для такого предположения никаких шансов). Правку вполне мог бы осуществить живой человек – редактор, если бы обладал навыками редактирования специальной литературы. Может быть, у него настолько маленькое жалованье, что за него можно еще немного и вредить? Или это некие «враги-антизападники» таким машинно-инвалидным языком перелагают европейскую историческую литературу для того, чтобы сформировать у невинного ответственного читателя стойкое неприятие всего, что связано с «гнилым Западом»?

Может показаться, что этот избыточно многословный текст продиктован злопыхательством и недоброжелательством. Отнюдь. Я бы погрешил против истины, если бы сказал, что улучшений нет совсем. Это не так. Они есть. Даже с точки зрения терминологии присутствуют отдельные (непреднамеренные?) успехи перевода геральдической книги на русский язык. Вот, например, аугментации очень хорошо названы почетными дополнениями (с. 125–126), и персеванты удачно выведены под именем младших герольдов, и бризуры верно определены как знаки младших линий... Но так уж неприятно устроен человек, как-то «окадно» – всё ему мало.

Чему можно порадоваться еще? Тому, что издательству на зуб попался «всего лишь» Фрайер, а не фундаментальный старенький Фокс-Дэвис. О таком даже страшно подумать.

In memoriam

Аркадий Анатольевич Молчанов (27 февраля 1947 г. – 18 июля 2010 г.), наш друг и коллега, член редколлегии *Signum'a*, безвременно ушел из жизни этим жарким летом.

А.А. Молчанов – замечательный ученый-историк, кандидат исторических наук, автор многочисленных научных работ. После окончания в 1970 г. Исторического факультета МГУ научная одаренность и эрудиция А.А. Молчанова проявились в разных областях. В последние годы как научный сотрудник Института всеобщей истории РАН он занимался фундаментальными исследованиями в области эмблематики и генеалогии. Он стоял у истоков создания *Signum'a*, участвовал в разработке концепции и принципов издания, принимал живейшее участие в подготовке его выпусков.

К вопросам генеалогии он испытывал давний интерес и разрабатывал их как на материале близкой ему античной истории, так и средневековой, не исключая из сферы своего внимания и отечественную историю.

Ряд работ А.А. Молчанова освещал разнообразные вопросы сфрагистики, будь то моливдовул князя Святослава Игоревича сер. X в., новгородская булла Дмитрия Донского из собрания Государственного Исто-

рического музея или печать Дмитрия Донского из Новгорода. Им опубликована краткая, но высококачественная библиография по нумизматике и сфрагистике.

Отдельно он занимался вопросами эмблематики и геральдики. Его интерес вызывали истоки европейской эмблематики на материале родовых знаков древнегреческой знати, предыстория московского герба. Интерес к источникам отразился в публикациях, посвященных первому гербовнику российского дворянства, родовым эмблемам российских дворян восточного происхождения в «Гербовнике» А.Т. Князева 1785 г.

Особое внимание А.А. Молчанова занимали проблемы изучения знаков Рюриковичей. Эту тему неоднократно затрагивают его статьи, посвященные древнерусским предметам вооружения с княжескими знаками собственности, символике княжеской власти в домонгольской Руси, опубликованная на страницах первого выпуска *Signum'a* библиография проблемы знаков Рюриковичей.

А.А. Молчанов неоднократно выступал с научными докладами по проблемам эмблематики и генеалогии на международных и российских научных форумах. Общественно-научная деятельность А.А. Молчанова заслужила законную признательность отечественного геральдического сообщества: он кавалер Ордена Золотой Пчелы (Всероссийского геральдического общества); награжден Медалью «Памяти Е.И. Каменцевой» I степени (РГГУ и ВГО); Почетным знаком Всероссийского геральдического общества; медалью «За труды» Российского геральдического общества и др. Он состоял членом геральдической комиссии РАН (председатель комиссии – ак. РАН Ю.А. Поляков); действительным членом Историко-Родословного Общества в Москве.

А.А. Молчанов остается в нашей памяти добрым, веселым и интеллигентным человеком, чья духовность проявлялась во всем – в научных трудах и в отношениях с людьми.

Покойся с миром.

Библиография

Новые книги

Геральдика на русском фарфоре: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. 292 с., ил.

Мемориальная геральдика. Коллекция дворянских гербов в собрании Государственного музея городской скульптуры. Альбом. Сост. Ю.М. Пирытко, А.А. Алексеев. – СПб., 2010. 192 с., ил.

Яровая Е.А. Геральдика генуэзского Крыма. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. 208 с., 80 ил.

Alvarado Planas J. Heráldica, simbolismo y usos tradicionales de las corporaciones de oficio: las marcas de canteros. Madrid, 2009. 180 p.

Des armoiries et des livres. Les manuscrits de Pierre Lorfèvre. /D. Nebbiai, H. Loyau, P. Barasc, C. Gadrat. Paris-Orléans, IRHT, 2010. [Публикация он-лайн <http://lorfevre.irht.cnrs.fr>].

Die Bildlichkeit korporativer Siegel im Mittelalter. Kunstgeschichte und Geschichte im Gespräch / M. Späth. Cologne-Weimar-Vienne, 2009. 264 p.

Bourse R. Armorial des capitouls de Toulouse. Toulouse, 2009. 456 p.

Candréus C. De hädangangnas heraldik: en studie av broderade begravningsfanor ca 1670–1720. Hedemora, 2008. 346 s., ill.

Čech Z. Papezske znaky. Papal coats of arms. Kostelní Vydří, 2009. 517 p., ill.

Eeckhout J.-M. van den. L'armorial de la Flandre médiévale; un armorial du comté de Flandre, basé sur 120 armoriaux médiévaux. Vol. 1–2. Sint-Niklaas, 2009. 780 p., ill. [Период 1190–1658 гг.]

García Menacho y Osset E. Introducción a la Heráldica y manual de Heráldica militar española. Madrid, 2010. 135 p., ill.

Gorra M.C.A. La conchiglia in araldica: dal simbolo arcaico all'emblema di Santiago di Compostella. (Universita degli Studi di Perugia. Centro italiano di Studi Compostellani. Studi e testi; 4). Perugia–Pomigliano d'Arco, 2010. 255 p., ill.

The Herald in Late Medieval Europe / Ed. K. Stevenson. Woodbridge (UK); Rochester (NY), 2009. xi, 206 p., ill.

The Heraldry of Foreigners in England: 1400–1700 / Ed. M. Powell Siddons. (Harleian Society, NS; 19). London, 2010. 473 p., ill.

Lebel A. Armoiries françaises et suisses sur la porcelaine de Chine au XVIIIe siècle. Bruxelles, 2009. in-4, rel., 296 pp., 300 ill. en couleurs.

Nicolás-Minué Sánchez, Andrés J. Diccionario de símbolos heráldicos. Zaragoza, 2009. 98 p., ill.

Popoff M. Répertoires d'héraldique italienne. 2; Toscane (hors Florence); Arezzo, Borgo San Sepolcro, Fiesole, Lucca, Montepulciano, Pisa, Pistoia, San Gimignano, Siena; XIII–XIX siècles. Paris, Le Léopard d'or, 2009. 364 p.

Scheibelreiter, Georg. Wappenbild und Verwandtschaftsgeflecht: Kultur- und Mentalitätsgeschichtliche Forschungen zu Heraldik und Genealogie. Wien- München, 2009 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Ergänzungsband, 53). 349 p., ill. [Сборник статей].

II Seminario Ibérico de Heráldica. Actas. Madrid, Academie Internationale d'Heraldique, 2009. 168 p., ill.

Valero de Bernabé y Martín de Eugenio L. Las armas del caballero y la Heráldica. Logroño, 2009. 260 p., ill.

Valero de Bernabé y Martín de Eugenio L. Las figuras geométricas en la Heráldica gentilicia española. Madrid, 2009. 216 p., ill.

Valero de Bernabé L. Eugenio M. de. Las armas del caballero y la heráldica. Logroño, 2009. 260 p., ill.

Woodcock T. et alii. Dictionary of British Arms. Medieval Ordinary. Vol. 1–3. London, 1992–2009. Vol. 1. 1992. lxvi + 530 p. Vol. 2. 1996. xciv + 677 p. Vol. 3. 2009. cxvii + 670 p. Индекс имен.

Новые статьи

Антонов В.А. Ранняя история ордена Слона // Вопросы истории. 2009. № 4. С. 120–130.

Антонов В.А. Имя и образ герба в датской геральдике XII–XVIII вв. // Научные Ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Белгород, 2009. № 15 (70). Вып. 12. С. 65–69.

Молчанов А.А. Знаки Рюриковичей: итоги и проблемы изучения // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М.; Индрик, 2008. С. 250–269.

Молчанов А.А. Предыстория Московского герба // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. – М.; Индрик, 2008. С. 457–464.

Палавестра А. Измишљање традиције: илирска хералдика // Етноантрополошки проблеми. Београд, 2010. Т. 5. Вып. 3. С. 183–199.

Ткаченко А.А. О чем спорили клюнийцы и цистерцианцы? Социокультурное значение цвета одежд средневековых монахов // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени /Ин-т всеобщей истории РАН. – М.: Наука. Вып. 71 (1–2). 2010. С. 165–196.

Черных А.П. Гербовники XIV века // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени /Ин-т всеобщей истории РАН. – М.: Наука. Вып. 70. 2009. С. 212–241.

Черных А.П. Гербовники XIII–XIV вв. как памятники походов и путешествий // Homo viator. Путешествие как историко-культурный феномен / Под ред. А.В. Толстикова и И.Г. Галковой. М.: ИВИ РАН. С. 115–125.

Bergen-Pantens Ch. van den. Au fil des armoriaux // In Monte Artium: Journal of the Royal Library of Belgium. № 2. 2009. P. 187–201, ill. en coul. [О трех гербовниках из Королевской б-ки Бельгии: MS IV 1249 (кон. XIV в.), MS II 6563 (XV в.), MS 672 (нач. XVI в.)].

Harmignies R. Genèse d'un blason de reine: Fabiola, 5e reine des Belges // Archives héraldiques suisses. 2009–I. P. 24–28, ill.

Gonzalo Sánchez Molero J.L. La heráldica de Felipe II, príncipe, a través de las encuadernaciones de su librería rica // Hidalguía. Enero-febrero 2010. № 338. P. 117–142.

Mace L. Un clocher, un donjon et l'agneau pascal // Toulouse, une métropole méridionale: vingt siècles de vie urbaine. Toulouse, 2009. T. 1. P. 241–255, ill. [О средневековых печатях г. Тулузы].

Pinoteau H. Promenade dans l'héraldique des Angevins de Naples et de Hongrie // Auxilium Historiae. Tanulmányok a hetvenesztendős Bertényi Iván tiszteletére. Éd. T. Körmendi, G. Thoroczkay. Budapest, 2009. P. 245–253.

Vaivre J.-B. de. Les armes des grands maîtres de l'ordre de Saint-Jean de Jérusalem à Rhodes // Archives héraldiques suisses. 2009–I. P. 40–70, ill.

Vernot N. La croix de Saint Andre, facteur d'unité entre les Pays-Bas et le comte de Bourgogne: de Maximilien aux Archiducs (1493–1633) // La Franche-Comté et les anciens Pays-Bas, XIIIe–XVIIIe siècles. T. 1: Aspects politiques, diplomatiques, religieux et artistiques. Besançon, 2010. P. 95–128.

Сведения об авторах

КУЧИНСКИЙ Стефан Кшиштоф (13.01.1938–03.01.2010), польский историк, действительный член Международной академии геральдики (АИИ).

БЕДОС-РЕЗАК Бриджит Мириам – доктор, профессор истории Нью-Йоркского университета.

БАЙДУЖ Дмитрий Валерьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории и политических наук Тюменского государственного университета.

ЧЕРНЫШОВ Кирилл Михайлович – научный сотрудник Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.

ТКАЧЕНКО Александр Анатольевич – научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

ЛУЧИЦКАЯ Светлана Игоревна – доктор исторических наук, руководитель Центра культурной и исторической антропологии Института всеобщей истории РАН.

ЧЕСНОКОВА Надежда Петровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

МЕЛАНИЧ Елена Валентиновна – кандидат юридических наук, руководитель фирмы СИЛТЭК.

АНТОНОВ Владислав Алексеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

ЧЕРНЫХ Александр Петрович – кандидат исторических наук, руководитель Центра гербоведческих и генеалогических исследований Института всеобщей истории РАН.

Содержание

<i>От редколлегии</i>	3
<i>Кучинский С.К.</i> Человек в мире гербов (пер. Д.В. Байдужа)	5
<i>Бедос-Резак Б.М.</i> Средневековая идентичность: знак и понятие (пер. Д.В. Байдужа)	19
<i>Ткаченко А.А.</i> Послания папы Иннокентия III о подделках печатей.	94
<i>Чернышов К.М.</i> Немецкие брактеаты XII – начала XIII вв. как источник по формированию ранней европейской геральдики.	104
<i>Лучицкая С.И.</i> Воображаемая геральдика сарацин: цвета и фигуры	117
<i>Чеснокова Н.П.</i> Печати жалованных грамот русских цариц на православном Востоке (XVI–XVIII вв.)	129
<i>Меланич Е.В.</i> Сигнально-запретительная функция и будущее печати	146
<i>Антонов В.А.</i> Дворянские и гербовые грамоты в скандинавских странах позднего Средневековья	158
<i>Черных А.П.</i> Небезопасный «кларенсекс» с «семьей перевязей»	191
In memoriam А.А. Молчанова.	215
Библиография.	217

ББК 63.3(3)
УДК 94
С 32

Signum / Центр гербоведческих и генеалогических исследований; Институт всеобщей истории РАН. Отв. ред. А.П. Черных. Вып. 5. М.: ИВИ РАН, 2010. 223 с.

ISBN 978-5-94067-328-6

ЛР № 020915 от 23.09.2000
Объем 14 п.л. Тираж 200 экз.
Бумага офсетная.
Формат 60 x 84/16.
Гарнитура
Times New Roman
Сдано в печать 06.03.2011

Полиграфия:
Дробаха И.В.

Наш адрес:
Россия 117334 Москва,
Ленинский проспект, 32-А
Институт всеобщей
истории РАН
Центр гербоведческих и
генеалогических
исследований

Электронная почта:
signumivi@yandex.ru